

2018 №2

История российской психологии в лицах: Дайджест

Электронный научный журнал проекта
"История российской психологии в лицах"

ISSN 2415-7953

ISSN 2415-7953

**Электронный научный журнал
«История российской психологии в
лицах: Дайджест»**

Выпускается 6 раз в год

№ 2 2018

Редакционный совет

Главный редактор:

Костригин Артем Андреевич, старший преподаватель, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина; аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Ответственный секретарь:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Технический редактор:

Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, менеджер факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Нижний Новгород; председатель комиссии по качеству образования Факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Художественные редакторы:

Кочетков Дмитрий Игоревич (Россия)

Игошина Юлия Игоревна (Россия)

Editors

Editor-in-chief:

Kostrigin Artem Andreevich, Master (Psychology), Senior Lecturer of Department of Psychology, Kosygin Russian State University; Postgraduate of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Executive secretary:

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Technical editor:

Khusyainov Timur Maratovich, Master (Social Work), Manager of Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics Nizhny Novgorod"; Chairman of Commission on Quality of Education, Department of Social Sciences, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Postgraduate of Department of Social Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Art editors:

Kochetkov Dmitry Igorevich (Russia)

Igoshina Yulia Igorevna (Russia)

Редакционная коллегия

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)

Морогин Владимир Григорьевич, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной Академии Психологических наук, директор Научно-образовательного центра «Экспериментальная психология личности», профессор кафедры психологии, Медико-психолого-социальный институт ФГБОУ ВПО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (Россия)

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; председатель Нижегородского регионального отделения секции истории психологии Российского психологического общества (Россия)

Тихонова Элеонора Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Маслов Кирилл Сергеевич, PhD (психология), научный сотрудник, Институт психологии, Таллинский университет (Эстония)

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (Россия)

Маджаров Георги Александров, доцент, PhD (Psychology), Великотърновски университет «Св. св. Кирил и Методий» (Болгария)

Проскуликова Лариса Наумовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социальных наук и самоуправления Межрегиональной Академии управления персоналом, лектор Международного института глубинной психологии, докторант сектора философской антропологии ИФ НАНУ (Украина)

Батыршина Альфия Робертовна, кандидат педагогических наук, профессор РАЕ, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных наук, информационных технологий и сервиса, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт (Россия)

Белобрыкина Ольга Альфонсовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (Россия)

Чупров Леонид Федорович, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Россия)

Вержибок Галина Владиславовна, кандидат психологических наук, член-корреспондент МАН, доцент, доцент кафедры психологии Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь)

Чудакова Вера Петровна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института педагогики Национальной Академии педагогических наук Украины; научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины (Украина)

Сагайдак Александр Николаевич, кандидат психологических наук, руководитель Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» (Украина)

Editorial Board

Mazilov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Vice-President and Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Head of Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia)

Morogin Vladimir Grogorievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Full Member of International Academy of Psychological Sciences (IAPS), Director of Research and Education Center "Experimental Psychology of Personality" of Khakassia State University, Professor of Department of General and Clinical Psychology of Medical-Psychological-Social institution of Khakassia State University

Stoyukhina Natalia Yurievna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Chairman of Nizhny Novgorod Regional Department of Section of History of Psychology of Russian Psychological Society (Russia)

Tikhonova Eleonora Victorovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant professor of Department of Psychology, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)

Maslov Kirill Sergeevich, PhD (Psychology), Research Fellow, Institute of Psychology, University of Tartu (Эстония)

Bakshutova Ekaterina Valerievna, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of Department of General and Social Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education (Russia)

Madjarov George A., Associate Professor, PhD (Psychology), St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (Bulgaria).

Proskulikova Larisa Naumovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Governance, Interregional Academy of Personnel Management, Lecturer of International Institute of Depth Psychology, Postdoctoral student of Philosophical Anthropology of Institute of Philosophy of NASU (Ukraine)

Batyrshina Alfiya Robertovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Assistant Professor, Head of Department of Humanities, Information Technologies and Service, Naberezhnye Chelny State Trade and Technological Institute (Russia)

Belobrykina Olga Alfonsasovna, Candidate of Psychological sciences, Assistant Professor, Professor of Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Academician of Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology (Russia)

Chuprov Leonid Fedorovich, Candidate of Psychological Sciences, Professor of Russian Academy of Natural History, Full Member of European Academy of Natural History, Head editor of Scientific Journal "Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia" (Russia)

Verzhibok Halina Vladislavovna, Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Corresponding Member of IAS, Assistant Professor of Department of Psychology, Minsk State Linguistic University (Belarus)

Chudakova Vera Petrovna, Candidate of Psychological Sciences, Research Fellow of Institute of Pedagogy of; Research Corresponding Member of H.S. Kostyuk Institute of Psychology of National Academy of Educational Sciences of Ukraine (Ukraine)

Sagaydak Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Psychological Sciences, Director of Association of Depth Psychology «Teuring» (Ukraine)

История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018. № 2. 157 с.

History of Russian Psychology in Persons: Digest. 2018. № 2. 157 p.

ISSN 2415-7953

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес в интернете: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/index>

Подписано в печать 21.05.2017

© Авторы статей, 2018

Содержание

От редакции.....	10
------------------	----

Библиография

Чеснокова А.С. Нечаев Александр Петрович: данные библиографии #1	12
---	----

Воспоминания

Васюкова Е.Е. Он был Ученым. Он жил из «будущего в настоящее». К 85-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога, создателя смысловой концепции мышления Олега Константиновича Тихомирова.....	27
---	----

Фотографии

Васюкова Е.Е. Тихомиров Олег Константинович: фотографии.....	38
---	----

История и методология психологии

Артемьева О.А. Национальный субъект психологического познания: опыт историко-научной реконструкции.....	44
Васюкова Е.Е. Смысловая концепция мышления О.К. Тихомирова	51
Мешкова С.В. Палеопсихологическая теория антропогенеза Б.Ф. Поршнева: современный взгляд	65
Суколова И.А. Теория методологического кризиса в психологии и современность.....	73
Шевцов А.А. Философская антропология Серафима Автократова.....	81

Читаем забытую классику...

Автократов С.П. Введение к учебнику психологии.....	90
Стоюхина Н.Ю. Предисловие публикатора: Рейтынбарг Д.И. Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом (1947).....	93
Рейтынбарг Д.И. Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом.....	103

Хроника

Богданчиков С.А., Ракитина О.В. Первый Всероссийский форум историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы».....	150
--	-----

Table of contents

Editorial 10

Bibliography

Chesnokova A.S. Nechaev Aleksandr Petrovich: facts of bibliography #1 12

Memories

Vasyukova E.E. He was a Scientist. He lived from "the future to the present." (On the 85th anniversary of Oleg Konstantinovich Tikhomirov, the outstanding Russian psychologist, creator of the sense theory of thinking) 27

Photographs

Vasyukova E.E. Tikhomirov Oleg Konstantinovich: photographs 38

History and methodology of psychology

Artemeva O.A. National subject of psychological cognition: experience of historical and scientific reconstruction..... 44

Vasyukova E.E. O.K. Tikhomirov's sense theory of thinking 51

Meshkova S.V. B.F. Porshnev's paleopsychological theory of anthropogenesis: modern view 65

Sousokolova I.A. The theory of methodological crisis in psychology: a modern view 73

Shevtsov A.A. Seraphim Avtokratov's philosophical anthropology 81

Reading the forgotten classics

Avtokratov S.P. Introduction to psychology textbook 90
Stoyukhina N.Yu. Publisher’s foreword: Reitynbarg D.I. Some psychological issues of industrial injuries prevention theory. 93
Reitynbarg D.I. Some psychological issues of industrial injuries prevention theory ... 103

Chronicle

Bogdanchikov S.A., Rakitina O.V. First all-Russian forum of historians of psychology “History of Soviet psychology: research problems, achievements, prospects” 150

От редакции

Уважаемые читатели!

В настоящее время появляется достаточно большое количество работ по историко-психологической проблематике. Одним из наиболее интересных направлений является переиздание работ психологов, ставших классическими и большое количество таких книг переиздается в издательстве «Роща» (Иваново). В этом номере мы публикуем фрагмент из нового переиздания «Учебника психологии» С.П. Автократова.

Кроме этого, мы представляем следующие материалы.

1) Рубрика «Библиография»:

- А.С. Чеснокова представляет наиболее полный библиографический список работ Александра Петровича Нечаева (1870-1948).

2) Рубрика «Воспоминания»:

- Е.Е. Васюкова приводит свои воспоминания и воспоминания других учеников О.К. Тихомирова (1933-2001) о взаимодействии с учителем и ученым.

3) Рубрика «Фотографии»:

- Е.Е. Васюкова представляет фотографии из жизни и научной деятельности О.К. Тихомирова, некоторые из которых публикуются впервые;

4) Рубрика «История и методология психологии»:

- О.А. Артемьева рассматривает проблему развития научного психологического сообщества в первой половине XX в. Описываются условия и факторы становления психологической науки в Советское время.

- Е.Е. Васюкова представляет смысловую концепцию О.К. Тихомирова и обсуждает направления исследования, опирающиеся на данную концепцию.

- С.В. Мешкова анализирует палеопсихологическую теорию антропогенеза Б.Ф. Поршнева, прослеживая преемственность идей ученого в работах современных исследователей, в частности, в работах В.Г. Морогина;

- И.А. Сусоколова обсуждает теорию методологического кризиса в психологии, предложенную Л.С. Выготским, и рассматривает современное воплощение теоретико-методологической идеи выдающегося советского психолога;

- А.А. Шевцов обращается к творчеству малоизвестного сейчас философа и психолога С.П. Автократова (1833-1881) и анализирует идеи философской антропологии в его творчестве.

5) Рубрика «Читаем забытую классику...»:

- Публикуется введение к «Учебнику психологии» из нового издания книги, выпущенной издательством «Роща» (Иваново) в 2017 г. Обращение к идеям мыслителей XIX в. является сегодня одной из актуальных исследовательских областей в истории психологии;

- Н.Ю. Стоюхина освещает проблему борьбы с травматизмом в советской психотехнике 1920-30-х гг. и обосновывает актуальность изучения творчества Д.И. Рейтныбарга (1899-1977).

- Публикуется неизданная рукопись Д.И. Рейтныбарга «Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом» (1947).

6) Рубрика «Хроника»:

- публикуется отчет организаторов о проведении Первого Всероссийского форума историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы» (г. Москва, 10-11, 2018 г.).

Уважаемые коллеги! Приятного чтения! Надеемся вас увидеть среди авторов нашего журнала!

Редакция

Библиография

Нечаев Александр Петрович: данные библиографии #1

Чеснокова Анастасия Сергеевна

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» -
Нижний Новгород, Россия*

e-mail: nasty.chesnoks@gmail.com

Научный руководитель: Хусяинов Тимур Маратович

Аннотация. Данная работа представляет собой перечень трудов известного российского и советского психолога, одного из основоположников экспериментальной педагогики, доктора педагогических наук, профессора Александра Павловича Нечаева (1870-1948).

Ключевые слова: Нечаев А.П., психология, педагогика, психиатрия, невропатология, библиография.

Nechaev Aleksandr Petrovich: facts of bibliography #1

Chesnokova Anastasia Sergeevna

*National Research University "Higher School of Economics Nizhny Novgorod",
Russia*

e-mail: nasty.chesnoks@gmail.com

Scientific Advisor: Khusyainov Timur Maratovich

Abstract. This work is a list of the works of Alexander Petrovich Nechaev (1870-1948), the well-known Russian and Soviet psychologist, one of the founders of experimental pedagogy, doctor of pedagogical sciences, professor.

Keywords: Nechaev A.P., psychology, pedagogy, psychiatry, neuropathology, bibliography.

1893

Нечаев А.П. Пир. Философская поэма о любви. Опыт поэтического изложения Платона. СПб.: Издание журнала «Пантеон литературы», 1893. 13 с.

1894

Нечаев А.П. Пир. Философская поэма о любви. Опыт поэтического изложения Платона. Изд. 2-е. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1894. 16 с.

1895

Гербарт И.Ф. Психология; Пер. с нем. А.П. Нечаева // Образование. 1895. № 1, 2, 3, 4.

Гербарт И.Ф. Психология; Пер. с примеч. и алф. указ. А. П. Нечаева; с предисл. проф. С.-Петербур. ун-та А. И. Введенского. СПб.: Издание журнала «Пантеон литературы», 1895. 278 с.

Нечаев А.П. Об отношении Крылова к науке. СПб.: тип. В.С. Балашева и К., 1895. 15 с.

Нечаев А.П. Физиологическое направление в современной русской эстетике // Образование. 1895. №4.

1896

Нечаев А.П. Декарт как рационалист // Новое время. 1896. № 7204.

Нечаев А.П. Поэзия и философия // Новое время. 1896. № 8396.

1897

Нечаев А.П. О задачах современной психологии: Лекции для учащихся // Русский начальный учитель. 1897. № 2, С. 70–85, №4–5, С. 175–185.

Нечаев А.П. О памяти: Лекции для учащихся народных школ // Русский начальный учитель. 1897. № 8, 9.

1898

Нечаев А.П. Поэзия А.Н. Майкова: Крит. очерк Александра Нечаева, прив.-доц. Имп. С.-Петербур. ун-та. СПб.: Русский начальный учитель, 1898. 20 с.

Нечаев А.П. Об основных процессах умственной жизни // Русский начальный учитель. 1898. № 6.

1899

Нечаев А.П. Об умственном утомлении // Русский начальный учитель. 1899. № 1. С. 8–18.

Нечаев А.П. О постановке преподавания педагогики в женских гимназиях // Русская школа. 1899. № 1.

Нечаев А.П. К вопросу о взаимном отношении педагогики и психологии // Русская школа. 1899. № 3. С. 45–51.

Нечаев А.П. Письма о немецких школах // Русский начальный учитель. 1899. № 4.

Нечаев А.П. Школьный возраст // Русский начальный учитель. 1899. № 12– С. 492–496.

1900

Нечаев А.П. Школьный день // Русская школа. 1900. Т.1, № 1. С. 53–81.

Нечаев А.П. Экспериментальные данные по вопросу о внимании и внушении // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 52. С. 169–175.

Нечаев А.П. Гигиена внимания // Русский начальный учитель. 1900. № 10. С. 367–374.

Zur Frage uber normale geistige Arbeit // Zeitschrift fur Schulgesundheitspflege. 1900. № 3.

Experimentelle Untersuchungen uber die Gedachtnissentwicklung dei Schulkindem // Zeitschrift fur Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1900. № 24.

1901

Нечаев А.П. Наблюдения над развитием интересов и памяти в школьном возрасте, произведенные слушателями Педагогических курсов Военно-учебного ведомства под руководством приват-доцента Императорского С.-Петербургского университета а. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 43 с.

Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 236 с.

Нечаев А.П. Рецензия на книгу Н. Агапитова «Психологическая деятельность учащихся при описании предмета»: Приложение к отчету о состоянии Калишского реального училища за 1899 г. Варшава, 1900 // Педагогический сборник. 1901. № 3.

Нечаев А.П. К вопросу о реформе университетов // Русь. 1901. № 37.

Нечаев А.П. Ответ г. Айхенвальду // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 60. С. 504–518.

1902

Нечаев А.П. Об организации психологических наблюдений // Русская школа. 1902. № 2. С. 149–154.

Нечаев А.П. Из лекций по педагогической психологии // Русский начальный учитель. 1902. № 2, С. 50–57; №3, С. 126–134; №6-7, С. 183–187; №8, С. 273–278.

Нечаев А.П. Ответ г. Профессору А.И. Введенскому СПб.: Сенатская типография, 1902. 28 с.

Нечаев А.П. Умственное утомление; развитие памяти; скорость умственных процессов; развитие воли // Труды по экспериментальной психологии. 1902. Вып. 2. 95 с.

Über Memorieren. Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der padagogischen Physiologie.

Veränderung der Aufmerksamkeitschwankungen als Kennzeichen geistiger Ermüdung. Padagogischen psychologie Studien.

1903

Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей: в 2-х т. / СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1903-1908.

Т. 1: Процессы умственной жизни 1903. 187 с.

Нечаев А.П. Учительские курсы военного ведомства // Русская школа. 1903. Т. 3. № 10–11.

Нечаев А.П. Основатель педологии Стенли Холл и его научная деятельность СПб.: журнал «Русская школа», 1903. 12 с.

Нечаев А.П. По поводу статьи П.Ф. Каптерова «О детской памяти»: Письмо в редакцию // Русская школа. 1903. № 12.

Кауфман М.Л. Наблюдения за развитием зрительной памяти и характером преобладающих ассоциаций у детей дошкольного возраста. М.Л. Кауфман, Н.Н. Тычино, // Русская школа. 1903. №1. С. 63–79.

Нечаев А.П. Рецензия на доклад Н.Н. Володкевича «Опыт исследования высших душевных способностей детей школьного возраста. СПб., 1902» // Педагогический сборник. 1903. № 2.

1904

Нечаев А.П. О силе детской памяти // Вестник психологии. 1904. Вып. 1.

Нечаев А.П. Первый конгресс экспериментальной психологии (г. Гессен) // Вестник психологии. 1904. Вып. 6. С. 428–442.

Нечаев А.П. Ассоциация как закон воспроизведения представлений // Вестник психологии. 1904. Вып. 8.

Нечаев А.П. К вопросу о качественном различии состояний умственного утомления в связи с задачей построения целесообразного расписания учебного дня в технических школах // Труды Первого съезда по техническому образованию. 1904.

Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей. Изд-е 2-е. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 182 с.

Über Auffassung. Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der pädagogischen Psychologie und Ps Physiologie.

Zur Frage über die Entwicklung des Willens bei Schulkindern. Pädagogisch psychologische Studien.

Psychologie in Russland // Archiv für die gesamte Psychologie.

1905

Нечаев А.П. Ассоциация сходства СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. 278 с.

Нечаев А.П. К вопросу о родной речи и чужих языках // Книжки педагогической психологии / Под ред. А.П. Нечаева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1905. Кн.1. Вып.1. С. 39–41.

Нечаев А.П. Очерки по психологии детства // Русская школа. 1905. Т.1. №4, С. 73–85; Т.2. №7-8, С. 129–143; Т.3. №9, С. 85–104.

Нечаев А.П. О бессознательных ассоциациях // Вестник психологии. 1905. Вып. 6.

Нечаев А.П. К вопросу о преподавании психологии в нашей средней школе / Книжки педагогической психологии / Под. Ред. А.П. Нечаева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1905. Кн. 2. С. 132–136.

Нечаев А.П. К вопросу о преподавании психологии в нашей средней школе // Вестник психологии Вып. 5 СПб.: Тип. А. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1905.

Нечаев А.П. Памяти общеобразовательных земских курсов для народных учителей // Русь. 1905. № 21.

Psychologie in Russland // Archiv für die gesamte Psychologie.

1906

Нечаев А.П. Утомление учащихся после классных уроков и ручного труда // Книжки педагогической психологии / Под. Ред. А.П. Нечаева. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906. Кн. 4. С. 342–346.

Нечаев А.П. Учебник психологии для средних учебных заведений и самообразования СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1906.

Нечаев А.П. Учебник психологии для гимназий . СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1906. 187 с.

Нечаев А.П. Основы психологии чувств // Русская школа. 1906. Т.1. № 1. С. 54–72.

Нечаев А.П. Эстетическое чувство и его педагогическое значение // Русская школа. 1906. Т.1. № 2. С. 63–73.

Нечаев А.П. Памяти Н.И. Пирогова // Вестник психологии. 1906. Вып. 5. С. 196–197.

Нечаев А.П. Нравственное чувство и его воспитание // Русская школа. 1906. Т.2. № 5-6. С. 106–117.

Нечаев А.П. К вопросу о реформе нашей школы // Педагогический сборник. 1906. № 7. С. 1–12.

Нечаев А.П. О педагогическом институте // Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии. 1906.

Нечаев А.П. Психология и история педагогики как предметы чтений на курсах для народных учителей СПб, 1906.

Нечаев А.П. Краткий конспект курса всеобщей литературы, читанного в VI классе СПб консерватории А.П. Нечаевым СПб.: СПб консерватория, 1906. 77 с.

Psychologie in Russland // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1907

Нечаев А.П. Учебник психологии для средних учебных заведений и самообразования Изд. 2-е, доп. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1907.

Нечаев А.П. Воспитание воли // Русская школа. 1907. № 3, С. 18–29; №4, С. 9–22.

Нечаев А.П. К вопросу об исследовании богатства реальных представлений учащихся // Вестник психологии. 1907. Вып. 4. С. 91–100.

Нечаев А.П. Основной ход развития психической жизни в связи с главными задачами воспитания // Русская школа. 1907. Т.3. № 1, С. 1–18; № 12, С. 51–67.

Коллекция простейших приборов для преподавателей психологии в средних школах сост. , М.И. Коноров. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1907. 12 с.

Psychologie in Russland // Archiv fur die gesamte Psychologie.

Rozhledy po psychologu detstvi.

1908

Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения 2-е изд. Т. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1908.

Нечаев А. П. Индивидуализация обучения и задачи общего образования // Русская школа. 1908. № 7-8. С. 226–230.

Нечаев А.П. Экспериментально-психологические данные о развитии наблюдательности у школьников // Вестник психологии. 1908. Вып. 4. С. 101–117.

Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей [Текст]: в 2-х т. / СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1903-1908.

Т. 2: Процессы чувства и воли. СПб.: журн. «Русская школа», 1908. 99 с.

Нечаев А.П. Учебник психологии для средних учебных заведений и самообразования Изд. 3-е. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1908. 187 с.

Experimentelle Untersuchungen zur Frage uber Fremdsprachenunterricht, Padagogisch psychologie Studien.

Psychologie in Russland // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1909

Нечаев А.П. Индивидуализация обучения и задачи общего образования // Ежегодник экспериментальной педагогики. СПб, 1909.

Нечаев А.П. К вопросу о съезде по педагогической психологии и комментариях Г.И. Челпанова // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 5 (100). С. 805–810.

Psychologie in Russland // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1910

Нечаев А.П. Первые шаги Педагогической Академии // Русская школа. 1910. № 2. С. 175–186.

Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения Изд. 2-е. Т.1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1910.

Лай В. А. Экспериментальная дидактика: с подроб. излож. учения о мускул. чувстве и воле В. А. Лай, пер. с [нем.] под ред. А. П. Нечаева. 2-е изд. СПб.: Изд. Н. П. Карбасникова, 1910. 460 с.

Душевная жизнь детей. Очерки по педагогической психологии / ред. А.П. Нечаев, А.Ф. Лазурский. М.: Польза, 1910. 283 с.

Psychologie in Russland // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1911

Нечаев А.П. Учебник психологии для средних учебных заведений и самообразования Изд. 4-е. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1911. 151 с.

Нечаев А.П. Как преподавать психологию? Методические указания для преподавателей средних учебных заведений СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1911. 72 с.

Нечаев А.П. Первые шаги Педагогической Академии // III Ежегодник экспериментальной педагогики за 1910 г. СПб.: Тип. А.А. Александрова, 1911. С. 10–21.

Нечаев А.П. Н. И. Пирогов, как предшественник педологического движения // Современное значение педагогических идей Пирогова. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. С. 30–32.

Нечаев А.П. Наблюдения над чтением как один из видов естественного эксперимента // Труды I Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. 1911.

Нечаев А.П. Об экспериментальной школе при Педагогической Академии (организация и наблюдения за учащимися) // Труды Первого Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. 1911.

Нечаев А.П. Об экспериментальной школе при Педагогической Академии. М., 1911. 22 с.

Нечаев А.П. Об экспериментальной школе при Педагогической Академии // Вестник образования. 1911. № 3. С. 34–45.

Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей Изд. 4-е. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1911. 352 с.

Нечаев А.П. Руководство к устройству школьного естественноисторического музея местной природы СПб, 1911.

Нечаев А.П. Об экспериментальной педагогике // Речь. 1911. № 174.

Untersuchungen über Beobachtungsfähigkeit von Schultrn. Zeitschrift für angem. Psychologie.

Psychologie in Russland // Archiv für die gesamte Psychologie.

1912

Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения Изд. 2-е. Т. 2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1912.

Нечаев А.П. Пора читать: Книга для обучения чтению сост. СПб., 1912. 66 с.

Psychologie in Russland // Archiv für die gesamte Psychologie.

1913

Нечаев А.П. О новом методе обучения чтению М.: Тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1913. 11 с.

Нечаев А.П. О новом методе обучения чтению // Вестник воспитания 1913. № 2. С. 129–137.

Нечаев А.П. Новый способ исследования детского интеллекта // Труды Второго Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1913.

Нечаев А.П. Как преподавать психологию? Методические указания для учителей средних учебных заведений Изд. 2-е. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1913. 70 с.

Нечаев А.П. Совместное обучение с точки зрения педагогической психологии // Труды Второго Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1913.

Нечаев А.П. Экспериментально-психологические данные к вопросу о совместном обучении // Труды Второго Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1913.

Psychologie in Russland // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1914

Нечаев А.П. История философии: Для начинающих изучать эту науку М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. 176 с.

Вундт, В. М. Фантазия, как основа искусства / Вильгельм Вундт, проф. Лейпциг. ун-та; Пер. Л.А. Зандера; Под ред. проф. А.П. Нечаева. СПб.-М.: т-во М.О. Вольф. 146 с.

Лай В. А. Экспериментальная дидактика: ее основы с подробным описанием процессов воли и действия: Общая часть В. А. Лай; пер. с [нем.] под ред. А. П. Нечаева. СПб.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 510 с.

1915

Нечаев А.П. Учебник психологии для средних учебных заведений Изд. 5-е. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1915. 155 с.

Нечаев А.П. Исследование интеллектуальной сферы по методу единого процесса // Русская школа. 1915. Т.3. № 11, С. 1–8; №12, С. 1–14.

Нечаев А.П. Очерк психологии для воспитателей и учителей Изд. 5-е. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1915. 348 с.

Нечаев А.П. Письма о современной школе // Биржевые ведомости. 1915. № 1578.

Нечаев А.П. Труд юности и детства // Биржевые ведомости. 1915. № 1710.

Нечаев А.П. О родительских комитетах // Биржевые ведомости. 1915. № 1246.

Нечаев А.П. Семья и школа // Биржевые ведомости. 1915. № 14710.

Нечаев А.П. Институт Руссо // Биржевые ведомости. 1915. № 2286.

Нечаев А.П. Совместное обучение при свете экспериментальной психологии. Пг., 1915.

Вопрос о совместном обучении при свете экспериментальной психологии / под ред. А. П. Нечаева. Пг.: Екатерининская тип., 1915. 75 с.

The Study of Education in Russia. The Journal of experimental Pedagogy.

1916

Нечаев А.П. Курс педагогической психологии для народных учителей П.-М.: Т-во «В.В. Думнов, наследн. братьев Салаевых», 1916. 184 с.

Нечаев А.П. Школьное дело и общее состояние культуры в современной Австралии // Вестник воспитания. 1916. № 1. С. 144–200.

Нечаев А.П. О преподавании психологии в средней школе // Труды Третьего Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1916.

Нечаев А.П. Школьно-гигиеническая лаборатория Министерства Народного Просвещения Пг., 1916.

1917

Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения Изд. 3-е. Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1917. 284 с.

A new method of investigation of intelligence. The Journal of experimental Pedagogy.

1921

Нечаев А.П. Простейшие измерения степени умственного развития детей Сызрань: Сызранский подотд. Гос. изд-во, 1921. 43 с.

Нечаев А.П. Таблица для простейших измерений степени умственного развития детей Сызрань: Госиздат, 1921.

1922

Нечаев А.П. Психологические основы библиотечного дела (лекция, прочитанная в Центральном доме 16 марта 1922 г.) М.: Работник просвещения, 1922. 16 с.

Нечаев А.П. Экспериментальные данные к вопросу о воображении // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1922. Т.1. С. 1–19.

Нечаев А.П. К вопросу об организации библиотечного дела в Красной Армии (Наблюдения над умственным развитием красноармейцев) // Политработник. 1922. № 8-9. С. 81–89.

Нечаев А.П. Пора читать: Книга для первоначального обучения чтению. Изд. 2-е. Сызрань, 1922.

Нечаев А.П. Экспериментальные данные к вопросу о психологии обучения чтению // Детство и юность. Педагогический сборник. 1922.

Нечаев А.П. Исследование интеллекта по «методу единого процесса» // Труды Государственного Московского психоневрологического института. 1922.

Нечаев А.П. К вопросу о применении экспериментально-психологических методов к выяснению проблем, связанных с техникой военного дела // Воен. вестн. 1922. № 17.

1923

Нечаев А.П. Психологический метод обучения чтению М.: Т-во «В. В. Думнов, наследн. братьев Салаевых», 1923. 52 с.

Нечаев А.П. К вопросу об экспериментально-психологическом исследовании летчиков // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 2.

Нечаев А.П. Экспериментальные исследования процессов суждения в английских школах // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 2.

Нечаев А.П. Психофизиологические исследования в военных школах // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 2.

Нечаев А.П. П.Ф. Каптерев (некролог) // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 2.

Нечаев А.П. К вопросу об экспериментально-психологическом учете школьных знаний // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1923. Т. 2. С. 74–77.

Нечаев А.П. Психологические материалы к вопросу о состоянии дошкольного воспитания в современной России // Современный ребенок. 1923.

1924

Нечаев А.П. Психологические наблюдения над учащимися в военно-учебных заведениях // Достижения психофизической секции Малого

Академического совета по исследованию учащихся в военно-учебных заведениях СССР. М., 1924.

Нечаев А.П. Правдолюбов В.А. К вопросу о влиянии разнообразия раздражителей на процессы воображения // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. 1924. Т. 4.

1925

Нечаев А.П. Опыт психологического исследования спасательных команд Донецкого бассейна // Горный журнал. 1925. № 1.

Нечаев А.П. Руководство к экспериментально-психологическому исследованию детей дошкольного и школьного возраста М.: Издательство Мосздраводела, 1925. 79 с.

Нечаев А.П. Табак и его влияние на умственную деятельность взрослых и детей М.: Жизнь и знание, 1925. 32 с.

Нечаев А.П. Экспериментальные данные к вопросу об организации спасательного дела в шахтах // Горный журнал. 1925.

1926

Нечаев А.П. Память. Как ее сохранить и улучшить М.-Л.: Госиздат, 1926.

Нечаев А.П. К вопросу об исследовании интеллекта поступающих в военные школы // Красная Армия. 1926. № 4.

Нечаев А.П. Умственное утомление и его последствия // Труд просвещенца и физкультура. 1926.

Нечаев А.П. Умственный труд и физические упражнения // Труд просвещенца и физкультура. 1926.

Ум и труд: Экспериментально-психол. иссл. школьного и профессионального труда в связи с проблемами профотбора / Под ред. А.П. Нечаева. М.-Л.: Госиздат, 1926. 160 с.

1927

Нечаев А.П. Память. Как ее сохранить и улучшить // Психология физической культуры. М.: Работник просвещения, 1927.

Нечаев А.П. К вопросу об экспериментально-психологическом исследовании спасательных команд, работающих в шахтах // Психофизиология труда / Под ред. К.Х. Кекчеева, В.И. Рабинович. М.-Л.: Госиздат, 1927. 196 с.

Нечаев А.П., Кекчеев К.Х. Труд и утомление. М.-Л.: Госиздат, 1927. 78 с.

Нечаев А.П. Психология физической культуры М.: «Работник просвещения», 1927. 88 с.

Psychologische Untersuchungen an Kinder im Alter von vier bis acht Jahren // Zeitschrift fur angem. Psychologie. 1927. № 29.

Najas psichinip tyrimo metodas // Suietimo Darbas. 1927. № 10.

1928

Нечаев А.П. Психология школьного коллектива М.: Автор, 1928. 100 с.

Нечаев А.П. К вопросу об экспериментальном исследовании психического утомления М., 1928 7 с.

Нечаев А.П. Сила воли и средства ее воспитания М.-Л.: Гос. акад. тип., 1928. 72 с.

Нечаев А.П. Психология побед и поражений в шахматной игре М.-Л.: Госиздат, 1928. 61 с.

Нечаев А.П. Память. Как ее сохранить и улучшить Изд. 2-е. М.-Л.: Госиздат, 1928. 68 с.

Zur Frage uber Ermudungsmessungen // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1929

Нечаев А.П. Психология технического изобретательства М.-Л.: Госиздат, 1929. 88 с.

Нечаев А.П. Памяти Г.И. Россолимо // Журнал невропатологии и психиатрии. 1929. № 3-4 С. 254–255.

Нечаев А.П. Память человека и ее воспитание: психофизиологический очерк М.-Л.: Госиздат, 1929. 125 с.

Нечаев А.П. Характер человека М.-Л.: Госиздат, 1929. 113 с.

Психическое утомление: экспериментально-психологические исследования педагогического и профессионального труда / Под ред. А.П. Нечаева. М.-Л.: Госиздат, 1929. 178 с.

Нечаев А.П. Сила воли и средства ее воспитания Изд. 2-е. М.-Л.: Госиздат, 1929. 72 с.

Zur Frage uber gualitative Wahrnehmungsform // Ranschbury-Festschrift.

Inspiration // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1930

Нечаев А.П. Пособие для опытов с обучением чтению по радио М.: Изд-во НКПТ, 1930. 52 с.

Крамаренко В.К. Гимнастика по радио. / Проф. В.К. Крамаренко, проф. А.П. Нечаев. М.: Изд-во НКПТ, 1930. 16 с.

Нечаев А.П. Память человека и ее воспитание Изд. 2-е. М.-Л.: Госиздат, 1930. 124 с.

Нечаев А.П. Психология физической культуры Изд. 2-е, значит. доп. М.-Л.: Госиздат, 1930. 90 с.

Schopferische Typen // Archiv fur die gesamte Psychologie.

1931

Крамаренко, В.К. Радио-гимнастика в быту / Проф. В.К. Крамаренко, проф. А.П. Нечаев. Изд. 2-е, доп. М.: Изд-во НКПТ, 1931. 14 с.

1932

Нечаев А.П. Гигиена М.: ИЗПК-ВСНИТО, 1932. 79 с.

1933

Psychology and Radio // The Australasion Journal of Psychology and Philosophy. 1933. № 1-2.

Nieczajew A. Pamiec i jej ksztalcenie: Przelozyl z rosyjskiego J. Kantorowicz A. Nieczajew. Warszawa: Dom ksiazki polskiej, 1933. 121 с.

Рукописи

Нечаев А.П. Система психофизиологических синдромов (Рукопись) / Архив Г.Б. Аккермана (г. Семипалатинск, Казахстан). 357 с.

Нечаев А.П. Записки психолога (Рукопись) / Архив Г.Б. Аккермана (г. Семипалатинск, Казахстан).

Публикации после смерти

1980

Нечаев А.П. Психологические основы разных типов процесса чтения у детей // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии: работы советских авторов периода 1918-1945 годов / ред. И.И. Ильясов, В.Я. Ляудис. Москва: Издательство Московского университета, 1980. С. 8–11.

Нечаев А.П. Экспериментально-психологическое исследование детей дошкольного возраста // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии: работы советских авторов периода 1918-1945 годов / ред. И.И. Ильясов, В.Я. Ляудис. Москва: Издательство Московского университета, 1980. С. 44–48.

1990

Нечаев А.П. Записки психолога // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука, 1990. С. 201–214.

1997

Нечаев А.П. Психология и школа / под ред. А.А. Никольской. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 349 с.

2007

Гербарт И.Ф. Психология И.Ф. Гербарта; [пер. А.П. Нечаева; предисл. В. Куренного]. Москва: Территория будущего, 2007. 282 с.

Нечаев А. П. Жизнь культурной Австралии // Австралия в русском восприятии 1807-2007: впечатления, образы, идеи / Всерос. гос. б-ка иностр. лит. им. М. И. Рудомино; сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Васильева-Южина; отв. ред. Ю. Г. Фридштейн. Москва: Рудомино: Атикс плюс, 2007. С. 181–184.

2009

Нечаев А.П. Курс педагогической психологии для народных учителей: из книги А.П. Нечаева. Москва // История отечественной психологии конца XIX - начала XX века: хрестоматия: учебное пособие / Ред. Е.С. Минькова. Москва: Флинта: МПСИ, 2009. С. 100–103.

2013

Нечаев А.П. Курс педагогической психологии для народных учителей: из книги А.П. Нечаева. Москва // История отечественной психологии конца XIX - начала XX века: хрестоматия: учебное пособие / Ред. Е.С. Минькова. 2-е изд., стер. Москва: Флинта, 2013. С. 100–103.

Сведения об авторе:

Чеснокова Анастасия Сергеевна, студентка 1 курса образовательной программы «Филология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия)

Научный руководитель: Хусяинов Тимур Маратович, магистр социальной работы, преподаватель департамента социальных наук НИУ ВШЭ Нижний Новгород; аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; куратор Центра социологии студенчества, Агентство студенческих коммуникаций «Кампус» в Нижегородской области (Россия)

Воспоминания

Он был Ученым. Он жил из «будущего в настоящее». К 85-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога, создателя смысловой концепции мышления Олега Константиновича Тихомирова

Васюкова Екатерина Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

e-mail: katevass@yandex.ru

Аннотация. В статье автор, ученик Олега Константиновича Тихомирова (1933-2001), описывает свои воспоминания о сотрудничестве с выдающимся ученым и приводит воспоминания других его учеников.

Ключевые слова: воспоминания, Тихомиров, юбилей, смысловая концепция мышления, научная школа, ученики

He was a Scientist. He lived from "the future to the present." (On the 85th anniversary of Oleg Konstantinovich Tikhomirov, the outstanding Russian psychologist, creator of the sense theory of thinking)

Vasyukova Ekaterina Evgenievna

Lomonosov Moscow State University, Russia

e-mail: katevass@yandex.ru

Abstract. In the article, the author, a student of Oleg Konstantinovich Tikhomirov (1933-2001), describes his memories of cooperation with an outstanding scientist and brings memories of his other students.

Keywords: memories, Tikhomirov, anniversary, sense theory of thinking, scientific school, disciples

Судьбоносная встреча с О.К. Тихомировым

Мой выбор научного руководителя был легким. На первом курсе я училась в одной группе с Володей Похилько, который был чуть постарше и сразу стал нашим лидером и председателем Научного студенческого общества. На зимней психологической школе он познакомился с О.К. Тихомировым и по возвращении, зная мой интерес к шахматам, сказал: «Иди к Олегу Константиновичу, он ведет исследования на шахматной модели». Встреча состоялась... в парткоме, который возглавлял Тихомиров, Олег Константинович сидел за большим столом, немного «нахохлившись», как огромная птица. И обстановка, и сам он казались такими строгими, серьезными... А в действительности Олег Константинович оказался человеком жизнерадостным, любящим шутки, с чувством юмора. Но это я узнала позже, когда окунулась в жизнь лаборатории на Ленинских горах, поучаствовала в чаепитиях, коллективных походах в театр, в праздновании юбилея у него на квартире на Университетском проспекте. Став аспиранткой Олега Константиновича, я стала бывать у него дома. Он любил непосредственное общение: по телефону всегда был лаконичен и всегда был доступен для встреч. Одна из первых, уже в качестве аспирантки, состоялась осенью, и Олег Константинович угощал сливами со своей дачи. И они были такие вкусные, что запомнила эти сливы на всю жизнь.

Олег Константинович часто выезжал со своими учениками на всевозможные конференции. Помнится, одна из них, по проблемам компьютеризации в школе, совместная с французами, в Переславле-Залесском. Была холодная зима, и в свободные от заседаний и коллективных мероприятий часы мы с Олегом Константиновичем играли... в гусарика (преферанс на двоих). А перед отъездом пошли прогуляться по городу и увидели – продают свежую рыбу. А тогда, в советское время, это редкость была. Ну и мы купили каждый по карпу. А приезжаю домой, смотрю, а жабры у рыбы не красные. Звоню ему: «Олег Константинович, рыба несвежая!». При встрече он кокетливо мне сказал: «Катя, Вы спасли мне жизнь!»

Олег Константинович был университетским человеком, настоящим профессором. Об этом говорит следующее воспоминание. В начале 90-х я работала в СП с Америкой «Диалог», потом совместное предприятие распалось на ряд дочерних фирм. В какой-то момент я хотела оттуда уйти и случайно встретила на улице у Консерватории верного «Санчо» Тихомирова Лёню Бабанина. Сказала ему, что ищу работу. Он в ответ: «На кафедре освободилось

место старшего лаборанта». О.К. был тогда ее заведующим. Сразу звоню Олегу Константиновичу, излагаю ситуацию. И он мне говорит, что да, место свободно, и я могу его занять. А я к тому времени была кандидатом наук, и на такую низкую должность идти не хотелось. Сомневалась. И вдруг через пару дней звонок О.К. Помню дословно его слова: «Свято место пусто не бывает. Пишите заявление. Будете преподавать и заниматься научной работой». Все сомнения улетучились в момент. Тут же нашлись еще пол ставки научного сотрудника и четверть ставки преподавателя. И на должности старшего лаборанта надолго я не задержалась. Олег Константинович сразу ввел в учебный процесс. Вела вместо него семинары по мышлению. Стала читать спецкурс «Психология шахматного творчества» для спецотделения специализации «Психология творчества». Некоторых студентов Олег Константинович направлял ко мне для руководства над их дипломными работами. Плодотворным был союз с Екатериной Курочкиной, которая под моим руководством на «отлично» защитила диплом на тему «Влияние непосредственного общения со значимым другим на творчество шахматистов». И ее испытуемыми были шахматисты самой высокой квалификации. В дипломной работе Екатерины было обнаружено, что общение со значимым для шахматиста человеком положительно влияет на его творчество, когда оно осуществляется в форме направленного диалога.

Словом, общение с Олегом Константиновичем было плодотворным, приятным и согревало душу. С ним было легко и потрясающе интересно. И кто к нему был причастен, становились друзьями. И даже после того, как Олега Константиновича не стало, именно он спланирует нас, тихомировцев. И в пасмурный день посылает нам солнечные лучики, когда мы его вспоминаем, как было на докладе Людмилы Игоревны Панковой на конференции памяти О.К. Тихомирова.

***Воспоминания об Олеге Константиновиче Тихомирове
его ученицы Ольги Арестовой***

Спустя годы наиболее светлые воспоминания для меня связаны с лучшим временем в жизни молодого ученого временем обучения в аспирантуре, когда ты полон энтузиазма начинающейся большой жизни и одновременно приобщаешься к первому большому делу этой жизни - исследовательской работе в русле яркой, кипучей, талантливой научной школы, школы моего учителя Олега Константиновича Тихомирова.

Олег Константинович был удивительно мудрым и терпимым научным руководителем, требовательным и одновременно терпеливым, внимательным и по-товарищески теплым. Все мои начинания удачные и не очень, реалистичные и далекие от возможности реализации находили в его лице не только требовательного критика, но и по-отечески снисходительного старшего товарища. Он никогда не отвергал идей своих учеников, а его научная прозорливость позволяла даже самым отдаленным, латентным для того времени идеям обрести современное и актуальное звучание.

Не было в его руководстве ни мелочной придирчивости, ни скептицизма. Всегда внимательный, открытый, он при всей своей постоянной и кипучей занятости находил время для обсуждения даже самых малозначительных проблем своих учеников.

Замечательной привычкой Олега Константиновича было включение студентов и аспирантов в реальное научное исследование, причем довольно часто не на вторых ролях, в качестве подчиненных, простых исполнителей, а именно как ответственных, пусть даже и за совсем небольшой фрагмент исследования, сотрудников. Это придавало нам, начинающим психологам, чувство уверенности, научной компетентности, ставило «вровень», как нам тогда казалось, с маститыми исследователями. В нашей лаборатории было всегда интересно, научные проблемы обсуждались с участием нескольких поколений исследователей учеников Олега Константиновича.

Бесспорной «звездой», душой наших обсуждений был сам Олег Константинович всегда полный юмора, по-доброму критичный, тактичный к авторским персонам и строгий к качеству научных идей одновременно. Не было ни одного случая, чтобы кто-то из молодых исследователей (студентов и аспирантов) почувствовал себя второстепенным, обойденным вниманием, забытым. Как я теперь понимаю, такой уровень общения различных по возрасту коллег профессионалов высокого уровня и студентов, аспирантов огромная редкость, большое счастье, которое мне улыбнулось в самом начале научной жизни.

Никогда не забуду своих переживаний по поводу замечаний Олега Константиновича в адрес подготавливаемой мной диссертационной работы. Тогда они мне казались весьма спорными, не все из них вызвали немедленное чувство согласия и желания им следовать. В этом, наверное, сказывался «подростковый» период взросления научного взгляда исследователя, который мной тогда проходил.

Мудрый учитель Олег Константинович никогда не настаивал на своем, если видел мое внутреннее сопротивление. Иногда я намеренно изменяла текст

по-своему, вопреки мнению своего учителя. Профессор Тихомиров в этом случае никогда не подчеркивал моего своеволия, уважая становление собственной позиции молодого исследователя.

Наряду с этим я неоднократно понимала мудрость и прозорливость его замечаний, когда спустя время сталкивалась с критическими замечаниями в адрес того или иного пункта своей работы. Мне думалось в то время: «говорил мне Олег Константинович!». Тем не менее я благодарна ему, что Олег Константинович позволил мне самой научиться видеть уязвимые для критики места своей работы, что вряд ли могло произойти, если бы он не давал возможности своим ученикам самостоятельно исправлять собственные просчеты.

Общение с Олегом Константиновичем оказало на меня глубочайшее влияние, заставило полюбить не только Университет и научную работу, но и почувствовать вкус к высокопрофессиональному и замечательно насыщенному смыслами общению с собственными коллегами, полюбить на всю жизнь их круг, сделать нас друзьями на всю жизнь. Школа Олега Константиновича - не только исследования, которые активно продолжаются и в настоящее время, но и люди, для которых общение с коллегами значимая и лучшая часть их личной жизни.

***Над чем размышляет ученик О.К. Тихомирова И.А. Васильев:
от постановки проблемы к результатам и выводам***

1. Прежде всего, над учебником по психологии мышления. Писать учебник после того, как предыдущий учебник написал твой Учитель - дело не простое, а главное очень ответственное. Проблема состоит в том, что писать о мышлении в традиционной «трансляционной» манере не имеет смысла. Студенты просто не будут это читать. А как писать? Можно предположить, что мышление можно трактовать только через мышление или посредством мышления. Другими словами, идти от постановки проблем (теми или иными исследователями) к поиску возможных решений этих проблем и только потом излагать полученные результаты и выводы. Затем, отталкиваясь от этих результатов идти к постановке новых проблем (уже другими исследователями) и поиску соответствующих решений, излагая уже новые результаты и выводы и т.д. Одобрил бы такой путь Учитель?

Мне кажется, что во всяком случае он одобрил бы опору на ту идею, что в науке действуют объективные тенденции развития и надо стараться их уловить.

Есть также в науке и преемственность, и мы идем дальше по пути, который проложил О.К. Тихомиров.

2. В этой связи я продолжаю размышлять над проблемой смысла и развивать «смысловую теорию мышления», это «детище» О.К. Тихомирова [1; 2]. Смысл - это «высшая математика психологии». Смысл - это системное качество предмета (было бы еще хорошо понять о какой системе идет речь). Это качество нечувственное или сверхчувственное. Добраться до этого качества можно только с помощью мышления при решении «задач на смысл». Смысл - это образование «субъективно-объективное» («смысл чего-то для кого-то»). Смысл - это качество предмета, которое представляет в предмете самого субъекта, его потребности и возможности, его желания и хотения. Сам же субъект может и не знать о своей «продленности» в предмет.

Для разработки проблематики смысла необходимо особенное мышление. Классическое (аристотелевское) мышление здесь не работает, так как при его применении нет места для категории «смысл». Смысл не может быть качеством предмета, поскольку все качества предмета, согласно этой парадигме, являются именно его (предмета) качествами. Не до конца раскрывает проблематику смысла и неклассическое (галилеевское) мышление. Здесь признается, что смысл есть особое качество предмета, которое открывается человеку при взаимодействии с предметом. Для более полного раскрытия категории «смысл» необходимо перейти к постнеклассическому мышлению. При таком типе мышления смысл понимается как системное сверхчувственное качество предмета, *порождаемое* при взаимодействии человека с предметом и *определяющее* дальнейшее направление мыслительной деятельности человека.

Каким запомнился О.К. Тихомиров: штрихи к портрету вспоминает И.А. Васильев

Олег Константинович запомнился мне как человек находчивый и остроумный. Мы, его сотрудники, часто собирались вместе, как говорят, в неформальной обстановке, и всегда он был душой компании, он был в центре внимания. Это происходило естественно и не натянуто, без всякого принуждения, чувствовался масштаб личности и огромное обаяние.

Часто у нас случались поездки и командировки. Там Олег Константинович проявлял такую находчивость, о которой в нашем коллективе сложились целые легенды о его поступках. Кроме того, это был человек душевный и мудрый. На своем примере могу сказать, что в трудные периоды жизни он мог поговорить наедине и приободрить. Как сейчас становится

понятно, он использовал принципы онтопедагогике. В наших отношениях не было никакого «насилия», хотя Олег Константинович был руководителем и «шефом». Он создавал благоприятные условия для формирования жизненного пространства каждого из нас.

Но, прежде всего, Олег Константинович был Ученым. Он жил наукой, чувствовал тенденции ее развития и буквально переживал их. При этом он развивал идеи «постнеклассического» уровня и в этом смысле жил из «будущего в настоящее». Сейчас видно, что он понимал намного больше нас, своих учеников. Он заглядывал далеко вперед, и до сих пор многие коллеги «путают» простоту его стиля изложения с кажущейся простотой развиваемых им идей. На несколько десятилетий ученый предвосхитил работы в области нейрофизиологии и физиологии эмоций, изложив данные об опережающей роли эмоций в мышлении.

Идеи Олега Константиновича далеко выходят за пределы психологии мышления, той предметной и проблемной области, которой он посвятил свою жизнь. Не все высказано Учителем, он всегда стоял перед проблемой «что я хочу сказать и что я могу сказать, чтобы быть понятым». В лаборатории О.К. Тихомирова ставились и решались проблемы о роли психологических новообразований в самоорганизации человека, в то время, когда психика рассматривалась в науке исключительно в своей адаптивной функции, т.е. гомеостазически. Ключевой момент в творчестве ученого произошел в 1992 г., когда он прямо заявил о выбранном им пути разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Как ученик О.К. Тихомирова я тоже иду по этому пути.

В.В. Знаков об аналитичности и холистичности в научных мировоззрениях своих учителей А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова

На Всероссийской научной конференции (с иностранным участием) «Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)» В.В. Знаков, ученик и О.К. Тихомирова, и А.В. Брушлинского, охарактеризовал мышление своих учителей с точки зрения аналитичности/холистичности. Изучение аналитического и холистического стилей мышления одно из направлений современных психологических исследований. В.В. Знаковым обосновано, что оба способа рассуждений представлены в публикациях А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова.

В.В. Знаков подчеркнул, что «одной из заметных тенденций развития современной психологической науки является пристальное внимание ученых к исследованию аналитического и холистического стилей мышления. Аналитичность и холистичность постулируются как два ключевых способа осмысления человеком познавательных и социальных ситуаций. Аналитический стиль переработки связывается, прежде всего, с направленностью субъекта на вычленение элементов целого. Он характеризуется последовательностью анализа, логической обоснованностью и осознанностью. Холистический стиль мышления проявляется в стремлении субъекта сначала оценить целостный характер ситуации. Такой стиль характеризуется интуитивным характером принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности» [3, с. 15].

Представлена теоретическая модель Р.Е. Нисбетта с коллегами, которая включает четыре основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: *фокус внимания, каузальная атрибуция, отношение к противоречиям и восприятие изменений.*

Внимание: целостное поле или части? При смысловом восприятии социальных ситуаций холисты прежде всего обращают внимание на отношения между объектами и областью, которой они принадлежат. Напротив, аналитический стиль мышления способствует направленности внимания скорее на сами объекты. Холисты более полезависимы, чем аналитики, им труднее отделить объект от области, в которую он включен. Зато холисты лучше, чем аналитики, справляются с обнаружением отношений среди объектов на фоне поля.

Каузальная атрибуция: диспозициональные (черты личности, предрасположенность реагировать сходным образом в различных ситуациях) либо ситуативные факторы в интерпретации причин поведения других людей. Аналитики нацелены на поиск диспозициональных причин, а холисты включают в объяснение также и ситуативные факторы. Холисты рассматривают большее количество информации, чем аналитики, и реже делают фундаментальные ошибки каузальной атрибуции.

Толерантность к противоречиям: наивная диалектика или формальная логика. В неоднозначных социальных ситуациях холисты, как правило, пытаются достичь компромисса. Они основываются на предположении, что противоположные суждения могут быть верными одновременно и что каждое может быть преобразовано в свою противоположность. Такой подход в современной науке называется наивным диалектизмом. Он уходит корнями в

«yin–yang» (в китайской философии этим термином обозначается описание как взаимосвязанных и взаимозависимых таких явлений, которые кажутся дихотомическими, противоположными, например, «добро и зло»). В нем противоречия согласуются, и потому два противоположных суждения могут быть одновременно приняты как потенциально правильные. Напротив, формальный логический подход аналитиков направлен на решение противоречий путем выбора одного из двух противоположных суждений.

Восприятие изменений описывает убеждения субъекта в стабильности или закономерной изменчивости природного и социального мира. Холисты полагают, что все в мире связано друг с другом, поэтому они рассматривают объекты, явления как не статичные и ожидают, что из-за сложных паттернов взаимодействий элементов существует состояние постоянного изменения. Аналитики, напротив, воспринимают большинство объектов как независимые. Из этого следует, что сущность объектов не изменяется в течение долгого времени: она не затронута воздействием других факторов.

В.В. Знаков полагает, что, исследуя психику людей, живущих в сложном и многомерном современном мире, психолог должен гибко сочетать в себе аналитические способы рассуждений с холистическими. Именно такая гармония отчетливо видна в научных мировоззрениях двух его Учителей: А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова.

В.В. Знаков специально отмечает, что легче увидеть аналитизм и холизм как неотъемлемые компоненты научных рассуждений А.В. Брушлинского, потому что психологический механизм анализа через синтез является основанием его континуально-генетической, недизъюнктивной теории психического развития. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах. Связь совокупности психических операций и действий, направленных на всестороннее изучение объекта познания, называемых в научной школе С.Л. Рубинштейна анализом, с аналитичностью мышления субъекта несомненна. Роль синтеза в порождении целостного взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: в 1979 г. это убедительно показано в книге А.В. Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования. В процессе мышления холистичность синтеза проявляется в расширении целостного контекста, в котором субъекту следует рассматривать познаваемый объект. В мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Расширение целостного контекста затрагивает и субъективные составляющие познавательного процесса. Во-первых, в целостном континууме взаимодействий субъекта с

объектом сохраняется и развивается преемственность в познании. Во-вторых, поскольку в новых связях объект выступает в новом качестве, то происходит переход на более высокий уровень мышления.

В.В. Знаков считает, что «в научном мировоззрении О.К. Тихомирова аналитичность и холистичность тоже играют значимую роль, однако взаимодействие этих способов мышления не всегда лежит на поверхности и становится очевидным только при выявлении глубинных смыслов многих его исследований. Олег Константинович как творческий человек любил парадоксы и именно с их помощью объяснял сложнейшие проблемы психологии. Вслед за детальным анализом проблемы, чаще всего основанным на экспериментальном исследовании, он нередко обращался к такому ее целостному контексту, который читателем и сегодня сначала воспринимается как парадоксальный - непривычный, противоречащий исходным посылкам, традиционным взглядам. Это иллюстрируется на примере рассуждений О.К. Тихомирова о принципе единства сознания и деятельности. В соответствии с трактовкой А.Н. Леонтьева, последователем которого был О.К. Тихомиров, сознание и деятельность различаются как образ и процесс его формирования, образ при этом является накопленным движением, свернутыми действиями» [3, с. 16]. По Тихомирову, сознание возникает, функционирует и развивается в деятельности, а выражается в форме предвосхищения будущих ее результатов. Он исследовал то, в каких конкретных формах образы будущих результатов существуют в мыслительной деятельности. Экспериментально были проанализированы промежуточные и конечные цели, результаты, оценки, операциональные и личностные смыслы решаемых задач. Анализ доказал несомненность существования связи между сознанием и деятельностью. Однако позднее, в брошюре «Понятия и принципы общей психологии» (Тихомиров, 1992), он указывает на научную значимость и противоположного тезиса: между сознанием и деятельностью может быть не только единство, но и противоречие. Этот тезис обосновывается тем, что человек может выполнять работу, но не понимать ее смысла. Кроме того, существует особая деятельность, направленная против сознания отдельного человека, например, фальсификация и манипуляция. Холистичность таких размышлений об обсуждаемой проблеме очевидна: рассматривая ее под парадоксальным углом зрения, психолог существенно расширяет возможности ее изучения в новом более широком целостном контексте.

В докладе В.В. Знакова и его публикации в Вопросах психологии [4] показано, какое конкретное воплощение перечисленные выше четыре признака мышления нашли в научных мировоззрениях А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова.

Список литературы:

1. Васильев И.А. Проблема отражения и порождения смыслов в мышлении человека // Сибирский психологический журнал. 2018. № 67. С. 27-43.
2. Васильев И.А. Тенденции развития представлений о мышлении в психологии // Перспективы психологической науки и практики. РГУ им. А.Н. Косыгина. М., 2017. С. 42-47.
3. Знаков В.В. Аналитичность и холистичность в научных мировоззрениях А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения). Материалы Всероссийской научной конференции (с иностранным участием) / Отв. ред. Ю.П. Зинченко, А.Е. Войскунский, Т.В. Корнилова. Москва, 30 мая-1 июня 2013 г. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. С. 15-17.
4. Знаков В.В. Аналитичность и холистичность во взглядах А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 135-146.

References:

1. Vasil'ev I.A. Problema otrazheniya i porozhdeniya smyslov v myshlenii cheloveka // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. 2018. № 67. S. 27-43.
2. Vasil'ev I.A. Tendencii razvitiya predstavlenij o myshlenii v psihologii // Perspektivy psihologicheskoy nauki i praktiki. RGU im. A.N. Kosygina. M., 2017. S. 42-47.
3. Znakov V.V. Analitichnost' i holistichnost' v nauchnyh mirovozzreniyah A.V. Brushlinskogo i O.K. Tihomirova // Idei O.K. Tihomirova i A.V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psihologii (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s inostrannym uchastiem) / Otv. red. YU.P. Zinchenko, A.E. Vojskunskij, T.V. Kornilova. Moskva, 30 maya-1 iyunya 2013 g. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, 2013. S. 15-17.
4. Znakov V.V. Analitichnost' i holistichnost' vo vzglyadah A.V. Brushlinskogo i O.K. Tihomirova // Voprosy psihologii. 2013. № 4. S. 135-146.

Сведения об авторе:

Васюкова Екатерина Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Фотографии

Тихомиров Олег Константинович: фотографии

Васюкова Екатерина Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

e-mail: katevass@yandex.ru

Аннотация. Представлены фотографии российского психолога, создателя смысловой концепции мышления Олега Константиновича Тихомирова (1933-2001).

Ключевые слова: фотографии, детство, биография, семья, научный коллектив, портрет

Tikhomirov Oleg Konstantinovich: photographs

Vasyukova Ekaterina Evgenievna

Lomonosov Moscow State University, Russia

e-mail: katevass@yandex.ru

Abstract. Photos of O.K. Tikhomirov (1933-2001), the Russian psychologist, creator of sense theory of thinking, are presented.

Keywords: photographs, childhood, biography, family, scientific group, portrait

Представлены фотографии разных лет из личного архива Олега Константиновича Тихомирова (1933-2001), касающиеся различных сфер его жизни: семья, профессиональная деятельность, наука. Некоторые из фотографий публикуются впервые.

Рис. 1. О.К. Тихомиров с мамой Любовью Степановной

Рис. 2. Олег Константинович с родителями Константином Михайловичем и Любовью Степановной

Рис. 3. Школьные годы. О.К. в нижнем ряду второй справа

Рис. 4. О.К. Тихомиров

Рис. 5. О.К. Тихомиров с сыном

Рис. 6. О.К. с коллегами-психологами Пономаревым, Матюшкиным, Ждан, Гуровой, Мешковой, Новоселовой и Брушлинским

Рис. 7. Олег Константинович Тихомиров в начале 80-ых

Рис. 8. Олег Константинович в день своего пятидесятилетия 4 апреля 1983 г. в окружении учеников

Сведения об авторе:

Васюкова Екатерина Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

История и методология психологии

Национальный субъект психологического познания: опыт историко-научной реконструкции¹

Артемьева Ольга Аркадьевна

Иркутский государственный университет, Россия

e-mail: oaartemeva@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится задача учета национальной специфики научного познания для организации и реформы науки. Представляются результаты историко-научного исследования становления научного сообщества русских психологов в первой половине XX века как коллективного субъекта. Выделяются критерии и показатели достижения научным сообществом стадий предсубъектности, становящегося и развитого коллективного субъекта. Отдельное внимание уделяется достижениям советской психологии в 1940-1950 гг. Отмечается опыт самоорганизации национального психологического сообщества в этот период. Делается вывод о значении как государственной поддержки в развитии науки, так и совместных усилий поколений ученых в разработке социально значимой проблематики. Подчеркивается значение преемственности в развитии национальной науки.

Ключевые слова: национальные особенности науки, научное сообщество, коллективный субъект научной деятельности, история психологии, советская психология, российская психология, самоорганизация науки.

National subject of psychological cognition: experience of historical and scientific reconstruction

Artemeva Olga Arkadievna

Irkutsk State University, Russia

e-mail: oaartemeva@yandex.ru

Abstract. The article sets the task of taking into account the national specificity of scientific knowledge for the organization and reform of science. It is represented results of research the Russian psychologists' scientific society formation as a collective subject in the first half of the 20th century. The criteria and indicators of achievement by scientific community of main

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-1443.2017.6 «Интернационализм и изоляционизм российской психологии в первой половине XX столетия».

stages of a collective subject are presented. The experience of national psychological community's self-organization of during this period is noted. The conclusion about importance of both the state support and joint efforts of generations of scientists for development of science is drawn.

Keywords: national features of science, scientific community, collective subject of scientific activity, history of psychology, Soviet psychology, Russian psychology, self-organization of science.

Современная реформа науки в России должна ориентироваться как на лучшие мировые образцы организации науки, так и на имеющийся в стране исторический опыт построения научно-технического комплекса. Носителями этого опыта являются не только конкретные ученые и исследовательские коллективы, но и национальный субъект научного познания. Национальная специфика последнего особенно обнаруживается в более податливой к социальному влиянию социогуманитарной науке [6], какой является психология.

Анализ результатов совместной деятельности ведущих отечественных психологов в первой половине XX столетия позволил расширить представления о динамике и итогах становления и развития отечественного психологического сообщества, как коллективного субъекта [1]. В ходе теоретического анализа, с привлечением социально-психологических, психологических и науковедческих концепций, были выделены стадии коллективного субъекта научной деятельности и критерии их достижения. Теоретической основой выделения стадий стала психологическая концепция совместной деятельности и ее коллективного субъекта, разработанная А.Л. Журавлевым [3]. В качестве критериев формирования первой стадии предусубъектности нами рассматривалось достижение целостности психологического сообщества и выраженной общественной значимости решаемых задач. Как критерии оформленности на стадии становящегося коллективного субъекта выступали иерархичность коллективного субъекта и предметность его деятельности. В качестве критериев достижения научным сообществом стадии развитого коллективного субъекта рассматривались формирование рефлексивности и способности к самоорганизации и саморазвитию.

В ходе эмпирического исследования с использованием биографического и библиографического методов обнаружено, что в первой половине XX столетия стадии предусубъектности сообщество отечественных психологов достигало дважды: в дореволюционный период развития внутрироссийской и

международной научной коммуникации и в послереволюционный период дискуссий о возможностях построения марксистской психологии. Однако лишь в условиях относительно стабильной, плановой научной политики 1930-х гг. психологическое сообщество смогло достигнуть стадии становящегося коллективного субъекта, что предопределило формирование развитого субъекта в 1940-х гг.

Показателями предусубъектности научного сообщества, прежде всего его целостности, в 1901–1922 гг. стали следующие: активная работа научных обществ, съезды психологов; издание отечественных и переводных учебников по психологии для среднего и высшего образования; организация научных и учебных психологических центров прежде всего, Психологического института в 1912 г. в г. Москве и Института по изучению мозга и психической деятельности в 1918 г. в Петрограде. В качестве показателей общественной значимости задач, решаемых психологическим сообществом, на этой стадии выделены: участие психологов в решении актуальных общественных проблем (алкоголизм, школьная реформа и т.п.), их научная разработка и освещение результатов в научных и популярных периодических изданиях.

Конкретными показателями сформированности стадии предусубъектности научного сообщества советских психологов в 1923–1931 гг. были: активные научные дискуссии внутри научного сообщества; организация работы новых психологических журналов («Психология», «Педология», «Психофизиология труда и психотехника» и др.); усиление взаимосвязи тематики исследований ведущих психологов и выделение марксистской психологии в качестве предмета этих связей; работа научных психологических центров, финансируемых государством; участие психологов в решении актуальных государственных проблем (индустриализация, народное просвещение и т. п.).

Показателями достижения стадии становящегося коллективного субъекта, иерархичности научного сообщества в 1932–1939 гг. можно считать следующие: создание новой, советской системы подготовки и аттестации научных кадров, появление советских докторов наук; реализация партийного принципа в организации научных и учебных центров психологии. О формировании предметности деятельности членов национального сообщества свидетельствуют: подведение первых итогов развития советской психологии; научное самоопределение, конкретизация методологических основ советской психологии и выход советских учебных пособий по психологии; противопоставление отечественной психологии зарубежной.

Этот этап в развитии советской психологии был ознаменован следующими событиями: назначением выпускника Института красной

профессуры В. Н. Колбановского на пост руководителя Института психологии; закрытием в ходе реформы печати журналов «Психология», «Педология» и др.; прекращением публикаций переводов зарубежных работ с предисловиями ведущих отечественных психологов; усилением критики отечественных и тем более зарубежных психологических работ. Одновременно с этим проводился глубокий анализ основных положений работ К. Маркса и В. И. Ленина, в том числе впервые опубликованных в 1929–1930 гг. «Философских тетрадей»; происходила разработка конкретно-научной методологии советской психологии. Плодом организации психологической науки в СССР стал новый коллективный субъект научной деятельности, осознающий стоящие перед ним общественные задачи, противопоставляющий себя буржуазному психологическому сообществу, руководимый «красными профессорами» и новыми, признанными советской властью, докторами наук.

В качестве критериев достижения научным сообществом стадии развитого коллективного субъекта в 1940–1950 гг. можно рассматривать формирование рефлексивности и способности к самоорганизации и саморазвитию. Конкретными показателями рефлексивной работы научного сообщества в этот период являются: осмысление результатов развития советской психологии в обзорных и историко-психологических работах ведущих психологов; издание значительного труда, обобщающего результаты развития советской, марксистской психологии. В 1940 г. вышел фундаментальный труд, учебник «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна, удостоенный Сталинской премии. О внимании членов научного сообщества к выводам автора и об активной методологической рефлексии в отечественной психологии свидетельствуют дискуссии по поводу 1-го и 2-го изданий «Основ общей психологии» [1]. В целом на этот период приходится значительное число историко-психологических публикаций, историографических и учебных работ по осмыслению научных и философских истоков и достижений советской психологии.

Показателями способности сообщества советских психологов к самоорганизации и саморазвитию в 1940-х годах являются: работа специализированных научных центров по психологии в разных городах страны (Москва, Ленинград, Тбилиси); активная деятельность диссертационных советов и защита докторских диссертаций по психологии; успехи прикладной и практической психологии в решении общественно значимых задач военного времени, а также достижения фундаментальной психологии в отстаивании статуса психологии как самостоятельной науки в ходе Павловской сессии.

В 1920-х годах был определен философский уровень методологии психологического исследования диалектико-материалистическое марксистское учение. В 1930-х годах благодаря осмыслению и развитию философско-психологических положений работ К. Маркса и В. И. Ленина, прежде всего, в трудах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и Б. Г. Ананьева был заложен методологический фундамент советской общепсихологической концепции: представление о психической деятельности, как предмете исследования и объективном методе ее изучения; принципы развития, детерминизма, единства сознания и деятельности, личностного и деятельностного опосредствования психического и др. Решалась психофизиологическая проблема и др. В середине 1930-х годов основные дискуссии переместились из области методологического поиска в область теоретических и даже методических изысканий. В противоречивых условиях советской научной политики возможность методологической разобщенности и дублирования научных исследований была сведена к минимуму, что способствовало становлению отечественной психологии как «нормальной науки» [4].

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о значении как государственной поддержки в развитии науки, так и совместных усилий поколений ученых в разработке социально-значимой проблематики. Характеристика процесса становления научного сообщества в отечественной психологии позволяет увидеть его не как пассивную мишень идеологического давления и репрессивной научной политики, [5] и вместе с тем, не как прагматичный партнер партийной власти в борьбе за влияние [7]. Это субъект, проявивший в сложных социальных условиях способность к самоорганизации. Собранные материалы и полученные результаты позволяют конкретизировать заслуги национального субъекта психологического познания в развитии науки, его специфические возможности и предназначение в познании психологической, душевной жизни личности и общности.

Представленный опыт совместной организации научной деятельности национального сообщества не уникален для времени и отрасли знания. Отечественная наука имеет весомые достижения национальных субъектов в разных областях знания, коренящиеся в преемственности научной традиции. Жизнестойкость национальных сообществ русских ученых и философов сегодня проявляется в занимаемой ими активной позиции, в организации и работе научных и философских объединений, что позволяет им отстаивать право на самостоятельность в организации науки.

Список литературы:

1. Артемьева О.А. «Оружием критики» (Анализ рецензий отечественных психологов первой половины XX столетия) // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 123-132.
2. Артемьева О.А. Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия: автореферат дис. ... доктора психол. наук. Москва: ИП РАН, 2013.
3. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72-80.
4. Кольцова В.А., Артемьева О.А. К истории становления советской психологии как «нормальной науки» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2013. Т. 2. № 1. С. 43-52.
5. Репрессированная наука / Сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел; под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.
6. Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123-132.
7. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-1930-х гг. // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 101-112.

References:

1. Artemeva O.A. «Oruzhiem kritiki» (Analiz recenzij otechestvennyh psihologov pervoj poloviny XX stoletiya) // Voprosy psihologii. 2015. № 1. S. 123-132.
2. Artemeva O.A. Social'no-psihologicheskaya determinaciya otechestvennoj psihologii kak stanovlenie i razvitie kollektivnogo sub"ekta nauchnoj deyatel'nosti v pervoj polovine HKH stoletiya: avtoreferat dis. ... doktora psihol. nauk. Moskva: IP RAN, 2013.
3. Zhuravlev A.L. Kollektivnyj sub"ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologicheskie tipy // Psihologicheskij zhurnal. 2009. T. 30. № 5. S. 72-80.
4. Kol'cova V.A., Artemeva O.A. K istorii stanovleniya sovetskoj psihologii kak «normal'noj nauki» // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psihologiya». 2013. T. 2. № 1. S. 43-52.
5. Repressirovannaya nauka / Sost. A. I. Melua, V. M. Orel; pod obshch. red. M. G. Yaroshevskogo. L.: Nauka, 1991.

6. Yurevich A.V. Imeet li nauka nacional'nye osobennosti? // Psihologicheskij zhurnal. 2015. T. 36. № 1. S. 123-132.
7. Yasnickij A. Ob izolyacionizme sovetskoj psihologii: zarubezhnye konferencii 1920-1930-h gg. // Voprosy psihologii. 2010. № 3. S. 101-112.

Сведения об авторе:

Артемьева Ольга Аркадьевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Смысловая концепция мышления О.К. Тихомирова

Васюкова Екатерина Евгеньевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

e-mail: katevass@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются смысловая концепция мышления О.К. Тихомирова и направления исследования, опирающиеся на данную концепцию.

Ключевые слова: Тихомиров, смысловая концепция мышления, познавательные процессы

O.K. Tikhomirov's sense theory of thinking

Vasyukova Ekaterina Evgenievna

Lomonosov Moscow State University, Russia

e-mail: katevass@yandex.ru

Abstract. The article discusses O.K. Tikhomirov's sense theory of thinking and directions of research based on this theory.

Keywords: Tikhomirov, sense theory of thinking, cognitive processes

Смысловая концепция мышления О.К. Тихомирова выступила альтернативой тем теориям мышления, которые характеризовали творческое звено мышления нахождение принципа решения как внезапный, не вытекающий из предшествующей деятельности субъекта и не доступный исследованию акт, называемый «инсайтом», «усмотрением решения», «интуицией». Пытаясь проникнуть в тайну мышления, О.К. Тихомиров не пошел по пути анализа условий, в которых возникает догадка, а предложил максимально экстернизировать сам процесс мышления субъекта. Это оказалось возможным за счет применения методов регистрации глазодвигательной активности зрячих и осязательной активности слепых шахматистов наряду с традиционным методом рассуждения вслух. Идея

постижения психологической природы мышления как «процесса», «поиска», «ориентировки» через изучение экстериоризированных компонентов, в частности, глазодвигательной активности человека, решающего задачу, условия которой представлены наглядно, а также идее пристрастности мышления, раскрываемой через понятие «смысл», реализованы на материале шахматной игры, признанном высоко экологически валидном модельном объекте для изучения фундаментальных проблем психологии. Сделав особый акцент на изучении невербализованных компонентов мышления, О.К. Тихомиров совершил прорыв в изучении бессознательного, что можно считать одним из важнейших достижений психологии мышления XX века. О.К. Тихомиров ввел единицу анализа бессознательного «невербализованный операциональный смысл», выделяя разные виды этих смыслов; различал уровни операциональных смыслов (невербализованные и вербализованные операциональные смыслы), исследуя их соотношение, а также затронул проблему переноса невербализованных операциональных смыслов. Проблема переноса вербализованных операциональных смыслов самим Олегом Константиновичем была лишь намечена. Ее решение стало одним из направлений развития идей О.К. Тихомирова.

Шахматы как идеальный модельный объект для изучения фундаментальных проблем психологии

О.К. Тихомиров вместе со своими учениками, сотрудниками и коллегами охотно прибегал к шахматам как модельному объекту для изучения фундаментальных проблем психологии [12]. И вот почему:

1) в психологической науке существует конфронтация между лабораторными исследованиями и изучением жизнедеятельности в реальных условиях. Первые критикуются за искусственность, а вторые - за описательность. Шахматы предоставляют возможность компромисса между этими двумя ориентациями: в них можно играть в лабораторных условиях, не нарушая природу самой деятельности;

2) в психологии имеется также конфронтация между лабораторными исследованиями «усредненного человека» и клинической ориентацией на анализ конкретных случаев. Шахматы позволили разработать новый экспериментально-клинический метод, ориентированный на тщательный анализ процессов формирования и решения отдельных задач испытуемым с полирегистрацией объективных индикаторов развертывающегося процесса (глазодвигательная и осязательная активность, речевое рассуждение,

вегетатика). Этот метод сочетает признаки экспериментального (воспроизводимость в лаборатории, использование инструментальных методов) и клинического (детальный анализ отдельных случаев).

3) в компьютерной науке применительно к шахматам интенсивно моделируется мышление и сознание в форме компьютерных программ, а сами программы рассматриваются как лучший способ представления научной теории мышления. Психологические исследования шахматной игры позволяют сопоставить концептуальные психологические модели, основывающиеся на эмпирических, экспериментальных исследованиях, и модели информационные, основывающиеся на опыте составления компьютерных программ.

Роль регистрации движений глаз и осязательной активности в изучении познавательных процессов

Долгое время основным методом изучения актуальной динамики и процессуальных характеристик мышления был метод рассуждения вслух, разработанный в гештальтпсихологии. Но уже К. Дункер указывал на неполноту протоколов в опытах думания вслух [16]. Л.С. Выготский отмечал, что мысль и звучащее слово являются разными планами речевого мышления, подчиняющимися разным закономерностям [6]. Так, мысль симультанна и протекает быстрее речи, развертывающейся сукцессивно. Поэтому принципиальное значение О.К. Тихомиров придавал изучению невербализованных экстернизированных компонентов мыслительной деятельности человека [7; 9; 12; 14; 15; 17]. К ним относятся глазодвигательная активность зрячего и осязательная активность слепого шахматиста.

Движения глаз шахматиста, выбирающего наилучший ход в позиции, регистрировались с помощью кино съемки. Фактический материал состоял из данных о фиксации различных элементов ситуации, длительности и последовательности фиксаций. Исследовательская деятельность шахматиста, выраженная в поисковых движениях, анализировалась по следующим параметрам: длительность отдельных фиксаций, траектории движений глаз, установление взаимодействий между элементами, образующими определенные системы, частота исследования элементов, составляющих эти системы, видоизменение этих систем [10; 12].

В процессе игры при выборе хода в игровой ситуации у слепых шахматистов наблюдается развернутая форма осязательной активности, выражающейся в установлении определенных взаимодействий между элементами ситуации, выделении определенных пунктов позиции. Для

объективной регистрации осязательной активности применялась циклографическая методика. В осязательной активности испытуемого отражается то, что именно является объектом исследовательской деятельности испытуемого: ходы, взаимодействия, варианты и т.д. Осязательная активность является своеобразной формой ориентировочно-исследовательской деятельности. Здесь, как и при анализе глазодвигательной активности, возникает вопрос о дифференциации перцептивных и собственно интеллектуальных компонентов этой деятельности. Двигательная активность в условиях перцептивных задач выполняет функцию снятия «копии» с пространственных свойств объектов, например, их формы, функции измерительную или метрическую. В условиях описываемых опытов моторная активность слепых шахматистов выполняет главным образом функцию изучения наличных свойств позиции, причем прежде всего функциональных взаимодействий элементов ситуации (угроза, давление на слабый пункт и др.), функцию исследования возможностей своих фигур и фигур противника. Установление функциональных взаимодействий между элементами ситуации, предваряющее практическое действие и выявляющее свойства этих элементов, есть не перцептивная, а интеллектуальная форма исследовательской деятельности испытуемого.

Основные положения смысловой концепции мышления О.К. Тихомирова и направления ее развития

На основе исследований глазодвигательной и осязательной активности было показано, что глаз (рука) осуществляет проигрывание от фигуры к полю, на которое она (фигура) может пойти, и от поля к фигуре, которая может пойти на это поле, т.е. осуществляется исследовательский акт установление взаимодействий между элементами ситуации (фигурами и полями доски). Это именно исследовательский, а не перцептивный акт, так как в нем выявляются не перцептивные свойства элементов, такие, как цвет, форма, пространственное расположение фигур, а функциональные взаимодействия (нападение, защита), которые непосредственно воспринимать нельзя.

Благодаря подобным исследовательским актам выявляется смысл отдельных элементов и ситуации в целом. Этот смысл индивидуален и меняется на протяжении выбора практического действия (хода в шахматной позиции). Эта индивидуальная форма психического отражения, возникающая у субъекта в результате невербализованных исследовательских актов, и благодаря им меняющаяся на разных этапах периода, предшествующего

выбору практического действия, названа невербализованным операциональным смыслом. По сути, в невербализованном операциональном смысле отражаются отношения между условиями и целью действий субъекта, т.е. анализ условий имеет смысл только в свете поиска путей достижения цели.

Критерием невербализованных операциональных смыслов выступают невербализованные исследовательские акты (операции). О.К. Тихомировым были определены свойства невербализованных операциональных смыслов, их объем, структура и глубина (число фиксируемых глазом или осязаемых рукой элементов; частота и длительность их фиксаций или осязания; глубина преобразования наличной ситуации соответственно). Различаются следующие виды невербализованных операциональных смыслов: невербализованные операциональные смыслы элементов, ситуации, попыток, переобследований и действия. Наряду с **невербализованными операциональными смыслами (НОС)** О.К. Тихомировым выделяются **вербализованные операциональные смыслы (ВОС)** как разные уровни операциональных смыслов. В смысловой теории мышления О.К. Тихомирова сам процесс решения задачи понимается как формирование, развитие и сложное взаимодействие операциональных смысловых образований разного вида и уровней.

Операциональные смыслы, возникающие по ходу решения задачи, определяют **избирательность и направленность** исследовательской деятельности. Одним из важных источников усиления избирательности поисковой деятельности по мере решения данной задачи является **перенос смысла**. О.К. Тихомиров выделяет специфику переноса НОС. Перенос НОС связан с использованием результатов невербализованной исследовательской деятельности в последующих ситуациях. Действия в этих последних оказываются предориентированными, т.е. ситуации выступают в единой смысловой системе. **Перенос НОС - фактор сокращения поиска**. Такое сокращение связано с уменьшением числа элементов, обследуемых глазом или рукой, числа их невербальных фиксаций, использованием ранее отвергнутых предвосхищений с повышением их субъективной вероятности.

Следствием переноса результатов исследовательской деятельности (т.е. невербализованных обобщений) из одной ситуации в другую является то, что при выборе конкретного действия в конкретной ситуации, испытуемые не устанавливают относящиеся к выбранному ходу взаимодействия между элементами этой ситуации, и данные элементы оказываются за пределами зоны ориентировки. Следствием срабатывания того же механизма являются факты сокращенного протекания поиска: замена проигрывания некоторых взаимодействий элементов ситуации фиксациями лишь некоторых из

элементов; факты редукции некоторых ходов в вариантах; факты оперирования в конкретной ситуации уже готовой системой элементов (в предшествующей деятельности удастся проследить создание этой системы).

Совпадение прогнозируемого изменения ситуации с реальным условие переноса ранее полученных продуктов исследовательской активности из предыдущей ситуации в последующие: так создается избирательность и направленность поиска.

С явлением переноса связан циклический характер поиска (чередование периодов интенсивного и малоинтенсивного невербального обследования).

Согласно О.К. Тихомирову, избирательность различных форм исследовательской деятельности определяется формирующимися смысловыми образованиями разного типа, которые находятся в отношении иерархического соподчинения и сложного взаимодействия.

Вербализованные отражения разного вида оказывают влияние на протекание невербализованного (например, осязательного) поиска, различное в зависимости от вида. Активная роль вербализованного продукта в его большем переносе с одной стадии поиска на другую. Вербализованные продукты исследовательской работы испытуемого играют активную роль в организации дальнейшего протекания поиска.

Таким образом, согласно О.К. Тихомирову, НОС и ВОС в разной степени переносимы из одной ситуации в другую. Однако общее положение о большем переносе ВОС носит скорее характер гипотезы.

Итак, создание смысловой концепции мышления и, в частности, прорыв в изучении бессознательного, стало возможным благодаря разработке О.К. Тихомировым нового экспериментально-клинического метода, реализации идеи пристрастности мышления и использованию высоко экологически валидного модельного объекта шахматной игры для изучения фундаментальных проблем психологии. Еще в конце 60-х годов XX века методика регистрации глазодвигательной (и осязательной) активности одновременно с рассуждением вслух впервые была применена О.К. Тихомировым для изучения процесса мышления. Богатая феноменология осмыслялась в новых научных понятиях, среди которых понятие операциональных смыслов одно из центральных. Однако в настоящее время даже в такой интенсивно развивающейся области, как исследование чтения, где регистрация движения глаз стала общепринятой, мало методологически ориентированных исследований и отсутствуют стандарты в определении окуломоторных событий и в окуломоторных измерениях. О.К. Тихомиров был пионером в этой области. Затронув вопрос о переносе операциональных

смыслов из одной ситуации (позиции) в другую, связанную с ней, О.К. Тихомиров расширил проблематику исследования переноса. Он показал, что имеет место перенос (использование) результатов ориентировочно-исследовательской деятельности из одной ситуации в другую (без вербализации). В результате конкретные действия могут оказаться предориентированными, исследовательская деятельность разворачивается применительно к целой группе ситуаций, которые для субъекта выступают как единое целое. Перенос опыта из одной ситуации в другую осуществляется не только на логической, но и на эмоциональной основе. Исследования невербализованных операциональных смыслов и их переноса, осуществленные О.К. Тихомировым, основа для изучения порождения и развития вербализованных операциональных смыслов и их переноса, что показано в серии наших статей.

Всероссийский научно-практический семинар по психологии мышления в Пензе, малой родине Тихомирова

28-29 мая 2009 года в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского прошел Всероссийский научно-практический семинар по психологии мышления. Он явился продолжением состоявшейся в октябре 2008 г. научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора О.К. Тихомирова (Москва, факультет психологии МГУ). Организатором семинара на Пензенской земле выступил факультет психологии ПГПУ им. В.Г. Белинского в лице его декана Л.М. Дубового и проф. Л.И. Панковой. Участниками явились ученики О.К. Тихомирова с факультета психологии МГУ, коллектив факультета психологии и студенты-первокурсники факультета русского языка и литературы ПГПУ им. В.Г. Белинского. Интерес пензенцев к этой встрече объяснялся тем, что Олег Тихомиров - их великий земляк, а некоторых участников семинара с Олегом Тихомировым связывала дружба. Как подчеркнул А.Е. Войскунский в своем интервью для 11-го канала телевидения Пензы, цель данного мероприятия - рассказать, что делается в духе школы О.К. Тихомирова в современной науке.

На встрече со студентами 28 мая канд. психол. наук А.Е. Войскунский представил своих коллег из Москвы канд. психол. наук Ю.Д. Бабаеву, канд. психол. наук Е.Е. Васюкову, докт. психол. наук И.А. Васильева и Л.Н. Бабанина.

В своем выступлении он отметил, что время вхождения О.К. Тихомирова в науку характеризовалось противостоянием кибернетики и психологии.

Кибернетики полагали, что знают, как правильно мыслить. Психология стала изучать, как люди ошибаются. Тихомиров и его ровесники хотели отстоять человеческие способы мыслительной деятельности, стали искать отличие человеческих решений от компьютера. Было обнаружено, что эмоции влияют на процесс решения. Человек действует не так как компьютер. Он отбирает значимые ситуации, переоценку элементов производит. Это был первый результат, которым прославилась школа. Оценка компьютерных программ стала частью психологии мышления.

Канд. психол. наук Ю.Д. Бабаева рассказала о проблеме одаренности и ее связи с политикой. Она дала перечень нерешенных проблем в этой области, начиная с определения одаренности, ее диагностики и развития, факторов, блокирующих одаренность.

Доктор психологических наук И.А. Васильев подчеркнул, что в работах О.К. Тихомирова и его учеников в области психологии мышления произошел прорыв в сферу неосознаваемых мыслительных процессов. Изменилось само представление о мышлении как исключительно рациональном процессе, в его состав было внесено смысловое содержание. Мышление стало рассматриваться как целостная деятельность с неосознаваемыми компонентами, мотивацией, эмоциональной регуляцией.

Благодаря появлению новых методов исследования существенно расширились возможности изучения мышления. Возникли новые понятия: операциональный смысл, динамическая смысловая система и психологическая система. Интенсивно стала развиваться проблематика целеобразования и смыслообразования. Развитие смысловой теории мышления сделало возможным переход к исследованию профессиональных и жизненных проблем человека.

Канд. психол. наук Е.Е. Васюкова вспомнила свои первые встречи с О.К. Тихомировым, которые произошли в возрасте теперешних ее слушателей, рассказала о своей научной деятельности под руководством О.К. Тихомирова. Были изложены результаты исследования влияния уровней развития устойчивой познавательной потребности на процессуальные особенности мышления, динамику и характеристики познавательной потребности, возникающей в конкретной ситуации решения мыслительной задачи. В этом исследовании было показано, что в неочевидных проблемных ситуациях структура и продуктивность мыслительной деятельности зависят от уровня развития устойчивой познавательной потребности, который наряду с затруднением определяет ситуативную динамику познавательной потребности и ее характеристики. Дан перечень исследовательских проблем,

инициированных О.К. Тихомировым, среди которых изучение игровой деятельности, преобразованной информационными технологиями (игра в шахматы с компьютером, использование информационно-поисковых шахматных систем), изучение пристрастности человеческого мышления через анализ операциональных смыслов.

Л.Н. Бабанин рассказал о научном пути О.К. Тихомирова, о его новаторстве в психологической науке.

Второй день работы семинара с сотрудниками, преподавателями и студентами ПГПУ предварила встреча гостей малой родины О.К. Тихомирова с Л.М. Дубовым, деканом факультета психологии ПГПУ, у которого с О.К. Тихомировым много параллелей. О.К. Тихомиров учился в Пензе в 87й мужской железнодорожной школе, где Л.М. Дубовый учился тоже. Леонид Михайлович использовал ЭВМ в обучении и моделировании деятельности. А по выражению А.Е. Войскунского, нам, тихомировцам, близки люди, которые инженерной психологией занимались.

В кабинете декана состоялась встреча с телевизионщиками. Интервью дали от московской стороны А.Е. Войскунский, от пензенской стороны Л.И. Панкова. А.Е. Войскунский сказал, что в Пензу пятерых тихомировцев привлекло частное, приватное событие: представить школу О.К. Тихомирова, который несколько лет назад ушел от нас.

Пятеро приехало, 500 осталось. Было подчеркнуто, что Пенза родной город О.К., здесь происходило его становление личности, затем он уехал в Москву. На исходе жизни чаще стал наведываться в Пензу. На конференции, посвященной 75-летию О.К. Тихомирова, Пенза участвовала. Мы ведем архив, хотим, чтобы больше знали о работе О.К. Тихомирова.

Л.И. Панкова, почетный член школы О.К. Тихомирова, с волнением заметила, насколько важно событие для Пензы, это ответственный день для психологов Пензы. Школа получила мировое звучание. Ученые поделились научными находками, как живут и побеждают идеи Тихомирова.

Первое слово на заседании семинара было предоставлено доктору психологических наук И.А. Васильеву, принадлежащему второму поколению учеников Тихомирова. Он отметил, что в работах О.К. Тихомирова и его школы удалось проникнуть за пределы вербального уровня анализа мышления. Развитие нетрадиционных методов исследования регистрация движения глаз, движения пальца слепого шахматиста, вегетативных симптомов эмоций в совокупности с речевым рассуждением привело к созданию комплексной методики регистрации компонентов мыслительной деятельности. Благодаря использованию этого методического аппарата мышление предстало перед нами

как полноценная деятельность с неосознаваемыми и осознаваемыми компонентами, мотивационно-эмоциональной регуляцией, смыслообразованием и целеобразованием. Появились синтетические понятия «психологическая система» и «динамическая смысловая система».

В современных условиях возникла возможность применить понятийный аппарат смысловой теории мышления к решению комплексных проблем. В ходе изучения взаимодействия человека со сложными динамическими системами выявились ограничения человеческих возможностей решения такого рода проблем. На первый план выступила личностная регуляция мыслительной деятельности, мотивационно-эмоциональная и смысловая. Удалось экспериментально показать, что человек более успешно управляет сложными динамическими системами при наличии внутренней мотивации и определенном типе самоуправления самоорганизации. При успешном решении комплексных проблем возникает динамическая смысловая система, в которой функционирует механизм интеллектуальных эмоций, обеспечивающих избирательную переработку предметного содержания.

Канд. психол. наук Ю.Д. Бабаева обратилась к психологии интеллекта, креативности, творчества, одаренности. И сосредоточилась на одной из проблем: проблеме одаренности, которая является одной из древних и имеет много противников. Обозначены разные подходы к одаренности однофакторный и холистический (целостный), подходы, связанные с изучением волевой сферы и личности. В этой области много вопросов: как учить одаренного ребенка, умеем ли развивать познавательную мотивацию в процессе обучения, как соотносятся интеллект и креативность, как отстоять талантов при введении ЕГЭ?

Канд. психол. наук Е.Е. Васюкова проанализировала одно из направлений развития смысловой концепции мышления, связанное с изучением переноса вербализованных операциональных смыслов. Она отметила важные аспекты смысловой теории, а именно интерес к проблеме избирательности мышления, подчеркивание роли операциональных смыслов и их переноса в обеспечении и усилении избирательности поиска. Остановилась на оригинальных методах исследования мышления как процесса, поиска, ориентировки, разработанных в школе Тихомирова (регистрация движений глаз и осязательной активности), и основаниях использования шахмат как модельного объекта изучения общепсихологических закономерностей. Представила результаты собственного исследования, предмет которого - перенос вербализованных операциональных смыслов из одной ситуации в другую, а объект особенности вербализованных операциональных смыслов (ВОС) - в процессе поиска лучшего хода в

связанных и несвязанных шахматных позициях. Удалось обнаружить, что перенос ВОС, задавая направление поиска, оказывается связанным не просто с повторением каких-то предвосхищений, а происходит широкое использование и преобразование результатов поиска в последующих ситуациях. В результате предыдущие и последующие ситуации для субъекта объединяются, с одной стороны, в определенные смысловые группы, с другой стороны, включаются все новые взаимодействия фигур. Перенос ВОС самым непосредственным образом связан с их преобразованием и развитием и носит активный характер. Позиция, квалификация и возраст испытуемых определяют форму переноса. Перенос ВОС характеризует прежде всего шахматных экспертов.

Л.Н. Бабанин рассказал о развитии О.К. Тихомировым методов и методик исследования мышления, о его новаторстве в психологической науке, о психологии компьютеризации как побочном продукте научного творчества О.К. Тихомирова.

Психология компьютеризации на современном этапе представлена в докладе канд. психол. наук А.Е. Войскунского. Он сделал экскурс в историю психологии компьютеризации и показал, с чего все начиналось. О.К. Тихомиров во время своей поездки в США в конце 60-ых годов увидел, что развитие в университетах США получили компьютеры, и посчитал важным исследовать применение компьютеров в решении задач. Он интересовался, чем отличаются компьютерные программы от психологических теорий мыслительной деятельности. Составная часть смысловой концепции мышления - работа в области психологии компьютеризации. Компьютеризация развивается быстро и эффективно. В 90-е годы компьютеры пришли в каждый дом. Появился определенный бум. Докладчик рассмотрел три теории взаимодействия людей и компьютеров (замещения, дополнения и интеграции). Игровые программы - сложная задача. Высокая поглощенность деятельностью характерно для игроков, погруженных в компьютерные игры. Исследования в области психологии компьютеризации соседствуют со всеми областями психологии. Мы вышли за пределы психологии мышления и познания.

Заключительным было научное сообщение В.В. Дрождина, к.т.н., проректора по информатизации ПГПУ им. В.Г. Белинского. Тема его выступления «Принципы организации человеко-машинного интерфейса при взаимодействии с самоорганизующейся информационной системой». Самоорганизация психоинформационной системы, с точки зрения докладчика, новое свойство компьютера, отсутствующее в существующих компьютерах. Им четко сформулирована проблема изменить жесткость компьютерных алгоритмов. В.В. Дрождин отметил, что ведется работа над системой, которая

представляла бы внешнюю среду как систему. ВУЗы рассматриваются как хорошая предметная область для этих задач. Система будет партнером и инструментом для человека.

А.Е. Войскунский поблагодарил докладчика за то, что перед психологами ставятся задачи нового уровня сложности.

Заключительное слово предоставлено проф. Л.И. Панковой, которая сказала: «судьба подарила встречу и дружбу с Тихомировым. Родина как магнит притягивает к себе. Тихомиров приезжал к нам всю жизнь. Слушали на ФПК лекции Олега Константиновича, но не знали, что он земляк. Исследованием творчества земляков занималась. Был эмоциональный шок, когда узнала, что Тихомиров земляк». Она также отметила, что О.К. Тихомиров продолжает себя в учениках.

Список литературы:

1. Васюкова Е.Е. Вербализованные операциональные смыслы в структуре принятия решения в сложных ситуациях // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е.Соколовой. М.: Смысл, 2006. С. 368-391.
2. Васюкова Е.Е. Вербализованные операциональные смыслы и их развитие в процессе принятия решения (на материале выбора лучшего хода в шахматной позиции) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 30-41.
3. Васюкова Е.Е. Динамика вербализованных операциональных смыслов в процессе принятия решения (на материале выбора лучшего хода в шахматной позиции) // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2. / Под общей ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 327-349.
4. Васюкова Е.Е. Мышление как процесс порождения и развития операциональных смыслов // Материалы Первой Российской Интернет-конференции по когнитивной науке / Под ред. А.Н. Гусева, В.Д. Соловьева. М., 2004. С. 141-150.
5. Васюкова Е.Е. Перенос вербализованных операциональных смыслов из ситуации в ситуацию в процессе принятия решения // Тезисы 2-ой Межд. конф. по когнитивной науке. Санкт-Петербург. 9-13 июня. СПб., 2006.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 2. М., 1982.

7. Познанская Э.Д., Тихомиров О.К. О функциях движений глаз // Психологические исследования. Вып. 1. М., 1969. С. 25-30.
8. Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. М., 1965.
9. Телегина Э.Д. Движения глаз в структуре интеллектуальной и мнестической функции // Психологические исследования. Вып. 2. М., 1970. С. 93-98.
10. Телегина Э.Д. Психологический анализ эвристик человека. Канд. дис. М., 1967.
11. Терехов В.А. Исследование механизмов регуляции поиска решения задачи (эвристик). Канд. дис. М., 1967.
12. Тихомиров О.К. Исследования познавательной деятельности на материале шахматной игры. Рукопись. 16 с. (Архив О.К. Тихомирова).
13. Тихомиров О.К. Психология мышления: Учебное пособие. М., 1984.
14. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
15. Тихомиров О.К., Терехов В.А. Значение и смысл в процессе решения мыслительной задачи // Вопросы психологии. 1969. № 4.
16. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981. С. 258-263.
17. Tikhomirov O. The psychology of thinking (English translation of the revised Russian text). Moscow: Progress Publishers, 1988.

References:

1. Vasyukova E.E. Verbalizovannye operacional'nye smysly v strukture prinyatiya resheniya v slozhnyh situacijah // Uchenye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU. Vyp. 2 / Pod obshch. red. B.S. Bratusya, E.E.Sokolovoj. M.: Smysl, 2006. S. 368-391.
2. Vasyukova E.E. Verbalizovannye operacional'nye smysly i ih razvitie v processe prinyatiya resheniya (na materiale vybora luchshego hoda v shahmatnoj pozicii) // Psihologicheskij zhurnal. 2001. T. 22. № 4. S. 30-41.
3. Vasyukova E.E. Dinamika verbalizovannyh operacional'nyh smyslov v processe prinyatiya resheniya (na materiale vybora luchshego hoda v shahmatnoj pozicii) // Uchenye zapiski kafedry obshchej psihologii MGU. Vyp. 2. / Pod obshchej red. B.S. Bratusya, D.A. Leont'eva. M., 2002. S. 327-349.
4. Vasyukova E.E. Myshlenie kak process porozhdeniya i razvitiya operacional'nyh smyslov // Materialy Pervoj Rossijskoj Internet-konferencii po kognitivnoj nauke / Pod red. A.N. Guseva, V.D. Solov'eva. M., 2004. S. 141-150.

5. Vasyukova E.E. Perenos verbalizovannyh operacional'nyh smyslov iz situacii v situaciyu v processe prinyatiya resheniya // Tezisy 2-oj Mezhd. konf. po kognitivnoj nauke. Sankt-Peterburg. 9-13 iyunya. SPb., 2006.
6. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. Sobr. soch. v 6-ti t. T. 2. M., 1982.
7. Poznanskaya E.H.D., Tihomirov O.K. O funkciyah dvizhenij glaz // Psihologicheskie issledovaniya. Vyp. 1. M., 1969. S. 25-30.
8. Psihologiya myshleniya / Pod red. A.M. Matyushkina. M., 1965.
9. Telegina E.H.D. Dvizheniya glaz v strukture intellektual'noj i mnesticheckoj funkcii // Psihologicheskie issledovaniya. Vyp. 2. M., 1970. S. 93-98.
10. Telegina E.H.D. Psihologicheskij analiz ehvristik cheloveka. Kand. dis. M., 1967.
11. Terekhov V.A. Issledovanie mekhanizmov regulyacii poiska resheniya zadachi (ehvristik). Kand. dis. M., 1967.
12. Tihomirov O.K. Issledovaniya poznavatel'noj deyatel'nosti na materiale shahmatnoj igry. Rukopis'. 16 s. (Arhiv O.K.Tihomirova).
13. Tihomirov O.K. Psihologiya myshleniya: Uchebnoe posobie. M., 1984.
14. Tihomirov O.K. Struktura myslitel'noj deyatel'nosti cheloveka. M., 1969.
15. Tihomirov O.K., Terekhov V.A. Znachenie i smysl v processe resheniya myslitel'noj zadachi // Voprosy psihologii. 1969. № 4.
16. Hrestomatiya po obshchej psihologii. Psihologiya myshleniya. Pod red. YU.B. Gippenrejter, V.V. Petuhova. M., 1981. S. 258-263.
17. Tikhomirov O. The psychology of thinking (English translation of the resised Russian text). Moscow: Progress Publishers, 1988.

Сведения об авторе:

Васюкова Екатерина Евгеньевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Палеопсихологическая теория антропогенеза Б.Ф. Поршнева: современный взгляд

Мешкова Светлана Валерьевна

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,

ГБУЗ РХ «Республиканская клиническая психиатрическая больница», Россия

e-mail: mozigi@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается один из самых сложных и загадочных вопросов современной науки, на который еще нет окончательного ответа: проблема происхождения человека современного типа с его сознанием и мышлением. Анализируется палеопсихологическая версия антропогенеза, сформулированная в монографии Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии», а также развитие этого подхода в работах его последователей, в частности, проф В.Г. Морогина.

Ключевые слова: Поршнева, палеопсихология, антропогенез, Морогин, развитие психики

B.F. Porshnev's paleopsychological theory of anthropogenesis: modern view

Meshkova Svetlana Valerievna

Katanov Khakass State University, Russia

e-mail: mozigi@yandex.ru

Abstract. The article discusses one of the most complex and mysterious issues of modern science, for which there is still no definitive answer - a problem of the origin of a modern human with his consciousness and thinking. The paleo-psychological version of anthropogenesis, formulated in B.F. Porshnev's "On the beginning of human history. The problems of paleo-psychology" is analyzed. In addition, the development of this approach in the works of his followers, in particular, Prof. V.G. Morogin, is examined.

Keywords: Porshnev, paleopsychology, anthropogenesis, Morogin, psyche development

В психологии термин *антропогенез* [греч. anthropos человек genesis– происхождение] используется для описания происхождения и развития человека современного типа. В качестве начала этого процесса рассматривается начало четвертичного периода. В это время началось становление современного человека как биологического вида. Интерес к собственному происхождению свойствен человеку с глубокой древности. Вопросами зарождения человеческой психики занимались Ч. Дарвин, В.А. Уоллес, К. Фохт, Э. Геккель, Т. Гексли, Н.Е. Введенский, Вагнер, Ладыгина-Котс, К. Маркс, Ф. Энгельс, М.Ф. Нестурх, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, А.Н. Северцов др. [9]

Хотя и принято говорить о некоторых общепризнанных точках зрения в антропологии, археологии и других науках, занимающихся вопросами происхождения человека - среди ученых существуют весьма различающиеся взгляды по отдельным, частным вопросам данной проблематики.

Несмотря на то, что существует множество концепций происхождения человека, и многие из них претендуют на научность и могут продемонстрировать определенные достижения в объяснении происхождения человека, антропосоциогенез до сих пор во многом представляется загадочным.

Б.Ф. Поршнев [2; 3] в монографии «О начале человеческой истории Проблемы палеопсихологии» [8] рассматривает антропогенез как процесс, всецело отличный от эволюции, поскольку он осуществляется на основе психологического механизма суггестии, в ходе которого происходит становление человека разумного, а не на основе биологического естественного отбора. Б.Ф. Поршнев исследует проблему становления Человека Разумного, опираясь на строгие закономерности развития и динамики высшей нервной деятельности. Все выдающиеся достижения мировой и особенно отечественной физиологии высшей нервной деятельности, относящиеся не только к палеопсихологии, но и ко всей психике Человека Разумного, вошли в структуру его теоретических построений.

В теории антропогенеза Поршнев пришел к выводу, что большинство современных гибридных рас сформировались путем генетического смешения, случившегося в далеком прошлом, Homo Sapiens с палео- или даже археоантропом (неандертальцем). В сложнейшем процессе формирования человека Б.Ф. Поршнев подчеркивает особую роль в возникновении и развитии социума второй сигнальной системы человеческой речи. Специфической особенностью человека он считает только истинно человеческий труд, т. е. труд, непосредственно связанный с речью и ею регулируемый. Именно речь делает труд специфический человеческий сознательной, целесообразной

деятельностью. Поэтому исключительными признаками человека не могут являться ни прямохождение, ни производство орудий. Основное внимание Б.Ф. Поршневу уделял предыстории речи. Привлекая огромный материал по физиологии высшей нервной деятельности, он анализирует механизмы нервной системы, которые подготавливают появление нейрофизиологической основы второй сигнальной системы.

В психофизиологическом плане проблема становления человека современного типа трансформируется в вопрос о преобразовании первой сигнальной системы во вторую. Второсигнальное взаимодействие людей происходит на двух уровнях и подразделяется на первичную фазу интердиктивную и вторичную суггестивную. Такого рода разделение позволило Б.Ф. Поршневу подойти к раскрытию тонкого и сложного генезиса индивидуальных второсигнальных связей. В основу концепции Поршнева положен суггестивный подход к анализу исторического процесса. Автор трактует исторические события и в целом исторический процесс как последовательную смену фаз «суггестия-контрсуггестия-контр-контрсуггестия». Объясняя действие механизма суггестии, он сближается с концепцией социального происхождения высших психологических функций человека, сформулированной Л.С. Выготским применительно к индивидуальному психическому развитию ребенка. Ведь согласно Выготскому, высшие психические функции это интериоризованные социальные отношения.

Суть позиции Б.Ф. Поршнева в историческом анализе состоит в том, что суггестия рассматривается как клеточка, начальный элемент социальной психологии. Суггестивный подход Поршнева позволил определить значение суггестии для становления человека как общественного существа. С позиции Поршнева, в ходе исторических преобразований суггестивное воздействие наталкивается на так называемые охранительные психические антидействия, самым первым из которых является недоверие. Противоположностью суггестии в процессе исторического развития становится контрсуггестия. Поршневу утверждает: «Контрсуггестия и становится непосредственно психологическим механизмом осуществления всех и всяческих изменений в истории, порождаемых не зовом биологической самообороны, а объективной жизнью общества, противоречиями и антагонизмом экономических и других отношений» [8]. Автор замечает, что в своем труде он рассматривает «не причины, приводившие людей в разных исторических условиях к срыву принуждающей силы слова, а сам психологический механизм негативной реакции на суггестию, который усиливался в ходе истории, и посредством которого история менялась» [8].

По Поршневу, суггестия не исчезает в ходе истории. Она приобретает другие формы по мере усложнения контрсуггестии. Вместе с тем и сама контрсуггестия меняется: из простого отказа от послушания человеческим словам она постепенно преобразуется в ограничение послушания в отношении разных условий.

В современной трактовке палеопсихологической теории В.Г. Морогин, следуя точке зрения Б.Ф. Поршнева, считает главным отличием человека от любого, даже самого высшего животного, наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. По его мнению, речь является принципиально новым способом регуляции поведения. Самой первой функцией речи, с точки зрения Морогина, следует считать не развитие возможностей рефлексивного поведения, а запретительную роль речи по отношению к действию первосигнальных раздражителей. «Действительно, зачем второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится» [5]. Таким образом, первой функцией речи нужно считать *коммуникативную*, иначе говоря суггестивную. На начальных этапах суггестия осуществлялась другим индивидом, и только гораздо позже у человека сформировалась способность к аутосуггестии, т.е. способности самостоятельно регулировать поведение, противоречащее первосигнальным побуждениям. Таким образом, речь идет о произвольном поведении, которое подразумевает определенное насилие над собой. Второй важнейшей функцией речи является *информационная*. Эта функция появилась в период, когда у человека сформировалась система значений, а речь в свою очередь стала инструментом мышления. «Поскольку человеческая речь сформировалась как способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы это и есть главный определяющий признак ее отличия от социальных сигналов, используемых животными. Никакая, пусть даже самая сложная, социальная мотивация животного не в состоянии отменить первосигнальное побуждение» [7].

Итак, с уверенностью можно сказать, что вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать или даже запрещать функционирование первой. Вторая сигнальная система не является дополнением к первой, а представляет собой отдельный, принципиально новый способ регуляции поведения, который свойственен только человеку. Именно отсюда, как считает В.Г. Морогин, и проистекает двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает специфические сложности при анализе человеческой мотивации. У каждого человека всегда присутствуют два мотива: настоящий и тот, который «красиво звучит». Первый неосознанный,

первосигнальный, второй осознаваемый, второсигнальный. Истинной причиной поведения человека всегда служат побуждения первого рода. Мотив второго рода нужен для объяснения и оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении эти два мотива почти никогда не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство людей даже не осознают, и могут только предполагать их.

Эту двойственность человеческой мотивации В.Г. Морогин связывает с неоднородностью человеческого рода *Homo Sapiens*. У разных видов, принадлежащих к этому роду, прослеживаются различия не только в мотивации второй сигнальной системы, но и в естественных первосигнальных побуждениях. «Человечество представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным. В своем становлении *Homo Sapiens* прошел страшную стадию адельфофагии, человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. А создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» [1].

Генетическая неоднородность человеческих видов рассматривается В.Г. Морогиним как результат формирования в процессе антропогенеза хищных и нехищных видов. Автор отмечает безусловное существование двух хищных видов: суперанималов, потомков агрессивных палеоантропов, обладающих второй сигнальной системой, и суггесторов, в процессе антропогенеза развивших способность к внушению и манипулированию другими. Второй вид – суггестороты, по мнению проф. В.Г. Морогина, появился уже после дивергенции палеоантропов и их разделения на хищный и нехищный виды. Если нехищный вид сформировался на основе высокой податливости на интердикцию и суггестию, то главной психологической особенностью суггесторов стала хорошо развитая способность к манипулированию и внушению.

Таким образом, развитие «хищных видов пошло по пути наименьшего сопротивления, хорошо «обкатанного» природой» [1]. Главным инструментом приспособления для них стало привычное для биологической эволюции насилие. Разница состоит лишь в том, что для суперанималов это физическое насилие, а для суггесторов – психологическое.

«Для двух нехищных человеческих видов изначально характерно врожденное неприятие насилия. Диффузный вид составляют индивиды, чрезвычайно податливые на интердикцию и легко поддающиеся внушению» [5]. Современные неантропы представляют собой вид,

отделившийся от диффузного 2 тыс. лет назад, отличительными особенностями которого являются с одной стороны обостренная нравственность, с другой - способность к критическому мышлению. Исторический период, в который сформировавшийся этот новый человеческий вид, К. Ясперс назвал «осевым временем». Именно тогда впервые появились человеческие индивиды, способные критически мыслить. Вместе с этой способностью появилась наука. Кроме того, у неантропов, обладающих высокой нравственностью, сформировалась третья сигнальная система, способная контролировать вторую с позиции нравственных критериев [5; 6]. Третья сигнальная система свойственна лишь неантропам, у хищных видов она отсутствует.

На неоднородность человечества указывали многие ученые, занимавшиеся проблемами мотивации. Так А. Шопенгауэр отмечал существование различных врожденных «пружин» человеческой мотивации: «злость», «эгоизм» и «сострадание», которые четко соответствуют жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов [10].

Русский ученый педагог, анатом, врач П.Ф. Лесгафт на основе своих многолетних наблюдений над детьми-школьниками выделил так называемые «школьные типы»: «честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный». Он отмечал «отсутствие каких-либо моральных устоев у первых двух выделенных типов» [4]. По мнению Лесгафта, в условиях негативного воспитания эти три основных личностных типа развиваются в «злостно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». И только последний из них обладает нравственностью. Именно этот последний тип профессор Морозин соотносит с основными свойствами, присущими неантропам.

В свое время на проблему нравственности обратил внимание З. Фрейд. Сначала он считал совесть прижизненным, социально-психологическим приобретением человека, но к концу жизни великий психоаналитик изменил свою точку зрения. Он был уверен в том, что совесть и нравственность невозможно воспитать: эти ценности передаются генетическим путем, поэтому либо они есть, либо их нет.

Внешне представители всех четырех человеческих видов практически неотличимы, основные различия между ними - психологические. Это генетически закрепленные истинные побуждения к вполне определенному поведению. Другими словами, различия между четырьмя видами, составляющими род *Homo Sapiens* – мотивационные. Именно поэтому проблема мотивации как системы истинных бессознательных побуждений является центральной в психологии личности.

Список литературы:

1. Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997.
2. Колосова В.В. Поршневу Борис Федорович: данные библиографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. №1. С. 69-80.
3. Колосова В.В. Поршневу Борис Федорович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 41-50.
4. Лесгафт П.Ф. Школьные типы. Антропологический этюд. М., 1971.
5. Морогин В.Г. Антропopsихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть 1. Антропopsихологические детерминанты коррупционного поведения // Наука. Мысль. № 9. 2016. С. 43-55.
6. Морогин В.Г. Антропopsихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть 2. Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 3. С. 162-178.
7. Морогин В.Г., Мазилев В.А. Коррупция как юридический и психологический феномен // Психология XXI столетия. Сборник по материалам ежегодного Международного Конгресса «Психология XXI столетия» (Ярославль, 15-17 мая 2015) / Под ред. Козлова В.В. Ярославль: ЯрГУ, МАПН, 2015. С. 233-241.
8. Поршневу Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: ФЭРИ-В, 2006. 176 с.
9. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М.: РПО, 1999. 464 с.
10. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992.

References:

1. Didenko B. Hishchnaya vlast'. Zoopsihologiya sil'nyh mira sego. M., 1997.
2. Kolosova V.V. Porshnev Boris Fedorovich: dannye biografii #1 // Istoriya rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2016. № 5. S. 41-50.
3. Kolosova V.V. Porshnev Boris Fedorovich: dannye bibliografii #1 // Istoriya rossijskoj psihologii v licah: Dajdzhest. 2017. №1. S. 69-80.
4. Lesgaft P.F. SHkol'nye tipy. Antropologicheskij ehtyud. M., 1971.
5. Morogin V.G. Antropopsihologicheskie osnovaniya cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predrasplozhennosti k korrupcii. CHast' 1. Antropopsihologicheskie determinanty korrupcionnogo povedeniya // Nauka. Mysl'. № 9. 2016. S. 43-55.

6. Morogin V.G. Antropopsihologicheskie osnovaniya cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predraspolozhennosti k korrupcii. CHast' 2. Cennostno-potrebnostnaya diagnostika chelovecheskih vidov, predraspolozhennyh k korrupcii // Vestnik po pedagogike i psihologii YUzhnoj Sibiri. 2016. № 3. S. 162-178.
7. Morogin V.G., Mazilov V.A. Korrupciya kak yuridicheskij i psihologicheskij fenomen // Psihologiya XXI stoletiya. Sbornik po materialam ezhegodnogo Mezhdunarodnogo Kongressa «Psihologiya XXI stoletiya» (YAroslavl', 15-17 maya 2015) / Pod red. Kozlova V.V. YAroslavl': YArGU, MAPN, 2015. S. 233-241.
8. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii. M.: FEHRI-V, 2006. 176 s.
9. Fabri K.EH. Osnovy zoopsihologii. M.: RPO, 1999. 464 s.
10. SHopengauehr A. Svoboda voli i npravstvennost'. M., 1992.

Сведения об авторе:

Мешкова Светлана Валерьевна, магистрантка 2-го года обучения кафедры психологии МПСИ ХГУ им. Н.Ф. Катанова; клинический психолог ГБУЗ РХ «Республиканская клиническая психиатрическая больница» (Абакан, Россия).

Теория методологического кризиса в психологии и современность

Сусоколова Ирина Александровна

Независимый исследователь, Бремен, Германия

e-mail: irinasousokolova@yahoo.com

Аннотация. В разработанной Л.С. Выготским теории методологического кризиса в психологии, указаны пути (прямой и обратный) продвижения к высшей форме психики (творчество, гениальность, креативность) и обозначены различия исследовательских средств эмпирического и теоретического подходов. В статье обсуждается современное воплощение идей Выготского. В эмпирическом подходе, вынужденно заимствующем понятия и методы из других областей знаний, невозможно выявление специфики высшей формы психики. Теоретический подход, создающий собственно психологический понятийный аппарат и специфические методы, дает научное объяснение (выявляет сущность и раскрывает механизм) высшей формы.

Ключевые слова: Теория методологического кризиса в психологии, высшая форма психики, творчество, креативность, эмпирический подход, теоретический подход

The theory of methodological crisis in psychology: a modern view

Sousokola Irina Aleksandrovna

Independent researcher, Bremen, Germany

e-mail: irinasousokolova@yahoo.com

Abstract. In his theory of a methodological crisis in psychology, L.S. Vygotsky pointed out ways of progress towards understanding the highest form of the psyche and marked the differences in the investigative means of the empirical and theoretical approaches. Contemporary realizations of Vygotsky's concepts are discussed. Within the empirical approach, one is forced to borrow concepts and methods from various fields of knowledge; this makes it impossible to reveal the essence of creativity. A theoretical approach introduces a conceptual psychological apparatus and a specific method for diagnosing creativity. This reveals the essence and discloses the mechanism of the highest form of the psyche.

Keywords: theory of methodological crisis in psychology, the highest form of the psyche, geniality, creativity, empirical approach, theoretical approach.

Особое место в творческом наследии Л.С. Выготского занимает фундаментальное исследование ситуации, сложившейся в эмпирической психологии. Она характеризовалась появлением в короткий исторический период (последняя треть XIX в. первая четверть XX в.) ряда различных течений, что считалось признаком методологического кризиса. В поисках ключа к научному познанию, направленному на раскрытие «внутренней природы вещей» [3, с. 293], Выготский поставил задачу разработки *теории кризиса*, что требовало указания на его «причины, тенденцию, динамику, прогноз» [3, с. 372].

Стратегия эмпирического познания (отбор как можно большего количества качественно разнообразных признаков искомых явлений) позволяет каждой следующей концепции отбрасывать предыдущие и начинать с нуля, выделяя свой базовый принцип: «нарождаются системы с совершенно другой основой и центром» [3, с. 279]. Хотя «в психологии ... борются различные взаимно исключаящие друг друга реальные типы науки» [3, с. 374], но они продолжают уживаться друг с другом.

В факте сосуществования разрозненных направлений Выготский увидел «весь их смысл и методологическую природу» [3, с. 372]: ввиду принципиальной невозможности «согласовать несогласуемое» [3, с. 373] «единой эмпирической психологии не существует вовсе» [3, с. 372]. Разобщенность течений ее имманентное свойство. Понимая неизбежность кризиса, он раскрыл его исторический смысл: кризис, охвативший самые основы эмпирической науки, знаменует насущность превращения психологии в науку с единым методологическим основанием, которому не противоречит ее фактический материал.

Критерием формирования науки Выготский считал выявление ее предмета (*что* исследуется) и разработку метода (*как* исследуется).

Согласно принципу «обратного», «понять до конца какой-нибудь этап в процессе развития и самый процесс можно, только зная конец процесса, результат, направление, куда и во что развивалась данная форма» [3, с. 294]. Исходный пункт научного познания - обозначение своего предмета: высшей, ставшей формы психики, феномена, определяющего родовую сущность человека, ибо «в высших формах ключ к пониманию низших» [3, с. 294]. Знание высшей формы позволяет проследить зачатки ее признаков во всех предшествующих формах и научно исследовать проблему развития.

Выготский указал два пути (прямой и обратный), которыми продвигались эмпирический и теоретический подходы к исследованию высшей формы психики.

Прямой путь усложнения структуры и функций определил стезю эмпирической психологии. Продвижение по этому пути обусловлено разложением сложных психических единств на элементы - «продукты, чужеродные по отношению к анализируемому целому, ... которые не содержат в себе свойств, присущих целому ..., и обладают рядом новых свойств, которые это целое никогда не могло обнаружить» [4, с. 13]. Существенные признаки искомых явлений не отличимы от несущественных.

Формируя из «научно не упорядоченного, но огромного психологического опыта» [3, с. 387] объективно-эмпирическую науку, Ф.Гальтон заложил фундамент психометрии. Он обозначил гениальность как высшую форму психики, используя ее общепринятый показатель – репутацию: глубокое общественное признание окружающими достижений творца, проверенное и подтвержденное временем [8, с. 2]. Предложив для квантификации признаков высших психических форм тест – универсальный способ оценки ответов, построенный по стимульно-реактивной схеме (Р.Декарт), он выбрал статистику для упорядочивания измеренных показателей.

Предмет эмпирических исследований постепенно складывается по мере получения опытных данных. Он всегда неполно представлен: «эмпирики неясно понимают и неясно видят свой предмет» [3, с. 361]. Восхождение эмпирическим путем (от простого к сложному) позволяет только относительное описание комплексных форм в терминах предшествующих форм. Наивысшая форма не выявляется в специфических для нее терминах. Эмпирики уверены, что «интеллект объясняет креативность» [9]. Креативность предстает лишь как атрибут различных реальностей: мышления, результата, индивида, сферы деятельности, вида профессии, продуктивности и т.д.

В реализации стратегии эмпирического подхода объективно-эмпирическое направление обладает преимуществом: позволяет подвести под «общий знаменатель» формальные оценки проявлений, взятых из различных реальностей, и метрологическое время (измеряемое в конвенциональных единицах); и ограничением: отбрасываются признаки, не поддающиеся измерению [8; 9]. При поиске «единицы измерения» и оснований для упорядочивания количественных оценок качественно разнородных признаков «самой надежной кажется почва чистой эмпирии» [4, с. 25] и инстинкт исследователя. Математический аппарат играет ведущую роль в конструировании совокупной формы искомого феномена. Но это приводит к

замене «внутренних отношений единства внешними механическими отношениями» [4, с. 14] разнородных элементов: «огромное большинство современных психологических исследований с величайшей заботливостью и точностью выписывают последний десятичный знак в ответе на вопрос, который в корне ложно поставлен» [3, с. 325]. Правильная постановка вопроса является, по Выготскому, более ответственным моментом научного творчества и исследования, чем получение правильного ответа.

Мысль Выготского подтверждается достижениями психометрии. Разрабатываемые в этой парадигме дескриптивные теории, служащие для феноменологического описания искомого явления, строятся упорядочиванием на чисто эмпирических основаниях его гипотетических ситуативно-наглядных разнородных признаков или выбором одного из наблюдаемых признаков по усмотрению автора. Это исключает возможность создания общей теории. «Есть много оснований сомневаться в том, что любая единая теория сможет объяснить, как действия нейромедиаторов, так и психические процессы, участвующие в разрешении криптограммы; как конфигурации нервных сетей, так и течение истинной любви» [6, с. 846]. Тестирование креативности сравнивают со слепцами, ощупывающими слона [15]; и даже «существуют разнообразные слоны гениальности» [11, с. 724]. Общая картина современной эмпирической психологии подобна лоскутному одеялу [6, с. 665]. Ее перспективы видятся как углубление разобщения направлений: «через 50 лет ... направления психологии обретут собственную идентичность и собственные названия и образуют отдельные факультеты в университетах» [6, с. 845].

Сосуществование различных направлений и относительность универсальных формальных оценок приводят к невозможности доказать или опровергнуть результаты. «В психологии редко удается доказать ошибочность каких-либо взглядов, скорее демонстрируется их ограниченность и неполнота» [6, с. 665]. Венец таксономических усилий психометриков – модель структуры интеллекта Дж. Гилфорда [9] существует много лет, не будучи ни подтвержденной, ни опровергнутой [5; 7; 10].

Лишь приблизительное описание высшей формы по ее гипотетическим атрибутам не позволяет проследить зачатки ее признаков в ранних формах. Психометрики столкнулись с непреодолимыми трудностями объединения в общую шкалу нормативных тестов для различных возрастных категорий [9; 13]. Данные на основе психометрического толкования креативности педагогические рекомендации (выделение в отдельные классы детей раннего возраста с высокими баллами тестов, стимуляция их продуктивности и тренировка отдельных релевантных навыков) не привели к ожидаемому увеличению

количества гениев в этих группах [12; 14]. В силу внутренней детерминированности и свободы творчества никакой тренинг не может быть средством его развития. Самый совершенный тренинг может позволить лишь отработать ряд операций и повысить балл теста, где эти операции актуальны. Формируемая в условиях соперничества мотивация (стремление к победе любой ценой), пагубно сказывается на воспитании любви к делу, преданности идее качеств, определяющих творческую личность.

Обратным путем, исходящим из определения высшей формы психики, движется теоретическая психология, разрабатывая собственно психологический понятийный аппарат и специфические методы. Продвижение по этому пути обеспечивается вычлениением единицы, которая «обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и является далее неразложимой живой частью этого единства» [4, с. 15].

Выделение единицы анализа творчества интеллектуальной активности (ИА), позволило выявить психологическую сущность этого феномена, как самодвижения познавательной деятельности, приводящего к выходу за пределы заданных ситуативных требований [1]. Феномен ИА отражает ядерное свойство целостной личности, единство взаимодействия когнитивной и аффективной сфер [2]. Являясь базовым компонентом ИА, умственные способности проявляются в ней не непосредственно, а лишь преломляясь через мотивационную структуру личности, которая либо тормозит, либо стимулирует их проявление. Анализ внешней и внутренней по отношению к познанию мотивации показал, что в основе творчества лежит мотив бескорыстного познания [2].

Теоретически определенная «единица содержания» однозначно указывает на адекватную «единицу измерения». Математический аппарат кристаллизует форму «до конца терминированного» содержания [3, с. 369].

Для диагностики творческого действия, которое, по сути, теряет форму ответа, была разработана новая модель психологического эксперимента (метод «Креативное поле») [1; 2].

В отличие от тестов, ограничивающих простор движения мысли рамками однократно предъявляемых отдельных заданий и предоставлением короткого времени для решения, пространство этой модели состоит из двух слоев. Это позволяет четко обозначить границы заданного – дать ответы на предложенные задачи, и дает испытуемому возможность их преодолеть – породить свою собственную познавательную деятельность по выявлению скрытых закономерностей, содержащихся во всей системе задач, но открытие которых не требуется для их решения.

В отличие от тестов, дающих оценки только результатов, метод выявляет четкое соответствие между результатом и процессом, к нему приводящим.

В отличие от тестов, где результат называется креативным только, если он отвечает формальному показателю: статистически редко встречается в данной выборке испытуемых, метод выявляет психологическое содержание творчества как бескорыстного познания, в своем высшем проявлении приводящего к построению теоретической модели исследуемого объекта. Статистическая редкость очевидный, но не существенный признак творческого результата.

В отличие от тестов, где результат одного человека сравнивается как «более или менее» креативный относительно результатов других людей в данной выборке, метод выявляет процесс познания, результат которого независим от результатов других людей, а возникает на основе осмысления всего корпуса индивидуально накопленных (в ходе эксперимента) знаний и, образно говоря, может быть сопоставлен только с ним.

В отличие от тестов, измеряющих лишь формальный аспект времени, использование системы однотипных задач, содержащих общие закономерности, позволяет фиксировать ахроничный аспект времени событийное время, определяемое шагами выводов, умозаключений, независимо от их длительности или продолжительности интервалов между ними. Эта модель раскрывает процесс развития единого содержания, в пределе приводящий к творческому акту.

Предложенное в этой концепции понимание творчества позволяет разработку адекватных педагогических рекомендаций по воспитанию и развитию творческой личности. Многолетний лонгитюд подтвердил правильность прогнозов, основанных на результатах диагностики методом «Креативное поле» [2].

Указанный Выготским путь изучения психики в ее собственной специфике определяет перспективы развития психологической науки.

Список литературы:

1. Богоявленская Д.Б. Метод исследования уровней интеллектуальной активности // Вопросы психологии. 1971. №1. С. 144-146.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М.: Издательский дом Федоров, 2009.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

4. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
5. Стернберг Р., Григоренко Е. Модель структуры интеллекта Гилфорда: структура без фундамента // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д.Б. Богоявленской. М., 1997. С. 111-127.
6. Хант М. История психологии. М.: АСТ, 2009.
7. Eysenck H. J. The structure and measurement of intelligence. Berlin, Heidelberg, NY.: Springer-Verlag, 1979.
8. Galton F. Hereditary genius: an inquiry into its laws and consequences. NY.: Horizon Press, 1952.
9. Guilford J.P. The nature of human intelligence. NY.: McGraw-Hill Book Company, 1967.
10. Horn J.L., Knapp J.R. On the subjective character of the empirical base of Guilford's SOI model // Psychological Bulletin. 1973. Vol 80. P. 33-43.
11. Nicholls J.G. Creativity in the person who will never produce anything original and useful: the concept of creativity as a normal distributed trait // American psychologist. August, 1972. Vol. 27. P. 717-727.
12. Terman L.M., Oden M.H. The gifted child grows up. Stanford, 1947.
13. Thorndike E.L., Bregman E., Cobb M., Woodyard E. The Measurement of Intelligence. NY.: ARNO PRESS, A New York Times Company, 1973.
14. White W.F. Divergent thinking vs. convergent thinking a GT anomaly // Education. 1990. Vol. 111 (2). P. 208-213.
15. Yamamoto K.A. Validation of tests of creative thinking: a review of some studies // Exceptional children. 1965. Vol. 31. P. 281-290.

References:

1. Bogoyavlenskaya D.B. Metod issledovaniya urovnej intellektual'noj aktivnosti // Voprosy psihologii. 1971. №1. P. 144-146.
2. Bogoyavlenskaya D.B. Psihologiya tvorcheskih sposobnostej. M.: Izdatel'skii dom Fedorov, 2009.
3. Vygotskij L.S. Sobraie sochinenij v 6 t. T. 1. M.: Pedagogika, 1982.
4. Vygotskij L.S. Sobraie sochinenij v 6 t. T. 2. M.: Pedagogika, 1982.
5. Sternberg R., Grigorenko E. Model' struktury intellekta Gilforda: struktura bez fundamenta // Osnovnye sovremennye koncepcii tvorchestva i odarennosti / Pod red. D.B.Bogoyavlenskoj. M., 1997. P. 111-127.
6. Hant M. Istoriya psihologii. M.: AST, 2009.
7. Eysenck H. J. The structure and measurement of intelligence. Berlin, Heidelberg, NY.: Springer-Verlag, 1979.

8. Galton F. Hereditary genius: an inquiry into its laws and consequences. NY.: Horizon Press, 1952.
9. Guilford J.P. The nature of human intelligence. NY.: McGraw-Hill Book Company, 1967.
10. Horn J.L., Knapp J.R. On the subjective character of the empirical base of Guilford's SOI model // Psychological Bulletin. 1973. Vol 80. P. 33-43.
11. Nicholls J.G. Creativity in the person who will never produce anything original and useful: the concept of creativity as a normal distributed trait // American psychologist. August, 1972. Vol. 27. P. 717-727.
12. Terman L.M., Oden M.H. The gifted child grows up. Stanford, 1947.
13. Thorndike E.L., Bregman E., Cobb M., Woodyard E. The Measurement of Intelligence. NY.: ARNO PRESS, A New York Times Company, 1973.
14. White W.F. Divergent thinking vs. convergent thinking a GT anomaly // Education. 1990. Vol. 111 (2). P. 208-213.
15. Yamamoto K.A. Validation of tests of creative thinking: a review of some studies // Exceptional children. 1965. Vol. 31. P. 281-290.

Сведения об авторе:

Сусоколова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, свободно практикующий психолог, независимый исследователь (Бремен, Германия)

Философская антропология Серафима Автократова

Шевцов Александр Александрович

Балтийская педагогическая академия, Россия

e-mail: al.al.shevtsov@gmail.com

Аннотация. В статье автор анализирует философско-психологическую концепцию мало известного философа XIX в. Серафима Петровича Автократова (1833-1881).

Ключевые слова: Автократов, история психологии, история философии, философская антропология

Seraphim Avtokratov's philosophical anthropology

Shevtsov Aleksandr Aleksandrovich

Baltic Pedagogical Academy, Russia

e-mail: al.al.shevtsov@gmail.com

Abstract. In the article, the author analyzes the philosophical and psychological concept by Seraphim Petrovich Avtokratov (1833-1881), the little known philosopher of the 19th century.

Keywords: Avtokratov, history of psychology, history of philosophy, philosophical anthropology

До выхода психологии из состава философии, датой которого считается 1879 год, когда Вильгельм Вундт основывает в Лейпциге свою экспериментальную психологическую лабораторию, психология была частью философии, то есть самым сердцем философской антропологии.

Шестидесятые годы девятнадцатого века в России были переломными, как время после революции семнадцатого года. Освобождение крестьян в 1861-м, выход «Рефлексов головного мозга» в 63-м, споры о душе, вспыхнувшие в ответ на эту провокацию, и выбор, сделанный всей «прогрессивной русской

молодежью», отречься от души и признать себя рефлекторными автоматами, травля лучших русских мыслителей прессой за попытки отстаивать душу. В общем, все как сейчас...

Именно в это время, в 1866 г. выходит «Учебник психологии» Автократова, в котором он пытается философски рассуждать о душе. Естественно, он был не замечен и забыт, как забыты были, к примеру, труды Константина Кавелина или Василия Карпова. Таким образом, труд Автократова принадлежит к забытой русской науке о душе, и уже никогда не будет востребован обществом потребления. Он не о теле, и его нельзя использовать для продвижения товаров на российский рынок...

И уж если кем и открывать серию «Забытые философы и философии», то лучше Автократова не придумать!

Серафим Петрович Автократов (1833-1881) родился в семье священника, в 1859 г. закончил Петербургскую духовную академию кандидатом с правом на степень магистра, и уехал учителем в Новгородскую семинарию. Однако, когда в 1861 г. был отменен запрет на преподавание философии в России, и обнаружено, что у нас нет ни одного философа, готового занять должность декана философского факультета, три человека были отправлены доучиваться философии в Европу.

Это были самые одаренные люди, выказавшие к этому времени не только знания, но и склонность к философскому образу мысли. Двое из них известны и всегда поминаются в учебниках истории русской философии, это Михаил Владиславлев и Матвей Троицкий. А вот третьего, Серафима Автократова, часто забывают. Да и о трудах Владиславлева будущего ректора Петербургского университета, и Троицкого декана историко-филологического факультета Московского университета, существует достаточно исследований.

Труды Автократова утрачены нашей философией. Да их и немного. Философские этюды о веществе и духе, Учебник психологии, да перевод Гоббсовского «Левиафана».

Между тем его небольшой и несвоевременный «Учебник психологии» является самой философичной книгой о психологии, написанной в России. С нее могла бы начаться философская пропедевтика психологии, как науки, выстраивающая начала, из которых выводится методология. Но молодая естественнонаучная психология не сочла нужным выстраивать свои начала философски, поскольку уже определилась в том, что возьмет методологию от успешной в то время физиологии.

В итоге, в нашей психологии нет и не было философов. И, несмотря на то, что А. Леонтьев постоянно пытался присвоить себе имя философа психологии, он не написал ни одной действительно философской работы. Лишь С. Рубинштейн, защитивший в 1913 г. степень по философии в Германии, хранил какой-то философский дух, благодаря чему, собственно говоря, и смог осуществить поворот от реактологии к психологии сознания в середине тридцатых. Вероятно, Автократов был первым и последним философом русской психологии. Как Кавелин был первым, кто связал психологию с этикой.

Работа Автократова обязана была иметь продолжателей, на ее основе просто должна была родиться мощная научная школа. Но, как принято в русской науке, никто из последующих наших психологов на нее не ссылается, с Автократовым не спорят, его положения не считают нужным обсуждать. Между тем нет ни одной иной работы, даже среди наших философов, читая которую так погружаешься в то состояние, которое свойственно диалогам Платона или рассуждениям Аристотеля.

Рассуждения Автократова отличаются постановкой принципиальных вопросов и углублением их с помощью дальнейшего вопрошания, как это происходит в классическом эленксисе «разоблачении» общепринятых взглядов, на котором строится философский поиск, начиная с Сократической школы. К сожалению, у меня нет возможности рассказывать о философствовании Автократова. Нет и возможности раскрыть все философские предметы, которые он разбирает.

Конечно, можно было бы ограничиться общим обзором работы, но очень хочется показать ее глубину. Поэтому я ограничусь одной темой, но постараюсь показать ее несколько глубже, чем это принято во Введениях. Я расскажу о предмете, который исходно был философским и стал считаться психологическим лишь по недоразумению, а вернее, по той роковой ошибке, благодаря которой философия в конце девятнадцатого века посчитала, что психология выделилась из нее в самостоятельную науку.

Выделилась из философии наука о душе, а появилась под именем «Психология» наука о теле, психофизиология, которой были неинтересны старые темы. Поэтому воля по инерции считается психологическим предметом, но зашла в рамках психологии в полный тупик, что, собственно, и признается ведущими специалистами психологии воли.

Итак, путь, которым Серафим Автократов приходит к разговору о воле, вписывая ее в общее учение о душе.

Исходные понятия, собственно, Начала, он излагает до основного текста, во Введении:

«Имя “души” не обозначает предмета, данного в опыте, а выражает то общее всему человеческому роду (это имя встречается во всех языках), понятие, что так называемые внутренние события, представление, чувство, стремление и т. д. имеют свое основание в особом существе, которого природа отлична от природы веществ, служащих основами физических событий во внешнем мире» [1, с. 31].

В философской литературе было несколько способов раскладывать душу на составные части. Чаще они звучат как мышление, чувство и воля. Иногда как разум, чувства и желания, или как ум, действие и хотение. Автократов избирает излагать то же самое как представление, чувство и стремление. Но именно стремление и скрывает в себе то, что наша психология называет волей.

Вероятно, этот выбор понятий был для Автократова не случаен:

«Обыкновенно придают наибольшее значение самому слабому основанию для объяснения этого понятия именно тому положению, что внутренняя жизнь обладает свободой, между тем как во внешней природе все происходит с необходимостью из предшествовавших причин, по всеобщим законам...

...свобода не принадлежит всей духовной жизни, ... большая часть этой последней совершается по необходимым законам. Поэтому хотя и можно различать свободные и необходимые действия, но нельзя их разделять между двумя родами существ так, чтобы одни принадлежали исключительно душам, а другие веществам» [1, с. 32].

Этим замечанием Автократов словно предвидит те философские споры, которые разгорятся в русском философском сообществе, начиная с Владимира Соловьева, по поводу именно свободы воли. Да и Кавелин построит свою психологию на произвольности действий, как на высшем основании, с которого только и можно видеть душу.

Впрочем, утверждать закономерность произвольного не значит отрицать свободу воли. Это всего лишь движение в сторону возможной науки о том, что есть внутренняя свобода человека, что определяет свободный выбор, и можно ли его отрицать как таковой, если всегда можно найти в жизни человека некий мотив, который склоняет его именно к такому выбору, а не к другому. Произвольный выбор — это не случайный выбор. Это выбор, который совершаю я, а не некая внешняя сила.

«Второе основание для объяснения этого понятия (души. А. Ш.) заключается в совершенной несравнимости явлений душевной жизни представлений, чувств, стремлений со всеми событиями и состояниями

внешнего мира... С полным логическим правом можно утверждать, что каждая из этих различных групп событий происходит из своего особого основания, и ни одна из них не может быть объясняема другой» [1, с. 33-34].

Автократов видит эти события сложными движениями. И на этом основании выстраивает связь воли с движениями, как причину движений внутренних в отличие от естественных причин движений внешних, то есть движений вещества.

«Третье основание заключается в так называемом единстве сознания. Конечно в том факте, что мы являемся в нашем самонаблюдении простыми неделимыми субъектами всех наших представлений, чувств и стремлений, нет решительного основания для того предположения, будто это так и должно быть на самом деле; такое явление может быть и ошибочным.

Но из того, что мы вообще можем как-нибудь являться, или нам может являться так или иначе что-нибудь другое, необходимо заключить, что субъект, которому все это является, есть неделимое единство...

В этом единстве сознания ... мы находим, по крайней мере предварительно, основание для того понятия, что субъект внутренних явлений душа есть существо самостоятельное, и ни в каком случае не тождественное с телом, частью тела или вообще какой-нибудь делимой массой» [1, с. 34-35].

Из третьего основания становится возможным разговор, с которого должна бы начинаться любая научная психология разговор о «Я», что философы обычно скрывают под эвфемизмом «субъект».

Никакая философия или психология воли невозможна без точного и глубокого описания того деятеля, который вызывает движения внутренние и посылает в движения внешнее физическое тело. Без этого описания мы впадаем в гипостазирование воли, которая превращается в деятеля, искусственно вставляемого между «Я» и действиями, как если бы Воля было другим именем «Я».

Если мы признаем, что запутались во множественных понятиях и способах определить волю, то надо отступить к тому основанию, которое бесспорно, и начать все заново. Автократов даже не отступает, он просто начинает строить свою теорию воли от самосознания, то есть описывает ту среду, в которой и зарождаются все понятия о воле и прочих явлениях нашей внутренней жизни.

Этому посвящена седьмая глава «Об основании самосознания»:

«В вопросе о самосознании можно различать два пункта:

1) мы имеем содержание, которое считаем образом самих себя; из этого возникает вопрос, как мы приходим к тому, что считаем таким образом это, а не какое-нибудь другое содержание;

2) мы выдаем это содержание за образ не какого-нибудь предмета, а нашего «я»; из этого возникает вопрос, на каком основании мы отделяем этот образ от образов всех других предметов...» [1, с. 145].

Чтобы уверенно исследовать внутренний мир, необходима культура самоосознавания. Культура эта зарождается именно со способности отчетливо выделять ощущение «я» из потока всех остальных ощущений и превращать его во вполне определенное понятие, накапливая его черты.

Первые черты «я» познаются в сравнении его с телом. И Автократов разворачивает своего рода феноменологию осознаний тела в связи с внутренними состояниями. Ограничусь лишь выводом:

«...наблюдение над мертвыми телами и другие случаи потом возбуждают мысль, что тело и «я» не тождественны. Конечно при этом не возникает никакого более точного представления об их взаимном отношении, кроме того, что “я” находится внутри, а не вне тела» [1, с. 147].

Но если самоосознавание развивается, то мы начинаем добавлять черты к тому, что ранее считали неразложимым «я». Ведь когда я что-то вижу, то вижу это я, когда чувствую, то чувствую тоже я, когда собираюсь с силами, то и тут все то же я. Требуется определенная работа ума, чтобы отвлечь эти черты от деятеля и выделить хотя бы в некий разряд душевных частей.

«С дальнейшим духовным развитием в нас образуются всеобщие понятия, например, понятия о существе и о явлении, вещи и свойстве, субстанции и случайном. Эти понятия сначала употребляются для уразумения внешнего мира, а потом прилагаются и к взаимному отношению между нашим “я” и телом.

В последнем случае происходит более или менее научная психология, которая постепенно с большей точностью определяет природу “я” или души, и ее отношение к телу» [1, с. 147].

Опуская рассуждения Автократова о диалектике взаимоотношений «я» как субъекта и как объекта мышления, перехожу сразу к тому, как среди общих понятий, которыми определяется «я», зарождаются такие, как представление цели и движение. Именно они и оказываются основанием для появления воли, действующей как вполне определенная часть этого самого «я».

«...когда движение несомненно исходит из сознательного решения воли, эта воля только представляет известное внутренне состояние души. Если это состояние существует, то с ним соединяется, и приводится в движение

механизмом совершенно независимым от нашей воли, и не подлежащим нашему наблюдению, ряд процессов, которых последний результат состоит в преднамеренном нами движении.

Но никак нельзя думать, что наша воля не только ставит в этом случае задачу, но и содействует как-нибудь ее выполнению в подробностях» [1, с. 154].

Итак, воля для Автократова оказывается неким состоянием души, через которое происходит управление движениями. При этом движения можно рассматривать как своего рода средства для выявления воли и наблюдения над нею. Как только такой подход принимается, появляется возможность разложить работу этой «воли» на составные части, то есть описать «состояние души», принимающей решения по главным шагам.

«Между тем не все движения начинаются с сознательного намерения... Если не принимать во внимание движений, которые совершенно независимы от влияния душевной жизни, то воздействие страстных сердечных настроений оказывается первой причиной возбуждения или изменения движений, как подлежащих, так и не подлежащих влиянию воли» [1, с. 154-155].

Отбросив произвольные движения, Автократов задумывается о движениях подражательных, и через их исследование сужает пространство поиска, доводя до произвольных движений, которые *«происходят из совершенно ясного решения воли»* [1, с. 158]. И тут выясняется, что для него **действительная воля - это способность желать.**

«На самом деле никак нельзя усмотреть, в какой мере воля, которая сама по себе способна только желать, может со своей стороны содействовать тому, чтобы за представлением движения следовало само движение, если это не происходит само собой.

Поэтому остается принять, что воля производит движение не сама собою, не своим действием, а только своим существованием, то есть хотение определенного движения есть внутреннее состояние души, которое, по природе этой души, не может происходить без того, чтобы не возбуждать в теле изменения, состоящие именно в этом представляемом движении» [1, с. 158-159].

Это означает, что воля, как состояние души, есть **хотение** или **желание** чего-то. Но как желание оно может навсегда остаться невоплощенным, если не будут применены другие средства. В частности, представление движения, иначе, если не будет создан **образ действия**. Кроме того, с очевидностью

необходимо **решение**. Однако решения бывают как бы двух уровней: непосредственное и отсроченное или долгосрочное.

Аристотель разбирает этот предмет желание, переходящее в выбор и в решение (эпитюме-вулезис-проэрезис-вулеузис), в трактатах «О душе», «О движениях животных», в «Никомаховой этике». Автократов не поминает Аристотеля, но звучит так, словно ведет с ним диалог.

«Никто не будет утверждать, что для всех отдельных движений, посредством которых пишется какое-нибудь слово, необходимо особенное решение воли... ..воля в таком случае только принимает однажды навсегда решение ничем не препятствовать течению этих процессов» [1, с. 159-160].

Углубление в феноменологию воли, очевидно, оказало обратное воздействие на исследователя и поменяло его взгляды. Осознав по ходу рассуждений, что за волей скрываются желания и разумная деятельность выбора и решения, Автократов уходит от деления души на представление, чувство и стремление. В главе, посвященной связи души и тела, у него появляется другая триада: сознание, чувство и воля.

А когда заходит разговор о способностях души, то воля снова уступает место желанию. Однако гораздо существеннее то, что в этой главе в связи с определением душевных способностей появляется понятие силы.

Здесь происходит постановка задачи создания науки о душевных способностях, и делается это в сопоставлении с физикой.

«Потом, в физике действия различных сил сравнимы между собой, именно они всегда суть движения... Потому она может по всеобщим правилам вычисления точно определить результат взаимодействия различных сил.

Но душевные способности качественно несравнимы между собой: представление есть нечто иное, отличное от воли или чувства. Поэтому, только по воспоминаниям опыта мы можем знать, что должно случиться, если чувство подействует на волю, или представление на чувство и пр.» [1, с. 204].

И, тем не менее, заявив о различиях с физикой, Автократов все же объявляет эти душевные состояния деятельностями и движениями души. А если вспомнить, что исходно и Платон, и, особенно, Аристотель, говоря о трех основных способностях души, называют их дюнамис, то есть силами, вызывающими движения, становится очевидно, что построения Автократова глубже обычного психологического подхода.

К сожалению, ни физические прозрения Серафима Автократова, ни философские основания психологии не получили признания в его родной стране, при этом он явно создал одну из самых ярких страниц русской философской антропологии.

Список литературы:

1. Автократов С.П. Учебник психологии, составленный С. Автократовым / вступ. статья к серии Летягин Л.; вступ.статья Шевцов А. Иваново: Издательство «Роща», 2017. 248 с.

References:

1. Avtokratov S.P. Uchebnik psihologii, sostavlennyĭ S. Avtokratovym / vstup. stat'ya k serii Letyagin L.; vstup.stat'ya SHevcov A. Ivanovo: Izdatel'stvo «Roshcha», 2017. 248 s.

Сведения об авторе:

Шевцов Александр Александрович, доктор психологических наук, профессор Балтийской педагогической Академии (Санкт-Петербург, Россия)

Читаем забытую классику...

Введение к учебнику психологии¹

Автократов Серафим Петрович

Новгородская духовная семинария, Россия

Аннотация. Публикуется введение к «Учебнику психологии» (2017) Серафима Петровича Автокротова (1833-1881), психолога, философа, преподавателя Новгородской семинарии. Публикуется по: Автокротов С.П. Учебник психологии, составленный С. Автокротовым / вступ. статья к серии Летягин Л.; вступ. статья Шевцов А. Иваново: Издательство «Роща», 2017. 248 с.

Ключевые слова: история психологии, история философии, Автокротов, учебник, классическое произведение

Introduction to psychology textbook

Avtokratov Seraphim Petrovich

Novgorod Theological Seminary, Russia

Abstract. An introduction to S.P. Avtokratov's "Psychology Textbook" (2017) is published. He was a psychologist, philosopher and lecturer at Novgorod Theological Seminary. It is published on: Avtokratov S.P. Uchebnik psihologii, sostavlennyi S. Avtokratovym / vstup. stat'ya k serii Letyagin L.; vstup.stat'ya Shevcov A. Ivanovo: Izdatel'stvo «Roshcha», 2017. 248 s.

Keywords: history of psychology, history of philosophy, Avtokratov, textbook, classical work

ВВЕДЕНИЕ

§1

Имя «души» не обозначает предмета, данного в опыте, а выражает то общее всему человеческому роду (это имя встречается во всех языках) понятие, что так называемые внутренние события, представление, чувство, стремление и

---

¹ Публикуется с разрешения издательства «Роща» (Иваново, Россия).

т. д. имеют свое основание в особом существе, которого природа отлична от природы веществ, служащих основаниями физических событий во внешнем мире.

§2

Обыкновенно придают наибольшее значение самому слабому основанию для объяснения этого понятия именно тому положению, что внутренняя жизнь обладает свободой, между тем как во внешней природе все происходит с необходимостью из предшествовавших причин, по всеобщим законам. Опыт не показывает положительно отсутствия необходимо условленных причин во внутренней жизни, напротив часто показывает их присутствие. С другой стороны, отсутствие свободы во внешней природе очень вероятно, но наше естествознание еще не может доказать его положительно.

Наконец, всякий соглашается, что свобода не принадлежит всей духовной жизни, и что большая часть этой последней совершается по необходимым законам. Поэтому, хотя и можно различать свободные и необходимые действия, но нельзя их разделять между двумя родами существ так, чтобы одни принадлежали исключительно душам, а другие - веществам.

§3

Второе основание для объяснения этого понятия заключается в совершенной несравнимости явлений душевной жизни представлений, чувств, стремлений со всеми событиями и состояниями внешнего мира, которые сами по себе определяются единственно математическими понятиями величины, положения, плотности, образа и движения. С полным логическим правом можно утверждать, что каждая из этих различных групп событий происходит из своего особого основания, и ни одна из них не может быть объясняема другой.

На самом деле никогда нельзя будет доказать, что какое-нибудь, даже самое сложное движение веществ или их систем, перестает быть движением, и само собой превращается в чувство или представление. Хотя и необходимо для этих двух групп явлений принимать два различные основания объяснения, но нельзя разделять их между двумя различными родами существ, и утверждать, что одни из этих существ (вещества) владеют только тем свойством, из которого происходят упомянутые математические предикаты, а другие (души) только тем, из которого проистекают представления, чувства и стремления. Напротив, очень может быть, что каждое существо соединяет в себе оба эти

свойства и по причине одного является веществом, а по причине другого ведет менее заметную душевную жизнь.

§4

Третье основание заключается в так называемом единстве сознания. Конечно, в том факте, что мы являемся в нашем самонаблюдении простыми неделимыми субъектами всех наших представлений, чувств и стремлений, нет решительного основания для того предположения, будто это так и должно быть на самом деле; такое явление может быть и ошибочным. Но из того, что мы вообще можем как-нибудь являться, или нам может являться так или иначе что-нибудь другое, необходимо заключить, что субъект, которому все это является, есть неделимое единство, и потому может в своем неделимом сознании соединять различные мысли, на взаимном отношении которых и основывается всякое такое явление. В этом единстве сознания (его объяснение и доказательство будут представлены ниже) мы находим, по крайней мере предварительно, основание для того понятия, что субъект внутренних явлений душа есть существо самостоятельное, и ни в каком случае не тождественное с телом, частью тела или вообще какой-нибудь делимой массой.

Предисловие публикатора: Рейтынбарг Д.И. Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом (1947)

Стоюхина Наталья Юрьевна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

e-mail: natast0@rambler.ru

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является историко-психологический обзор одного из многообразных аспектов деятельности советских психотехников 1920-30-х гг. предотвращение несчастных случаев, борьба с аварийностью и промышленным травматизмом. Основываясь на теории К. Марбе о предрасположенности работника к несчастным случаям, психотехники комплексно подошли к решению этого вопроса. На материале истории советской психотехники раскрыты предпосылки и истоки становления психологии безопасности на производстве, введены в научный оборот забытые работы психотехников по предупреждению аварий с учетом особенностей социального контекста и научной политики. Все это позволяет расширить поле историко-психологического исследования.

Ключевые слова: психотехника, психотехника травматизма, психотехническое изучение аварийности и безопасности труда, И.Н. Шпильрейн

Publisher's foreword: Reitynbarg D.I. Some psychological issues of industrial injuries prevention theory

Stoyukhina Natalia Yurievna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: natast0@rambler.ru

Abstract. The subject of this article is a historical and psychological overview of one of the many aspects of the activities of Soviet psychotechnicians of the 1920s –1930s, prevention of accidents, combating of accidents and industrial injuries. Based on the theory of K. Marbe about the predisposition of the employee to accidents, psychotechnicians integrated the solution of this issue. The background of the history of Soviet psychotechnics reveals the prerequisites and origins of the emergence of the psychology of safety at work, introduced the forgotten work of psychotechnicians in the prevention of accidents, taking into account the

peculiarities of the social context and scientific policy. All this allows expanding the field of historical and psychological research.

Keywords: psychotechnics, psychotechnics of trauma, psychotechnics of accident rate, psychotechnical study of accidents and safety, I.N. Spielrein

До 1936 г. советские специалисты много сделали для решения вопросов промышленного травматизма, особенно по предотвращению аварий на транспорте [8, 10, 11] и разработке способов эффективного воздействия на трудящихся на опасных производствах.

В основу своего подхода советские психотехники положили точку зрения профессора психологии Вюрцбургского университета Карла Марбе (1969–1953), установившего, что лица, имевшие большее или меньшее количество несчастных случаев, в среднем проявляют и в последствии соответствующую подверженность дальнейшей травматизации, т.е. «вероятность для определенного лица подвергнуться действию несчастного случая может быть измерена числом случаев, уже имевших место ранее» [цит. по 2, с. 663], что автор доказал рядом статистических данных. В то же время существовала и другая точка зрения на несчастный случай, высказываемая инженерами: «в области техники безопасности решающую роль, основную, главную причину несчастных случаев представляет «техническое несовершенство» или техническое упущение, т.е. устарелость, неправильная конструкция машины, изношенность или неисправность станка, на котором человеку приходится работать. В технике безопасности ... влияние человеческого фактора как причина травматизма настолько редко проявляется, и значение его настолько ничтожно, что в лучшем случае оно занимает третьестепенное место; вообще же в подавляющем большинстве случаев оно никакой роли не играет» [1, с. 127].

Одними из первых в СССР стали изучать городскую среду, как травматичную для человека, сотрудники психотехнической лаборатории Московского коммунального хозяйства И.Н. Дьяков и Н.В. Петровский (1925–1927), писавшие: «причина всякой автомобильной или трамвайной катастрофы... всегда представляет собой явление сложное, слагающееся, по крайней мере, из двух моментов: поведения автороботника... с одной стороны, и движения встречной машины, прохожего или экипажа, равно как и особенностей самой уличной поверхности, с другой» [3, с. 2]. По их мнению следовало, что в основу психотехнических испытаний, направленных на борьбу с травматизмом, необходимо положить принцип «всесторонней борьбы с

опасностями городского движения, как по линии укомплектования личного персонала, так и по линии предупреждения об опасности самого прохожего, встречной машины, словом, того второго предмета, от поведения которого нередко в равной мере зависит благополучный исход встречи» [там же]. Таким образом подвергнуть психотехническому воздействию предлагалось и самого автоработника, и социальную среду, в которой он действует. Психотехническое воздействие должно быть направлено на решение широкого круга задач: пропаганда самозащиты (реклама безопасности, символика опасностей и проч.); психотехническая проверка всей внешней номенклатуры машин и остановок; информация населения; совершенствование сигнализации; психотехнический учет и изучение условий труда работников коммунального и местного транспорта с точки зрения нагрузки, утомления и психофизического изнашивания организма. В своем исследовании авторы сосредоточились на профподборе шофера, вагоновожатого, кондуктора, контролера: «психотехнический отбор есть одно из важных средств профилактической борьбы с профессиональными заболеваниями. Подбор лиц, для которых профессиональный труд наиболее доступен и наименее вреден, есть важное средство ослабить вредное влияние труда на общественное здоровье. ... Прямым результатом случайного распределения сил является увеличение кадров недостаточно квалифицированных работников, частая смена видов работы со всеми вытекающими отсюда последствиями: плохой специализацией, непостоянством рабочего состава, увеличением безработицы, неустойчивостью в бюджете и судьбе рабочих» [там же, с. 48].

В Институте охраны труда серьезно подошли к изучению вопроса о безопасности труда; советские психотехники, как писал директор института С.И. Каплун, впервые применили в СССР методы психологии труда для изучения проблемы промышленного травматизма и борьбы с ним.

В 1930 г. сотрудники отделения психологии труда и кабинета психологии воздействия Института охраны труда Л. Бурлюк, С. Геллерштейн, Л. Красновская, Д. Рейтынбарг, Ю. Шпигель, сделав обзор на русском языке зарубежных работ о роли личного фактора в несчастных случаях, изложили первые собственные опыты, поставленные на заводе им. Ферреро (бывшем АМО, потом завод им. Лихачева). Хотя работа носила только ориентировочный характер, ее материалы подчеркивали всю важность проблемы и подтверждали необходимость проведения дальнейших экспериментов в этой области. Как отмечал директор Института охраны труда С.И. Каплун, «данная работа ясно выявляет необходимость при решении ряда вопросов по безопасности труда использовать не только методы экспериментально-биологических дисциплин,

но и методы клинического или поликлинического обследования для получения возможности на определенных категориях рабочих наиболее углубленного проникновения в психологические и соматические особенности определенных индивидуальных структур личностей, могущие влиять на повышение риска в отношении промышленной травмы» [2, с. XXXII]. Авторы (Л. Бурлюк, С. Геллерштейн, Л. Красновская, Д. Рейтынбарг, Ю. Шпигель) писали, что вариантов борьбы с несчастными случаями много, но для выбора оптимального пути необходимо создать классификацию причин несчастных случаев, чему мешает отсутствие сколько-нибудь разработанной методологии изучения этой проблемы. Не случайно роль психологического фактора выступила наиболее отчетливо у «движенцев» (водители, кондукторы, вагоновожатые), где «рабочий является активным регулятором или управителем движения машины», относится к профессиям, «сопряженным с опасностью не только для самого рабочего, но и для окружающих», где работнику приходится иметь дело с подвижной машиной, управлять ею и целиком регулировать ее передвижение. Именно в этой сфере «характер трудовой деятельности человека, наряду со всей производственной ситуацией...предопределяет как степень вероятности травматизма, так и удельный вес различных факторов (внешних и внутренних), служащих непосредственным источником несчастных случаев» [2, 654]. Опасные ситуации постоянно сопровождают такие профессии, потому что «источник опасности...в ситуациях, связанных с ее движением. Поскольку механические регуляторы этого движения целиком находятся в руках работника, постольку естественно связывать судьбу машины с умением работника управлять ею» [там же]. Авторы стремились найти связь между пригодностью работника к профессии и подверженностью его несчастным случаям. Они подчеркивали трудность создания классификации профессий по признаку заложенной в каждой из них возможности психологически обусловить несчастный случай, трудность отметки в отдельных случаях качественного своеобразия психологической связи между несчастным случаем и личными свойствами рабочего, отмечалось, что такая работа только начинается. Если в данный момент стоит задача исследования «вопроса о психологическом изучении профтравматизируемости как функции профпригодности и профутомляемости» [там же, с. 656], то в дальнейшем актуальными будут «специальные вопросы психологии травматизма: о связи несчастных случаев с ритмом движений, с соотношением скорости и точности движений, о влиянии системы заработной платы на травматизм, о связи травматизма с монотонной работой и т.д.» [там же]. Таким образом, коллектив психотехников Института охраны труда в данной работе, по сути, обосновал

методологический подход к изучению травматизма, что способствовало развитию психологии воздействия в области изучения промышленного травматизма и аварийности.

Теоретическое осмысление проблем промышленного травматизма и аварийности началось с Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека (25.01 – 02.02.1930 г., Ленинград), с доклада сотрудника отдела психологии труда Института охраны работы Ю.И. Шпигеля об индивидуальных психофизиологических различиях как факторе травматизма. Он, по сути, декларировал точку зрения К. Марбе на травматизм: значение индивидуальных психофизических различий в промышленном и бытовом травматизме доказано и подтверждено изучением кривой распределения несчастных случаев, особенно на примере профессии водителей. Осмыслив опыт западных коллег, и в целом, соглашаясь с ним, автор счел недостаточным использование аппаратных или бумажных тестов, измеряющих моторную одаренность, распределение внимания, скорость реакции и пр., а предложил использовать ряд взаимно дополняющих тестов, многократное повторение каждого эксперимента в резко отличающихся по травматизму группах. Ему казалось, что неправильно изучать каждую функцию изолированно, поскольку в основе травматизма лежит комплекс факторов. Важно выделить динамические показатели поведения испытуемых (упражняемость, действие утомления, распределение несчастных случаев данного субъекта во времени) и установить их связь с подверженностью травматизму. «Количество несчастных случаев объективный критерий установления степени подверженности травматизму показатель, обладающий большой вероятной ошибкой» [13, с. 271]. Говоря о «личном факторе в травматизме», Шпигель призывал не игнорировать условия профессиональной работы и быта, состояние здоровья, пол, возраст, общие соматические характеристики испытуемых, подчеркивал важность их невропатологического и психиатрического обследования.

В мае 1931 г. на I Всесоюзном психотехническом съезде заведующая отделом психологии труда в Центральной научно-исследовательской лаборатории психофизиологии и гигиены труда А.И. Колодная назвала основной причиной почти всех несчастных случаев неправильную организацию труда на отдельных участках транспорта, организационные и технические недочеты, а также нарушения основных принципов организации труда и предложила изучать несчастные случаи всесторонне, охватывая весь комплекс обуславливающих их причин. Сосредоточение внимания только на личном факторе приведет психотехников к профподбору как единственному мероприятию по борьбе с несчастными случаями.

На VII Международной психотехнической конференции (8-13.09.1931, Москва) вопросам борьбы с аварийностью и травматизма было уделено особое внимание, и здесь нельзя не обратить внимание на доклад психотехника Э.А. Рахмель с четким классовым подходом в психологии промышленного травматизма. Заявив, что промышленный травматизм историческая категория, порожденная капитализмом (поэтому промышленность в социалистическом обществе имеет все условия для снижения травматизма), и существующий промышленный травматизм вызван технической отсталостью предприятий, необходимо срочно обучить кадры, научно обоснованно распределить их с учетом, как характера социалистического производства, так и всего многообразия индивидуальных различий среди рабочих. Советские психотехники вместе с инженерами, врачами, инспекторами по технике безопасности ведут борьбу с травматизмом положив в основу своей работы принцип планового распределения кадров по видам промышленности и профессиям, при этом на самые травматичные профессии существует профотбор; большую роль играют профконсультации и профориентационная работы в школе. Анализируя «опасные» профессии, советские психотехники рационализируют режим труда и отдыха работников. Подчеркивается, что статистический метод изучения «массовых случаев» (как у К. Марбе) без социально-психологического анализа опасных профессий не может вскрыть, как качественных особенностей личности, так и специфических особенностей конкретных опасных профессий, поэтому он может быть только вспомогательным.

После VII Международной психотехнической конференции созданная Комиссия по аварийности и травматизму назвала причины: санитарно-гигиеническое состояние производства; социально-экономические и бытовые условия жизни рабочих; продолжительность и режим рабочего дня; система заработной платы; возраст рабочего, его техническая грамотность и степень развития; индивидуальные особенности и психофизиологическое различия рабочих и т.д. при решающем факторе, каким является социально-политический строй государства. Снижение уровня аварийности и травматизма должно идти за счет усовершенствования производственного процесса, развития техники безопасности, улучшения санитарно-гигиенических условий, сокращения рабочего дня, оздоровления и охраны труда женщин и подростков, учета индивидуальных различий работающих. В профессиях с повышенной опасностью следует учитывать индивидуальные особенности каждого рабочего применительно к этим профессиям, практиковать специальное производственное обучение и тренировку недостаточных

психофизиологических функций, обусловленных социально-экономическими причинами, и усиленную пропаганду безопасности.

Советские психотехники изучали вопросы предотвращения травматизма и повышения безопасности во многих отраслях промышленности [5]:

– на автотранспорте (С.А. Жекулин. «К вопросу о личных факторах аварийности на Московском автобусном транспорте»; Н.Н. Китаев. «К вопросу об изучении утомления шоферов»; Н.М. Ободан, Г.Ю. Зеленский. «Психотехническое изучение профессии регулировщика уличного движения»; Н. Оральников. «Водительские профессии, аварийность и городское движение»; Б.И. Северный. «Проблемы остроты зрения в автодорожном деле. Экспериментальное исследование остроты дорожных знаков»; А.А. Толмачев. «Номерные знаки автомашин» и многие др.),

– на железнодорожном транспорте (А.И. Колодная. «Психологический анализ железнодорожных происшествий» и др.),

– в летном деле (С.Г. Геллерштейн. «К вопросу о причинах неуспеваемости и аварийности в летных школах»; Н.А. Эппле. «Опыт рационализации стрелок и циферблатов аэронавигационных приборов» и др.),

– в угольной промышленности (В.Г. Баранов. «Организация психотехнической работы в каменноугольной промышленности»; А.Е. Горшков. «Труд запальщиков угольных рудников» и др.),

– в химической промышленности (А.А. Нейфах. «Психологические особенности профессии автоматизированного химического производства» и др.),

– в металлургической промышленности (В.В. Чебышева. «Методы обучения сталеваров в борьбе с неполадками в работе мартеновских печей»; Ю.И. Шпигель. «Систематизация опыта мартеновцев-практиков для целей обучения и инструктажа» и др.).

Вклад Давида Исааковича Рейтынбарга (1899-1977) [9, 12] в дело борьбы с аварийностью и травматизмом на предприятиях велик и не до конца оценен. Представляемая работа Д.И. Рейтынбарга «Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом» написана автором в 1947 г. и не была опубликована. Как вспоминает его дочь П.Д. Рейтынбарг, Давид Исаакович был арестован 27 января 1935 г. вместе со своими коллегами и друзьями И.Н. Шпильрейном и Г.О. Нецким по статье 58-10 за вышедшую в 1928 г. книгу «Язык красноармейца» [4, 7]. После отбывания трехлетнего срока на Сегежском целлюлозно-бумажном комбинате, потом работая вместе с С.Г. Геллерштейном в госпиталях, Рейтынбарг вернулся в обычную жизнь,

вероятно, надеясь продолжить свои исследования по технике безопасности и борьбы с травматизмом. Очевидно, большая часть материала статьи была осмыслена и написана еще в 1930-х гг. (и в работах Рейтынбарга до 1935 г. мы находим этому подтверждение), но материал продолжал собираться, и последние публикации, на которые автор ссылается, относятся к 1947 г.

Статья Д.И. Рейтынбарга полностью соответствует той машинописной рукописи, которую дочь психотехника Прима Давидовна сохранила, а затем и передала О.Г. Носковой, а профессор О.Г. Носкова любезно предоставила для публикации.

Список литературы:

1. Балясный Д. (инж.) Исследование штамповальных прессов с точки зрения техники безопасности /Промышленный травматизм и борьба с ним. Труды и материалы Научного Института Охраны Труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР под общ. ред. директора института проф. С.И. Каплуна. № 7. Т. III. Вып. II. М.: Гострудиздат, 1930. 718 с. С. 117-154.
2. Бурлюк Л., Геллерштейн С., Красновская Л., Рейтынбарг Д., Шпигель Ю. К вопросу о психологическом изучении несчастных случаев // Промышленный травматизм и борьба с ним. Труды и материалы Научного Института Охраны Труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР под общ. ред. директора института проф. С.И. Каплуна. № 7. Т. III. Вып. II. М.: Гострудиздат, 1930. 718 с. С. 653-689.
3. Дьяков И.Н., Петровский Н.В. Психотехника в коммунальном деле и местном транспорте. Психотехнические испытания шоферов, вагоновожатых, контролеров, кондукторов и учеников школ местного транспорта. М., 1928.
4. Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н. И.Н. Шпильрейн и советская психотехника // Психологический журнал. Т. 11. 1990. №2. С. 111-133.
5. Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917–1957): Учебное пособие / Под ред. Е.А. Климова. М., 1997.
6. Промышленный травматизм и борьба с ним: труды и материалы Государственного института охраны труда НКТ, НКЗ и ВСНХ СССР; под общ. ред. директора института проф. С.И. Каплуна. М.-Л.: Гострудиздат, 1930. 720 с.
7. Рейтынбарг П. Так мы жили. Cherlstown, SC, 2013. 410 с.

8. Стоюхина Н.Ю. Вопросы борьбы с аварийностью и промышленным травматизмом в работах советских психотехников // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А.Л. Жур-навлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 2704 с. С. 331-339.
9. Стоюхина Н.Ю. *История советской психотехники: психология воздействия. Учебное пособие.* М., 2012.
10. Стоюхина Н.Ю. К списку репрессированных психологов #1 // *История российской психологии в лицах: дайджест.* 2017. № 1. С. 90-107.
11. Стоюхина Н.Ю. Психотехнические исследования 1920-х–1930-х гг. по предотвращению аварий на транспорте // *Психолог.* 2015. № 1. С. 66–93.
12. Стоюхина Н.Ю. *Психология воздействия в советской психотехнике 1920-30-е гг.* Ярославль, 2016. 429 с.
13. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Д.И. Рейтынбарг: основатель психологии воздействия в советской психотехнике // *Ярославский педагогический вестник.* 2015. № 4. С. 169-178.
14. Шпигель Ю.И. Индивидуальные психофизиологические различия, как фактор в промышленном травматизме // *Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека).* М.-Л., 1930. С. 269–272.

References:

1. Balyasnyj D. (inzh.) *Issledovanie shtampoval'nyh pressov s tochki zreniya tekhniki bezopasnosti /Promyshlennyj travmatizm i bor'ba s nim. Trudy i materialy Nauchnogo Instituta Ohrany Truda NKT, NKZ i VSNH SSSR pod obshch. red. direktora instituta prof. S.I. Kapluna.* № 7. Т. III. Vyp. II. М.: Gostrudizdat, 1930. 718 s. S. 117-154.
2. Burlyuk L., Gellershtejn S., Krasnovskaya L., Rejtynbarg D., SHpigel' YU. *K voprosu o psihologicheskom izuchenii neschastnyh sluchaev // Promyshlennyj travmatizm i bor'ba s nim. Trudy i materialy Nauchnogo Instituta Ohrany Truda NKT, NKZ i VSNH SSSR pod obshch. red. direktora instituta prof. S.I. Kapluna.* № 7. Т. III. Vyp. II. М.: Gostrudizdat, 1930. 718 s. S. 653-689.
3. D'yakov I.N., Petrovskij N.V. *Psihotekhnika v kommunal'nom dele i mestnom transporte. Psihotekhnicheskie ispytaniya shoferov, vagonovozhatyh, kontrolerov, konduktorov i uchenikov shkol mestnogo transporta.* М., 1928.
4. Kol'cova V.A., Noskova O.G., Olejnik YU.N. I.N. *SHpil'rejn i sovetskaya psihotekhnika // Psihologicheskij zhurnal.* Т. 11. 1990. №2. S. 111-133.

5. Noskova O.G. Istoriya psihologii truda v Rossii (1917–1957): Uchebnoe posobie / Pod red. E.A. Klimova. M., 1997.
6. Promyshlennyj travmatizm i bor'ba s nim: trudy i materialy Gosudarstvennogo instituta ohrany truda NKT, NKZ i VSNH SSSR; pod obshch. red. direktora instituta prof. S.I. Kapluna. M.-L.: Gostrudizdat, 1930. 720 s.
7. Rejtynbarg P. Tak my zhili. Chelstoun, SC, 2013. 410 s.
8. Stoyuhina N.Yu. Voprosy bor'by s avarijnost'yu i promyshlennym travmatizmom v rabotah sovetskih psihotekhnikov // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya / Otv. red. A.L. ZHurnavlev, V.A. Kol'cova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017. 2704 s. S. 331-339.
9. Stoyuhina N.Yu. Istoriya sovetskoj psihotekhniki: psihologiya vozdejstviya. Uchebnoe posobie. M., 2012.
10. Stoyuhina N.Yu. K spisku repressirovannyh psihologov #1 // Istoriya rossijskoj psihologii v licah: dajdzhest. 2017. № 1. S. 90-107.
11. Stoyuhina N.Yu. Psihotekhnicheskie issledovaniya 1920-h–1930-h gg. po predotvrashcheniyu avarij na transporte // Psiholog. 2015. № 1. S. 66–93.
12. Stoyuhina N.Yu. Psihologiya vozdejstviya v sovetskoj psihotekhnike 1920-30-e gg. YAroslavl', 2016. 429 s.
13. Stoyuhina N.Yu., Mazilov V.A. D.I. Rejtynbarg: osnovatel' psihologii vozdejstviya v sovetskoj psihotekhnike // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 4. S. 169-178.
14. Shpigel' Yu.I. Individual'nye psihofiziologicheskie razlichiya, kak faktor v promyshlennom travmatizme // Psihonevrologicheskie nauki v SSSR (Materialy I Vsesoyuznogo s"ezda po izucheniyu povedeniya cheloveka). M.-L., 1930. S. 269–272.

Сведения об авторе:

Стоюхина Наталья Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия)

Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом¹

Рейтынбарг Давид Исаакович

Москва

Аннотация. Публикуется по: Рейтынбарг Д.И. Некоторые психологические проблемы теории борьбы с травматизмом. М., 1947. (Рукопись)

Ключевые слова: психотехника, психотехника травматизма, психотехническое изучение аварийности и безопасности труда, Рейтынбарг, классическое произведение, советская психология

Some psychological issues of industrial injuries prevention theory

Reitynbarg David Isaakovich

Moscow

Abstract. It is published on: Reitynbarg D.I. Some psychological issues of industrial injuries prevention theory. M., 1947. (Manuscript)

Keywords: psychotechnics, psychotechnics of trauma, psychotechnics of accident rate, psychotechnical study of accidents and safety, Reitynbarg D.I., classic work, Soviet psychology

ВВЕДЕНИЕ

Проблема промышленного травматизма это прежде всего острейшая социальная проблема.

«... фабричные магнаты, – писал Маркс, – не только не стараются охранять жизнь и безопасность своих рабочих, но стремятся лишь к тому, чтобы избавиться от необходимости платить за руки и ноги, потерянные у них на работе, и свалить со своих плеч издержки по износу своих живых машин...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XI, часть I, стр. 91-92).

---

¹ Публикаторы – О.Г. Носкова и Н.Ю. Стоюхина

Капитал «... самоотрекается от приспособлений для защиты от опасных машин на фабриках, самоотрекается от вентиляции и предохранительных мер в шахтах и т.д. («Капитал», том I, стр. 533, изд.1931 г.).

Касаясь причин многочисленных несчастных случаев с взрослыми и детьми на капиталистических предприятиях Англии, Энгельс писал: «Фабричный отчет говорит об этом следующее: надо было бы возложить на фабриканта ответственность за несчастные случаи, ибо дети не могут быть осторожны, а взрослые были бы осторожны в своих собственных интересах. Но составители отчета буржуа, и потому они сами же себе противоречат и разводят всевозможные рацеи о «преступном» безрассудстве рабочих. Это, конечно, дело не меняет. Суть дела такова: раз дети не могут быть осторожными, то необходимо запретить работу детей; раз взрослые не бывают в достаточной степени осторожными, то либо они дети, т.е. стоят на такой низкой ступени развития, что не понимают своей грозящей им опасности, - а кто тогда виноват в этом, если не буржуазия, которая держит их в таком положении, что они не могут учиться и развиваться? либо машины плохо устроены и должны быть окружены барьерами и загородками, что, конечно, в тягость для буржуа; либо рабочим руководят мотивы, перевешивающие страх перед грозящей ему опасностью: он должен быстро работать, чтобы заработать побольше денег, и у него нет времени быть осторожным и т.д., и в этом тоже виновата буржуазия». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том III, стр. 452-453).

Ошибочно было бы думать, что приведенные слова Маркса и Энгельса относятся лишь к прошлому. Вплоть до наших дней время, необходимое для крепления штреков, английскому шахтеру не оплачивается; американский шахтер обязан оплачивать зарядку безопасной лампы за свой счет; на некоторых капиталистических предприятиях рабочего призывают беречь глаза, но в качестве единственного «защитного» приспособления рабочий получает... пучок щетины, чтобы при ее помощи вынимать из глаз попавшее туда инородное тело.

В России до революции несчастные случаи на производстве даже не регистрировались полностью (вопрос этот обсуждался, например, на 10-м Пироговском съезде врачей в 1907 г.), а об организованной борьбе с травматизмом не могло быть речи. В конце 80-х гг. прошлого столетия горный генерал Вагнер издал распоряжение, согласно которому за безопасность рабочих, работающих на многочисленных русских предприятиях, управляемых иностранцами, должны отвечать русские инженеры, а с иностранцев такая ответственность снимается. После этого распоряжения на предприятиях

появились подставные русские люди, которые ничем не заведовали, а только отвечали за состояние технической безопасности.

В истории русского рабочего движения несчастные случаи на производстве не раз служили поводом для стачек и забастовок. Только после Великой Октябрьской Социалистической революции охрана и безопасность труда рабочих стали общегосударственным делом, что получило свое выражение в соответствующем законодательстве.

Советские законы запрещают применение детского труда. Советские законы требуют тщательного выполнения мероприятий по охране и безопасности труда, начиная с момента составления проекта и сметы любого промышленного сооружения. Ни один агрегат, согласно советским законам, не может быть пущен в эксплуатацию без санкции инспекции труда. Несчастные случаи должны, по закону, регистрироваться и тщательно расследоваться. Обучение рабочих безопасным приемам работы, по советским законам, обязательно. Ответственность за жизнь и здоровье работающих несет наниматель, т.е. администрация предприятий, а нарушения законов об охране и безопасности труда рассматривается как уголовное преступление.

Советское законодательство, как основа государственной системы охраны труда в широком смысле этого слова, определяет собой характер, содержание и размах работы по борьбе с промышленным травматизмом и открывает широкий простор для практической и научно-исследовательской работы в этой области. Это подтверждается огромными затратами на соответствующие мероприятия и на содержание большого числа специалистов, занятых этим делом непосредственно на производстве и во многих специальных научно-исследовательских учреждениях. Именно в советских условиях возможно и необходимо всестороннее углубленное изучение причин промышленного травматизма для совершенствования методов практической борьбы с этим злом.

С точки зрения специально научной проблема промышленного травматизма входит в обширный комплекс проблем оздоровления труда вообще. В новейших руководствах по гигиене труда («Общая гигиена труда» проф. С.И. Каплуна, «Курс гигиены труда» под редакцией проф. А.А. Летавета) установлена следующая классификация профессиональных вредностей:

I. Вредности, связанные с неправильной организацией труда. К ним относятся чрезмерная продолжительность рабочего дня; чрезмерная интенсивность работы; нерациональный режим труда; длительное вынужденное однообразное положение тела; перенапряжение отдельных

органов и систем (локомоторного аппарата, дыхательных органов, центральной нервной системы, органов чувств).

II. Вредности, связанные с производственным процессом: физические (ненормальная температура; тепловое излучение; чрезмерная влажность, сырость воздуха; неблагоприятные комбинации температуры и теплового излучения; коротковолновое и видимое излучение ультрафиолетовое, рентгеновское, радиоактивное; чрезмерно яркие источники света; ненормальное атмосферное давление повышенное или пониженное; шум и сотрясения); химические и физико-химические факторы (токсические вещества, пыль); биологические факторы (инфекции или инвазии, больные животные).

III. Вредности, связанные с недостатками общесанитарных условий мест работы: недостаточная кубатура; дефекты отопление; дефекты освещения; прочие дефекты устройства и содержания рабочего помещения; неблагоприятное влияние атмосферных условий при работе на открытом воздухе.

Некоторые из перечисленных источников профессиональных вредностей могут служить прямой причиной промышленных травм, таковы, например, несоответствие площади рабочего помещения, узость проходов и проездов, отсутствие постоянных путей для внутрицехового транспорта, беспорядок в цехах и проходах, захламленность и загроможденность рабочих помещений и дворов, неогражденные машины и ремни, неисправны инструмент, высокая температура от сильно нагретых предметов (ожоги), пыль (взрывы), недостаточное освещение (падение, столкновение с предметами, попадание под транспорт).

Другие профессиональные вредности (например, пыль, загрязняющая защитные очки; шум, заглушающий звуковые сигналы; туман, затрудняющий ясную видимость; чрезмерно повышенная или пониженная температура; вынужденное положение тела; перенапряжение отдельных органов и систем) могут косвенным образом способствовать возникновению травм, вызывая чрезмерное утомление и обусловленное им понижение общей сопротивляемости организма.

Отсюда возникает задача устранить прежде всего все источники профессиональных вредностей и, в частности, непосредственные источники производственных травм путём: механизации производства, усовершенствования технологических процессов, всемирного развития специальной техники безопасности, улучшения методов организации труда (в широком смысле этого слова). Большие успехи, достигнутые советскими

гигиенистами и инженерами, лучше и убедительнее всего доказывают плодотворность работы по оздоровлению условий труда.

Наряду с факторами, внешними по отношению к работающему человеку, соответствуют факторы внутренние, «личные», лежащие в самом исполнителе трудового процесса. К ним можно отнести возраст, пол работающего, его стаж, квалификацию, временные психофизиологические или патологические состояния, пригодность к работе, степень сознательности.

Индивидуальные факторы, сложнейшим образом переплетаясь с факторами среды (см. основные причины несчастных случаев в докладах проф. Ф.Р. Богданова и проф. А.М. Наравцевича, З.Н. Дмитриева, М.В. Рычиной в Тезисах докладов Всероссийского совещания по борьбе с травматизмом, 1947), требуют специального изучения и специфических мер воздействия. Наблюдения показывают, что при одинаковых внешних условиях и при одинаковом возрасте, стаже и квалификации работающие отнюдь не одинаковы в отношении подверженности несчастным случаям и той особенной нацеленности на активное предупреждение опасностей, которая так важна для успешной борьбы с промышленным травматизмом.

Практическое значение этого обстоятельства весьма велико. Владея закономерностями, связанными с индивидуальными различиями, мы можем целесообразно отбирать людей для промышленности и успешно тренировать те свойства, которые почему-либо нуждаются в такой тренировке. Зная законы воздействия и специфический характер влияния отдельных воздействующих на сознание средств и комплексов этих средств, мы можем скорее и эффективнее воспитывать качества, необходимые для активного предупреждения травматизма.

Мы очень далеки от того широкого и фаталистического понимания проблемы «личного» фактора, которое встречается у буржуазных авторов. В соответствующем разделе данной работы мы доказываем совершенную необоснованность такой точки зрения и противопоставляем ей точку зрения активного воздействия на условия труда и на личность работающего. Именно такой взгляд на вещи характерен для авторов советских работ, посвященных проблеме «личного» фактора в травматизме.

Предмет настоящей работы это проблема воспитательного воздействия в форме пропаганды безопасности, цель которой заключается в том, чтобы в каждом работающем воспитать длительную и прочную установку на предотвращение несчастных случаев.

Надежных результатов воспитания установки на безопасность можно достичь лишь в том случае, если такое воспитание начинать с детских лет в

семье, в детском саду и затем продолжать его в общеобразовательных школах и ремесленных училищах. Мы считаем, что может и должна быть создана специальная система воспитания безопасного поведения педагогика безопасности, ждущая своих исследователей и методистов. Такая система может дать непосредственные благоприятные результаты в борьбе с детским бытовым и уличным травматизмом, а также результаты отдаленные, рассчитанные на дальнейшую борьбу с промышленным травматизмом.

I. «ЛИЧНЫЙ ФАКТОР» В ТРАВМАТИЗМЕ

1. СТАТЬЯ Д-РА РУДАНОВСКОГО

В 1871 г. мало кому известный русский врач П. Рудановский выступил в Екатеринбурге (ныне Свердловск) на заседании Уральского Общества любителей естествознания с докладом о промышленном травматизме. В 1873 г. доклад этот под названием «Заметка об эпидемии травматических повреждений» был напечатан в I-м выпуске Записок Общества за 1872 г.

«Восемнадцатилетняя моя деятельность среди рабочего населения (Нижнетагильских восьми заводов, 60 тысяч человек. Д.Р.) пишет автор дала мне право на признание, что и т.н. «случайные» травматические повреждения, столь свойственные заводской работе, не редко носят в себе тот же характер эпидемий, которые мы видим и в других болезнях».

«Если наука признала возможность появления... болезней в определенный срок времени у многих индивидуумов, притом в зависимости от одной и той же причины, хотя последние есть еще искомое икс..., то мне кажется невозможно отрицать той же законности и в патологических явлениях мышечной деятельности, которою почти ограничивается жизнь работника».

«И посек ноги топором, и перелом голени при падении... настолько же могут быть последствиями временного нарушение координации или аккомодации мышц, насколько перелом во время ровной ходьбы... насколько и появление холерного поноса во время эпидемии, при неблагоприятных диетических и гигиенических условиях».

«Ослабление мышечного чувства, придающего тон мускулам или известную степень их сократительности, ослабление чувствительности кожи, произвольное судорожное сокращение отдельных мышц и недостатки в зрительном аппарате суть ближайшия причины травматических повреждений, нарушающие содружественность движений в мышцах».

Рудановский обратил внимание не только на физиологическую сторону вопроса о травматизме, но и на психологическую, и на социальную, на связь

между заболеваниями, травмами и климатом, а также на факторы производственной среды и бытовые.

«Суровый климат нашей местности пишет он с резким различием времён года являются причинами более резкого видимого различия и в патологической жизни рабочих, соответственно периодам годового цикла».

В заключение статьи Рудановский перечисляет основные причины промышленного травматизма. Причины эти следующие,

1. «Уменьшенная чувствительность или анестезия кожи, или вместе и мышечных ощущений, которая предшествовала работе или проявилась в момент её производства».

2. «Медленность и недостаточность процессов мышления, столь свойственные интеллектуально мало развитому классу людей в их нормальном состоянии, при чём предотвращение и видимой опасности выполняется труднее, нежели при противоположных условиях».

3. «Весьма длительная работа» - более 8 часов в сутки.

4. Недостаточное питание. «Травматические повреждения являются в большем количестве в года дороговизны предметов первой потребности, а также и во время постов».

5. «Недостаточный приход кислорода в воздухе».

6. «Дурнокачественность гигиенических и диетических средств, условия вообщем различные болезненные состояния в теле».

7. «Судорожные сокращения отдельных мышц, участвовавших в данной работе или принадлежащих к антагонистам работавших мышц».

8. «Припадки головокружения, кратковременно нарушившие сознание, произошли ли они через орган зрения, утомившегося работой, или же от других причин».

9. «Различные недостатки в оптических свойствах глаза, во многих случаях регулирующего работой мышц».

10. «Ревматическое страдание мускулов и сочленений, столь часто являющееся в нашем климате».

11. «Общепидемические заболевания, легкое ослабление организма под их влиянием, с нарушением координации мышц».

12. Спиртные напитки.

13. Угнетенное состояние духа рабочего. «При крепостном праве травматические повреждения являлись чаще».

14. Крайнее развитие одних мышечных групп в ущерб другим. «Отсюда является понятным значение гимнастических упражнений».

«При сделанном описании причин заканчивает Рудановский свою статью мы имели в виду лишь те из них, которые находятся в состоянии самого организма и имеют, конечно, не менее важное значение, нежели ранящие орудия, на которые, к сожалению, исключительно обращено внимание при травматических повреждениях».

Мы позволили себе привести подробные выдержки из этой статьи, потому что она, на наш взгляд, необычайно интересна и в историческом и в научном отношении. Написанная 90 лет тому назад в Уральской глуши, на расстоянии тысяч километром от культурных центров тогдашней России, без единой ссылки на литературу, статья излагает только непосредственные оригинальные наблюдения самого автора.

Общественные условия того времени, просто даже отсутствие связи между центром и «провинцией», не могли способствовать тому, чтобы статья была подхвачена, и чтобы из нее были сделаны какие-нибудь исследовательские или, тем более, практические выводы.

Насколько нам известно, статья эта первая в мировой литературе, затронувшая вопрос о роли личности в промышленном травматизме. Она не утратила своего научного значения и в настоящее время. В ней в необыкновенно сжатом виде (в статье всего семь страниц, напечатанных крупным шрифтом с увеличенными просветами) изложены факты и обобщения, ставшие предметом более пристального изучения только через несколько десятков лет.

2. РАБОТА МЮНСТЕРБЕРГА

Первый опыт экспериментального исследования «личного фактора» сделал Г. Мюнстерберг, немецкий психолог, продолжительное время работавший в Америке.

Исследование это вызвано было к жизни чисто экономическими требованиями. Обеспокоенное большим количеством аварий и наездов и связанными с ними огромными расходами. Трамвайное общество созвало специальное совещание по этому вопросу. Это было в 1911 г. в США. Совещание обратило внимание преимущественно на утомление работников. «С разных сторон раздавались, однако, голоса в пользу того, что значительно большую роль, нежели утомление, играет общая психическая конституция вагоновожатых. Степень внимания, отклонение внимания случайными явлениями на улице и, прежде всего, безусловно необходимые способности настолько быстро обзирать общую картину улицы, чтобы одновременно

схватывать всевозможные движения встречных пешеходов, экипажей и автомобилей, далеко не одинаковы у разных людей. Есть вагоновожатые, которые никогда не вызывают несчастных случаев и справляются с самыми безголовыми пешеходами и неумелыми шоферами, в то время как у других, только потому что они не предвидят всех вероятностей, сравнительно часто возникают несчастные случаи в известном смысле без особых вины вагоновожатых, но все же исключительно вследствие их личных качеств (Мюнстерберг. Психология и экономическая жизнь).

«Центральной» особенностью вагоновожатых Мюнстерберг нашел «своеобразно сложную функцию внимания, при помощи которой в быстро меняющейся картине улицы должны быть постоянно воспринимаемы и оцениваемы с точки зрения скорости многочисленные отдельные объекты пешеходы, экипажи и автомобили».

Теория «личного фактора» в травматизме возникла позднее, и, частично, основанием для нее послужила целая серия работ, проведенная в Англии во время войны 1914-1918 гг. в связи с острейшей проблемой производительности труда на военных заводах.

3. АНГЛИЙСКИЕ РАБОТЫ

Во время первой империалистической войны в Англии была создана «Комиссия по изучению промышленного утомления», в которую вошли видные психологи, физиологи и специалисты по статистике. Работы связаны с именами *Вернона, Межо, Гринвуда, Вудс, Фармера, Чемберса, Осборн, Ньюболда*.

Вполне естественно, что, имея целью изыскать способы повышения производительности труда на военных предприятиях, Комиссия вышла за пределы изучения одной только проблемы утомления и не могла обойти такой важный фактор производительности, каким является промышленный травматизм, сильно возросший во время войны.

Кстати сказать, во время второй мировой войны, окончившейся в 1945 г., вопросами промышленного травматизма в Англии занималась «Комиссия промышленного здравоохранения» «Совета по медицинским исследованиям». Совместно с «Королевским обществом по борьбе с травматизмом» при Министерстве Труда, «Совет по медицинским исследованиям», по существу, продолжил работы «Комиссия по изучению промышленного утомления». Так как в этих позднейших исследованиях нет ничего принципиально нового, мы излагаем вкратце суть всех английских работ по изучению личного фактора в промышленном травматизме.

Статистически очевидно, и неоднократно доказано, утверждают английские исследователи, что в любом рабочем коллективе несчастные случаи распределяются между членами коллектива неравномерно. Большая часть случаев неизменно приходится на меньшую часть рабочих.

Материалом для английских исследований служили большей частью мелкие травмы, например, порезы, ссадины, зачастую без потери трудоспособности, так как травмы серьезные происходят сравнительно редко, и их поэтому мало. Однако, исследованием, проведенным над 14 тысячами рабочих различных отраслей промышленности, доказано, что люди, подверженные несоразмерно большому числу мелких травм, страдают чаще других также от тяжелых повреждений. Таким образом, можно распространить закономерность, выявленную на мелких травмах, также на травмы более серьезные. В этом смысле разница между мелкой и крупной травмой, по мнению англичан, носит условный характер, потому что тяжесть повреждений зависит от случайных обстоятельств, например, от того, какая часть тела пострадала.

«Незначительные несчастные случаи пишет Вернон являются ценным материалом для разработки средств борьбы с травматизмом. Добровольно никто не хочет стать жертвой даже ничтожного несчастного случая, и повлечет ли за собой ошибка в координации движений или ошибка в суждении тяжелую или легкую травму, это очень часто дело случая».

Точно так же англичане установили прямую связь между несчастными случаями и заболеваниями. Связь эта ясно обнаруживается при сопоставлении частоты травматических случаев с частотой заболеваний и значительно менее ясно при сопоставлении частоты травматических случаев с продолжительностью заболеваний. Частота заболеваний, утверждает автор (фамилия не указана) официальной сводной брошюры, изданной «Советом по медицинским исследованиям» в 1942 г., более характерна для людей слабых здоровьем, чем продолжительность заболеваний (речь идет о наиболее распространенных заболеваниях головных болях, простудах, расстройствах пищеварения). «Легко понять, что работа на производстве сопряжена для людей слабых с большим напряжением, нервностью и вызывает предрасположение к травмам».

Для объяснения факта неравномерного распределения травм английские исследователи выдвинули три гипотезы:

1. Несчастные случаи распределяются совершенно случайно.
2. Предшествующий несчастный случай изменяет шансы личности на последующий. Эти шансы либо увеличиваются (человек становится более

нервным, менее уверенным в себе), либо уменьшаются (человек становится более осторожным по поговорке «Пуганая ворона куста боится»).

3. Разные люди в различной степени предрасположены к несчастным случаям. Есть люди, у которых, как говорят в Англии, «Все пальцы толстые», или, как говорят у нас, на которых, как на бедного Макара, валятся все шишки.

Справедливость первых двух гипотез, говорят англичане, отвергается статистическим путем. Доказательство правильности третьей гипотезы выходит за пределы статистической компетенции.

Следует прежде всего отличать, заявляют англичане, общую «подверженность» несчастным случаям, связанную с характером производства, от индивидуальной «склонности», предрасположения к ним. Подверженность несчастным случаям в значительной мере определяется степенью производственного риска. Известно, что разные отрасли производства в различной степени, обладают этим риском².

Чем же можно объяснить, что при одинаковой степени риска и при прочих равных условиях, например, поле, возрасте, квалификации, одни работники чаще подвергаются несчастным случаям, чем другие? Объяснение этому следует искать, говорят англичане, вне производственных условий, а именно в свойствах самой личности. На основании ряда исследований можно действительно утверждать, говорят они далее, что существует категория людей, более «склонная» (или предрасположенная) к травмам, чем все прочие. Таким образом, «склонность» к несчастным случаям это не то же, что «подверженность» несчастным случаям. «Подверженность» включает в себя такие производственные факторы травматизма, «склонность» же можно определить, как «совокупность» некоторых свойств личности, благодаря которым она становится более подверженной травмам, чем другие. Опыт показывает, что люди, склонные к несчастным случаям, всегда составляют меньшинство, и в разных коллективах количество их колеблется от 18% до 25%.

Если некоторые свойства личности, продолжают английские исследователи, предопределяют ее «склонность» к травмам, то возникает вопрос о том, устойчивы ли эти свойства, и насколько. Изучение различных

---

² Оставляя в стороне описываемые английские работы, укажем как велика разница степени производственного риска в различных отраслях промышленности. Пользуемся данными, приведенными в статье Камингра, 1943 г. Показатель частоты травматизма, т.е. количество несчастных случаев на 1 миллион отработанных человекочасов, составлял для американской табачной промышленности в 1941 г. 3,2, для горнорудной 38,9, для лесозаготовительной 52,6. Показатели тяжести (количества потерянных дней на 1000 отработанных человекочасов: для смертельных случаев и разного рода увечий установлен условный эквивалент в человекоднях) соответственно 0,2; 9,4; 5,2. В лесозаготовительной промышленности показатель частоты в 16-17 раз выше, чем в табачной, а в горнорудной показатель тяжести почти в 50 раз выше, чем в табачной.

групп промышленных рабочих и водителей транспорта подтвердило, что люди, имевшие повторные травмы в какой-нибудь один период своей деятельности, имели их также во все последующие периоды. «Рабочие, имевшие сравнительно больше травм в первый год работы, имели их также сравнительно больше в каждый час дня, каждый день недели, каждый месяц года и во все последующие годы». Так как наряду с фактором «склонности» действуют также другие факторы, внешние по отношению к личности, то не удастся установить связь между количеством травм, перенесенных человеком в разные периоды работы. Однако, общая связь, по мнению англичан, настолько ясна, что можно считать, что какие-то факторы постоянно усиливают подверженность некоторых лиц к несчастным случаям. Если бы эти факторы можно было заблаговременно вскрыть и предотвратить их вредное воздействие, то это оказало бы благотворное влияние, и притом не временное, а постоянное, на общие показатели травматизма.

Следующий вопрос, который поставили перед собой английские исследователи, был вопросом о том, поддаются ли свойства, лежащие в основе этой склонности, выявлению и измерению. В первом эксперименте, предпринятым с целью ответить на этот вопрос, участвовало 600 человек. Испытаны были скорость и точность зрительно-моторной координации, и испытания эти соответствующим образом дифференцировали испытуемых. Лица с показателями ниже средних имели в последствии на 48% больше травм, чем лица с показателями выше средних, а 25%, давших наихудшие результаты, имели на 51% больше травм, чем остальные 75%.

В дальнейшем было испытано еще 1800 человек. Среди испытанных были промышленные и транспортные рабочие, летчики и железнодорожники. Кроме упомянутых испытаний зрительно-моторной координации, применялись также испытания лингвистических способностей, технической одаренности и персеверации. Однако, наиболее высокую корреляцию с последующими показателями травматизма дали только испытания зрительно-моторной координации.

Позднейшие наблюдения тех же английских исследователей показали, что испытания зрительно-моторной координации имеют прогностическую ценность только применительно к квалифицированным рабочим. Для представителей неквалифицированных профессий подобного рода проб выработать не удалось, несмотря на то, что поиски в этом направлении в Англии непрерывно продолжались и продолжают.

Хорошие результаты по испытаниям зрительно-моторной координации коррелируют в квалифицированных манипулятивных профессиях не только с

низкой травмируемостью, но и с высокой производительностью. Следовательно, пишут англичане, склонность к несчастным случаям в какой-нибудь профессии этого рода находится в обратном отношении к производительности труда в той же профессии. Однако, это отношение не так легко доказать, потому что чистоте наблюдений мешает фактор производственного риска: рабочие высокопродуктивные, рассуждают англичане, чаще соприкасаются с опасными моментами своего производства, чем рабочие менее продуктивные.

Изложенным ограничивается круг вопросов, ответы на которые даны многолетними английскими исследованиями.

В чем, по мнению этих исследователей, практическая ценность добытых результатов? В том, что они позволяют отстранить от опасных занятий людей, склонных к несчастным случаям. Отбирать таких людей можно двояким способом: либо при помощи предварительных испытаний, либо посредством учета предшествующего производственного опыта каждого кандидата на работу, связанную с опасностями травм. Первый способ предпочтительнее второго, так как при втором из них необходимо дать возможность человеку подвергнуться несчастным случаям иначе нельзя судить о степени его травмируемости. При этом способе неизбежны стало быть ненужные жертвы. А как быть с молодыми рабочими, у которых нет еще производственного опыта, и как быть с малоквалифицированными рабочими, для которых отборочные испытания неприменимы? Таких людей англичане рекомендуют предварительно обучать в непромышленной обстановке, при пониженных темпах работы, вести в этой обстановке наблюдения над ними и следить за тем, чтобы они своевременно усвоили правильные приемы работы. Такая организация обучения, говорят англичане, связана с расходами и затратой времени, но это может окупиться благодаря снижению травматизма на предприятии.

Исследования личного фактора в травматизме, по мнению англичан, диктуют также новый способ учета травматизма на производстве. Учет этот не должен быть безличным, и вести его надо не в книгах, как это делают обычно, а на карточках. На каждого рабочего должна быть заведена отдельная карточка, в которую необходимо заносить все случаи, происшедшие с рабочим, независимо от серьезности этих случаев. Время от времени надо пересматривать эту картотеку, выявляя наиболее травмируемых людей и наиболее опасные участки работы. Степень опасности того или иного участка определяется средним показателем травматизма участка, т.е. частным от деления всех несчастных случаев, происшедших на этом участке на общее число рабочих.

Для практических же надобностей английский исследователь Ньюболд выработал в 1926 году статистическую таблицу, показывающую, сколько, в среднем, несчастных случаев должно приходиться на одного члена рабочего коллектива при том или ином проценте членов того же коллектива, свободных от несчастных случаев. Так, например, при 90% рабочих, не имевших ни одной травмы, на одного рабочего должно падать 0,1054 случая, при 50% - 0,6931, при 30% – 1,2040, при 1% – 4,6052. Если фактическая средняя выше теоретической, то это, по Ньюболду, значит, что в коллективе, вероятно, скрыты лица со специфической склонностью к несчастным случаям, и что надо произвести дополнительное исследование.

4. ГЕРМАНСКИЕ РАБОТЫ. ТЕОРИЯ МАРБЕ

Обзору многочисленных работ о личном факторе в травматизме преимущественно посвящена книга Отто Липмана, вышедшая в свет в 1925 году в Германии. Разбирая схемы классификации причин несчастных случаев, разработанные Верноном, Траммом, Лизински и Флоренсом. Липман предлагает свою схему, в которой значительное место уделено факторам физическим и психологическим. К психологическим факторам травматизма Липман относит: беззаботность, недостаточно развитое чувство долга, отсутствие хладнокровия, предосторожности, присутствия духа, недостатки ловкости, памяти, внимания, глазомера, чрезмерную утомляемость.

Со специальным учетом индивидуальных различий в отношении травматизма составлены Геллером профессиограммы для детальных профессий механизированного деревообделочного производства, отличающегося, как известно, высоким травматизмом. Геллер выделяет, как основные признаки: интеллект, ловкость и скорость движений, физическую силу, общее физическое сложение работника и концентрацию внимания.

Целая серия работ о личном факторе в травматизме связана с именем Марбе и его школы. Изучив данные о несчастных случаях, происшедших в 3000 застрахованных военных в течение десяти лет, Марбе прежде всего установил, что каждое из лиц, не имевших ни одного несчастного случая в течение первого пятилетия, имело, в среднем 0,52 случая в течение второго пятилетия. В то же время лица, на каждое из которых приходилось в первое пятилетие не более одного и более одного случая, имели во второе пятилетие соответственно по 0,91 и 1,34 случая.

Другими словами, во второе пятилетие по сравнению с первым наблюдается увеличение несчастных случаев от группы к группе, а разница между крайними группами больше, чем в два с половиной раза.

Закономерность эта сохраняется и в том случае, когда сравниваются данные о травматизме застрахованных не по пятилетиям, а за первые и последние два года десятилетнего периода.

Более того, та же закономерность, по Марбе, сохраняется и внутри групп, отобранных по признаку производственного риска, принятому в страховой практике, т.е. лица, относящиеся к профессиям, сопряженным с различной степенью риска, дают более или менее высокий показатель травматизма во втором пятилетии в прямой связи с показателями предшествовавших пяти лет.

Учитывая (при помощи учителей) мелкие травмы, перенесенные школьниками в течение нескольких декад, Марбе нашел, что дети, получившие больше повреждений в первые дни декады, получили также больше повреждений в последующие декады.

Таким образом, Марбе пытается доказать, что закономерность, выявленная им на материале промышленного травматизма, распространяется также на травматизм бытовой, а закономерность, наблюдающаяся в продолжительные промежутки времени, наблюдается также в короткие промежутки, охватывающие не только декады, но, как увидим ниже, время, достаточное для проведения одного лабораторного эксперимента.

Марбе создал нечто вроде лабораторной модели несчастного случая.

Предлагая испытуемым пересыпать горох рюмки по очереди, но в 6 пробирок, прикрепленных к поставке, по три горошины зараз, сотрудница Марбе Мария Шорн условно считала каждую лишнюю горошину и каждую упавшую мимо как «несчастный случай». Эксперимент этот показал, что испытуемые, допустившие больше ошибок при заполнении первых трех пробирок, чаще ошибались также при заполнении остальных трех.

Проба эта, требующая ловкости рук и осторожности, оказалась по Марбе, также пригодной для выявления общей склонности к несчастным случаям. Проведя тот же опыт над 12 ученицами пяти разных классов начальной школы, известных педагогам своей предрасположенностью к мелким травмам, и над 12 ученицами, отличавшимися противоположными свойствами, Мария Шорн установила, что испытуемые первой категории делают в несколько раз больше ошибок, чем испытуемые второй категории.

Однако, утверждает Марбе, проба эта не универсальна и не дает положительных результатов при испытании людей, производственная работа которых не требует ловкости рук. Испытав тем же способом пересыпания

гороха 70 железнодорожников службы движения представителей неманипулятивный профессий, Марбе не нашел соответствия между количеством ошибок в эксперименте и травматизмом испытуемых.

Это наблюдение Марбе впоследствии развил в положении об общих и специфических факторах склонности к несчастным случаям. Под специфическим Марбе понимает факторы, непосредственно связанные с данной профессиональной деятельностью.

Марбе утверждает, что существует прямая связь между склонностью к несчастным случаям и склонностью к произвольным повреждениям порче, ломке, сжиганию вещей. Лица, склонные к несчастным случаям, одновременно склонны также к такому неумышленному вредительству.

Способность к концентрации внимания, физическая тренировка, ловкость, привычка к осмотрительности и осторожности, способность к быстрой реакции, умению владеть собой (присутствие духа) уменьшают, по Марбе, вероятность несчастного случая. Менее подвержены несчастным случаям также лица, способные к быстрому «переключению» или, иначе, к быстрой смене «установки». Под установкой Марбе понимает известную направленность личности, обуславливающую избирательные действия ее в тех или иных ситуациях.

Отсутствие перечисленных способностей или слабое их развитие, в частности плохая способность к переключению, увеличивают вероятность несчастных случаев. К травмам ведут также небрежность, легкомыслие, озорство (особенно свойственное молодежи, поэтому, по Марбе, с молодежью несчастные случаи происходят сравнительно чаще, чем с людьми более старшего возраста), «беспорядочность», пугливость, безразличное отношение к работе.

На основании 100 тщательно проанализированных железнодорожных аварий М. Шорн составила перечень из 28 психологических причин этих аварий, расположенных в порядке убывающей важности следующим образом:

1. Недостаточная способность к распределению внимания.
2. Недостаточная осмотрительность.
3. Недостаточная способность к концентрации внимания.
4. Неудовлетворительная установка на исполнение служебных обязанностей.
5. Недостаточная рассудительность.
6. Недостаток наблюдательности.
7. Недостаточное понимание.
8. Недостаток организационных способностей, распорядительности.
9. Плохая память.
10. Недостаток присутствия духа.
11. Недостаток осторожности.
12. Чрезмерная отвлекаемость.
13. Неудовлетворительная техническая сообразительность.
14. Недостаточная решительность.
15. Недостаточная способность суждения.

16. Плохая способность к «комбинационному» мышлению. 17. Излишнее усердие. 18. Недостаток спокойствия и рассудительности. 19. Недостаточная готовность к ответному действию. 20. Недостаточная способность к «схватыванию». 21. Ошибки ощущений и восприятия. 22. Недостаточная физическая ловкость. 23. Равнодушное отношение к работе. 24. Телесное недомогание. 25. Утомление. 26. Влияние алкоголя. 27. Ложная установка на ожидание несчастного случая. 28. Грубое нарушение служебных обязанностей.

Ложной установке на ожидание, «предчувствию» несчастья Марбе уделяет усиленное внимание, утверждая, что такое ожидание, вызываемое, в частности, предшествующим несчастным случаем или аварией, может стать массовым и привести к серьезным последствиям. На одном пороховом заводе, пишет Марбе, после ряда следовавших один за другим несчастных случаев, гадалка предсказала большую катастрофу, и это вызвало сильное брожение среди работающих. Для того, чтобы внести успокоение, гадалку пришлось арестовать и вынудить ее публично отказаться от ужасного предсказания. Такую же роль, как ожидание несчастья, играют «вещие» сны.

Ссылаясь на Курта, Марбе утверждает, что о склонности к несчастным случаям можно судить по почерку. Люди с размашистым почерком больше склонны к травмам, чем люди с тесным, убористым почерком.

Большое значение Марбе придает случаям вероятным, хотя и не происшедшим. О предрасположенности человека к несчастным случаям следует судить не только по фактическим, но и по этим почему-либо неосуществившимся происшествиям.

Отдельные свои наблюдения Марбе обобщил в теории, получившей широкое признание за границей, но встретившей весьма критическую оценку в СССР. Суть этой теории заключается в следующем.

Существует, учит Марбе, «врожденная личность», ее составляют определенные соматические и психические предрасположения, носящие абсолютно константный характер. Воспитание, образование, жизненный опыт создают «благоприобретенную личность» - относительно константный фактор поведения. Временные, преходящие влияния, например, алкоголь, депрессия, аффект и т.п. создают «личность моментанную».

Решающее значение для человека имеют его врожденные предрасположения, именно они ведут при одинаковых обстоятельствах к одинаковым поступкам. Существуют, по Марбе, врожденные счастливицы и врожденные несчастливцы, врожденные теоретики и практики, преступники и травматологи. Вероятность преступления или травмы в будущем определяется наличием их в прошлой жизни личности. Зависимость эта не причинная, а

логическая, «подобная зависимости длины окружности от ее радиуса», потому что и прошлые и будущие несчастные случаи (или преступления) обусловлены одним и тем же общим предрасположением.

Таким образом, человек роковым образом находится во власти биологически унаследованных физических и психических свойств. Возможно воспитание и самовоспитание в духе безопасности, однако, все это меняет дело только в незначительной степени «врожденное предрасположение к несчастным случаям остается решающим». «Как ни велика и очевидна воспитуемость человека, врожденные его наклонности остаются все же константными настолько, что позволяют судить о будущих его ошибках на основании прошлых».

Марбе не ограничивается только теоретическими обобщениями, - он предлагает также практические выводы, вытекающие из его теории. Главнейший вывод состоит в том, чтобы своевременно обнаруживать людей с роковым предрасположением к несчастным случаям и отстранять таких людей от возможных опасностей. Поскольку диагноз не всегда еще можно установить путем предварительно научно надежных испытаний, то нужно пользоваться другими средствами, преимущественно сведениями о прежней деятельности человека. Не доверяйте, советует Марбе, молодым, неопытным рабочим вследствие их повышенной склонности к несчастным случаям. Судите о людях не только по фактическим, но и по вероятным исходам их неправильных поступков или ошибок. Не доверяйте людям, которым «не везет» (например, шоферам), даже если они вам лично нравятся.

Венцом практических мероприятий Марбе является его законодательных проект. По этому проекту рабочие должны быть разбиты на группы не только по признаку производственного риска, как это принято в практике страхования, но и по признаку предрасположенности к несчастным случаям, устанавливаемой на основании действительно перенесенных травм. Рабочие сами должны участвовать в страховых отчислениях, дифференцированных по классу личной наклонности к несчастным случаям. Это, по мнению Марбе, должно повысить ответственность рабочих за собственные поступки и содействовать успешной борьбе с травматизмом.

5. АМЕРИКАНСКИЕ РАБОТЫ

В 1928 г. на международной психологической конференции в Утрехте (Голландия) американский психолог Вителес выдвинул метод «клинического» изучения личного фактора в травматизме. Под клиническим методом Вителес

разумет исследование не отдельных свойств лиц, отличающихся высоким травматизмом, а всестороннее и полное исследование таких лиц. Только такое исследование может, по мнению Вителеса, охватить проблему во всей ее сложности и установить истинных удельный вес отдельных факторов травматизма, в том числе и факторов психофизиологических.

Примером такого исследования может послужить работа по изучению 163 вагоновожатых, проведенная в 1931 г. Кливлендской Компанией городских железных дорог совместно со страховым обществом «Метрополитен». Прежде всего оказалось, что 44% всех несчастных случаев падает на 30% коллектива (50 человек). Медицинским и психологическим анализом обнаружены следующие факторы «склонности к травматизму» у лиц с повторными несчастными случаями (в процентах): неправильная установка на работу 14, неправильное различение опасных ситуаций 12, ложное суждение 12, импульсивность 10, безответственность 8, ошибки внимания 8, нервность и страх 6, замедленная реакция 4, озабоченность и депрессия 2, утомление 2, неумение распределять внимание 2, итого психологические причины 80%. Физические дефекты обнаружены только в 12% всех случаев, из них плохое зрение 4, органические заболевания 4, высокое кровяное давление 2, старческие признаки 2.

Де-Сильва, в течение многих лет исследующий профессию шофера и организовавший в США ряд местных лабораторий, изучающих эту профессию, предлагает метод микроскопического исследования всех обстоятельств, связанных с профессиональной деятельностью (метод «экспозитуры», как называет его сам автор) и, разумеется, с несчастными случаями и авариями. На основании тщательного анализа 892 смертельных несчастных случаев в автомобильном транспорте, происшедших в 1936 г., Де-Сильва утверждает, что редко к несчастному случаю приводит одна только причины. В действительности в возникновении каждого несчастного случая надо искать комбинацию различных причин. В среднем, для каждого случая таких только важнейших причин не менее трех.

Ряд американских работ посвящен сопоставлению успешности производственного обучения и производственной деятельности со специфической аварийной практикой.

В 1946 г. в журнале «Авиационная медицина» опубликована статья М. Калеца и Рибера К. Ховда «Смертельные случаи в авиации». Авторы исследовали до- и послеаварийные данные 3000 летчиков с точки зрения физического состояния летчиков, усвоения курса обучения, пригодности к авиации и аварийной истории и пришли к следующим выводам:

1. Шансы на смертельный несчастный случай у летчиков с повторными авариями, вызванными собственными (летчика) ошибками, вчетверо превышают шансы летчиков, не имевших повторных аварий такого рода.

2. Шансы на смертельный несчастный случай у летчиков с учебными показателями ниже среднего значительно превышают шансы летчиков со средними или выше среднего учебными показателями.

3. Шансы на смертельный несчастный случай у летчиков с повторными авариями и одновременно неудовлетворительными учебными показателями превышают шансы летчиков без повторных аварий и удовлетворительными и хорошими учебными показателями в четырнадцать раз.

В последние годы в американской исследовательской практике получил распространение так называемый биографический метод изучения причин несчастных случаев. По существу, этим методом пользуются для установления того же Марбевского соответствия между прошлым и настоящим опытом исследуемых с тем, чтобы определить шансы на будущее. При этом усиленное внимание обращается на выявление скрытых, подсознательных переживаний и «комплексов» личности. Изучению, в зависимости от обстоятельств подвергаются то более, то менее продолжительные отрезки биографий исследуемых лиц.

Для иллюстрации этого метода характерна статья Чарльза Канкла, появившаяся в журнале «Авиационная медицина» в 1946 г. под названием «Психологическое обоснование «ошибок летчика» при воздушных авариях».

Из факторов, лежащих в основе «склонности к несчастным случаям», установленных предшествующими американскими исследованиями, в частности исследованиями Данбара, автор считает наиболее достоверными следующие: 1) импульсивность в мышлении и действии, с тенденцией реагировать чаще действием, чем рассуждением; 2) раздражительность и напряженность; 3) тенденцию к неустойчивым учебным и производственным успехам, со склонностью к частым переменам профессии и отсутствием определенной направленности или цели; 4) предпочтение немедленных видимых результатов работы перед результатами длительных усилий, связанное с недостатком настойчивости; 5) избегание принуждения, неохота подчиняться или самому нести ответственность; 6) склонность к авантюрам и спортивным состязаниям и играм. Некоторые из этих свойств, по мнению автора, при полном их развитии, характерны для личности психопатической, и

таким образом устанавливается связь между «склонностью к несчастным случаям» и психопатиями вообще.

Импонируют автору также всякого рода «ущемленные» состояния, скрытые чувства обиды и затаенного чувства мести, как фон для обычных и необычных «умышленно неумышленных» несчастных случаев и аварий.

Сам же автор провел «конфиденциальные» беседы с 200 военными летчиками, из которых половина принадлежала к «благополучным», т.е. безаварийным, а половина к «неблагополучным», т.е. с повторными авариями. Заключение автора:

1. Понятие «склонности к несчастным случаям», впервые возникшее в промышленности, приложимо также в летной практике.

2. Учет прошлых несчастных случаев (начиная с детства) «благополучных» и «неблагополучных» летчиков позволяет установить следующие отношения:

Большое число прошлых личных несчастных случаев указывает на некоторую степень вероятности воздушных аварий по собственной ошибке летчика, между тем как малое число прошлых случаев может служить указанием на будущую безаварийную летную работу. Несчастные случаи, наиболее в этом отношении показательные, это переломы и смещения и, главным образом, растяжения и рваные раны. Падение с лестниц, прищемление пальцев в дверях, автомобильные происшествия и число разбитых часовых стекол в общем обладают небольшой прогностической ценностью.

3. Статистически показательная корреляция между воздушными авариями (вызванными ошибками летчика), с одной стороны, и образованием, и прежней профессией, предшествующим опытом в гражданской авиации, специальными интересами и побочными занятиями, и установленной степенью потребления алкоголя с другой исследованием не обнаружено.

4. Специальные разбор некоторых случаев показывает, что слабые мотивы выбора летной профессии и отсутствие интереса к ней могут предрасположить к воздушной аварии; напротив, сильные мотивы выбора этой профессии и искренняя любовь к ней могут создать сопротивление факторам, вызывающим аварию.

5. Из различных внутренних факторов, непосредственно предшествовавших некоторым воздушным авариям, психологическое напряжение встречается чаще, чем физиологическое. Важнейшую роль играют при этом чувства вражды и обиды.

В общем, можно сказать, что американские исследователи не предложили новой специфической теории «склонности» к несчастным случаям». Американцы охотно пользуются «импортными» теориями Марбе и Фрейда.

6. КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При общем обзоре работ по изучению промышленного травматизма в капиталистических странах бросаются прежде всего в глаза два обстоятельства. Первое: расцвет исследований падает преимущественно на военные годы, второе объектом исследований чаще всего являются представители транспортных и военных профессий (шоферы, вагоновожатые, железнодорожники, летчики). Обстоятельства эти отнюдь не случайны, и понимание этого позволяет более точно определить место и значение исследований травматизма, проводимых за границей.

Военное время – это время, когда воюющие страны испытывают обычно острый недостаток в рабочей силе. В такое время в капиталистических странах принимаются все меры к тому, чтобы мобилизовать вся и всех, кто в состоянии что-нибудь делать. Ушедших на фронт мужчин замещают женщины, подростки и инвалиды, давно отставленные от производства. Эта задача чисто экономическая, и, хотя решение ее сопровождается большим шумом и прекрасными разговорами о гуманности, в действительности забота о трудоустройстве инвалидов или об охране труда рабочих это не что иное, как коммерция, но в несколько иной, против обычной формы. На военных заводах нужны рабочие руки, поэтому невыгодно, чтобы люди калечились. Нельзя допустить простоя оборудования, поэтому на работу приглашаются инвалиды. Как только проходит острая нужда и наступает период реконверсии промышленности, так сотни тысяч людей выбрасываются на улицу, и в первую очередь именно инвалиды, слабосильные и рабочие, подозреваемые в каких-либо дефектах, в том числе и в дефектах пресловутой «склонности к несчастным случаям».

Что дело обстоит именно так, видно, например, из специальной литературы по трудоустройству инвалидов, и не только инвалидов труда, но также инвалидов войны. В 1942-43 гг. вышел большой англо-американский сборник «Восстановление трудоспособности инвалидов войны», и в это книге сами английские и американские авторы приводят немало доказательств выдвинутому нами положению. Капиталистический способ производства не может изменить самому себе ни в вопросах производительности труда, ни в вопросах охраны труда рабочих.

Сильно распространенное мнение о том, что транспортные, точнее водительские профессии потому чаще и больше всего изучаются с точки зрения травматизма, что безаварийная езда является для них основным признаком профессиональной успешности. Такое мнение можно встретить почти во всех работах, посвященных этому вопросу, но это только часть истины. Вторая же часть заключается в том, что аварии и несчастные случаи на транспорте обходятся значительно дороже, чем в промышленности. Владельцы транспортных компаний выплачивают большие суммы по искам пострадавших и готовы поэтому пойти на расходы на предупредительные мероприятия.

Доказательство этому можно найти в состоянии техники безопасности на капиталистических предприятиях. Каминг (1943) пишет, что только на одном из восьми американских предприятий ведется более или менее планомерная борьба с травматизмом, а так называемые «Комиссии по борьбе с несчастными случаями» на американских предприятиях, члены которых (Комиссий) назначаются администрацией, сплошь и рядом ведут жалкое американских предприятий с числом рабочих до ста (а таких в США 92% всех предприятий) борьба с травматизмом явно невыгодна, и поэтому они ее не ведут.

В Англии пропаганду безопасности, в том числе промышленной, осуществляет Национальная ассоциация «Безопасность прежде всего», однако, по свидетельству Вернона, только одно предприятие на 6000 мелких (с числом рабочих до 25), только одно из 200 средних (с числом рабочих от 26 до 1000) и только одно из 78 крупных (с числом рабочих более 1000) состоят членами названной «Ассоциации». Следует добавить, что членство в этой «Ассоциации» обходится сравнительно недорого. Вообще же к подписке на пропагандистские издания тех или иных предпринимателей побуждают вовсе не гуманные чувства, а соображения прямой выгоды: предприятия с пониженными показателями травматизма попадают в более льготную страховую категорию (с пониженными страховыми взносами).

Совершенно ясно, что такое положение дел непременно должно отразиться также на соответствующих научных исследованиях, ведущихся в капиталистических странах. Это тем более верно, что многие исследователи состоят на службе частных фирм. Тот же Марбе, например, бы тесно связан с германскими железнодорожными компаниями, не раз выступал на суде в качестве эксперта в конфликтах между администрацией и рабочими и давал заключения в духе своей теории врожденной склонности к несчастным случаям, вполне выгодной для капиталистических хозяев. Мы видели, что Марбе довел свои теоретические построения до практического конца, предложив возложить ответственность за несчастные случаи на самых

пострадавших в зависимости от категории риска пострадавшего, установленной на основании перенесенных травм.

Уже одно это должно заставить нас отнестись с законным подозрением к Марбевской теории, венчающей, как мы видели, длинный ряд исследований личного фактора в травматизме. Однако, теория эта подозрительна не только поэтому.

Во-первых, с методологической точки зрения узкопсихологический подход к проблеме травматизма вообще порочен. Травматизм нельзя изучать только «изнутри». Вместо того, чтобы устанавливать роль «личного фактора» через анализ травматизма и аварийности в целом, буржуазные психологи идут обратным путем и берут в качестве отправного пункта не явление травматизма, а «личный фактор». Такое положение, по справедливому замечанию *С.Г. Геллерштейна*, ставит проблему вверх ногами, искажает перспективу и извращает действительное отношение между явлением травматизма и личным фактором.

Во-вторых, под личным фактором следует понимать не только психологические свойства, определяющие большую или меньшую пригодность к профессиональной деятельности, большую или меньшую травмируемость, личный фактор это также подготовка человека, его знания, умения, любовь и готовность к работе, сознательность, активность, преходящие состояния. Все эти моменты в буржуазных исследованиях затронуты очень мало или вовсе не затронуты. Внимание буржуазных исследователей сосредоточено на предрасположениях, и этими предрасположениями, по существу, ограничивается личный фактор в их понимании.

В-третьих, никак нельзя согласиться с фатальным характером психофизиологических предрасположений личности.

Поскольку речь идет о более или менее определенном психофизиологическом свойстве, лежащем в основе «предрасположения», то нельзя допустить существования «абсолютно» неизменных свойств. Все функции в той или иной мере поддаются упражнению, развитию, в крайнем случае замещению. Даже слепые приспособляются к производственной обстановке, а огромная работа, проделанная в наших лечебных учреждениях во время войны, показывает, что утраченные или сильно пониженные функции и те в значительной степени поддаются восстановлению. (Проф. С.Г. Геллерштейн и другие авторы).

В Постановлении ЦК ВКП(б) о педологических извращениях в системе Наркомпросов от 4 июля 1936 г. говорится:

«ЦК ВКП(б) считает, что и теория, и практика так называемой педологии базируется на ложно-научных, антимарксистских положениях. К таким положениям относится, прежде всего, главный «закон» современной педологии «закон фаталистической обусловленности» судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. Этот глубоко реакционный «закон» находится в вопиющем противоречии с марксизмом и со всей практикой социалистического строительства, успешно перевоспитывающего людей в духе социализма и ликвидирующего пережитки капитализма в экономике и сознании людей».

В-четвертых, нельзя утверждать о человеке, что он заранее обречен страданию во всевозможных опасных ситуациях. Надо тщательно проанализировать, в каких именно ситуациях его задатки проявляются. Марбе не производит такого анализа и не пытается его производить, удовлетворяясь установленным статистическими закономерностями, из которых вовсе не вытекает закон универсальной обреченности, как не следует из статистики закон о врожденной преступности. Механическое распространение статистических закономерностей на явления социальные и психологические находит свое объяснение в идеалистическом мировоззрении Марбе, выраженном в сформулированном им всеобщем законе «единообразия» мира. По существу «закон» этот представляет собою не что иное как утверждение неизменности мира вообще и социально мира в частности. Отсюда созерцательный и реакционный характер практических выводов Марбе, как, впрочем, и других буржуазных исследователей. Не случайно все они считают единственным способом обращения с повторами травматизмами отстранение их от работы, связанной с опасностью, и никто из них не говорит о том, что можно производственную среду сделать менее опасной.

В-пятых, психологические свойства, перечисляемые Марбе и его сотрудниками как основные факторы предрасположенности к несчастным случаям, отличаются исключительной неясностью. Вряд ли сама Шорн смогла бы объяснить, в чем разница между некоторыми соседними пунктами ее большого перечня. То же относится к вышеприведенному американскому перечню (Кливлендская работа). Марбе проходит мимо некоторых психологических явлений, не делая никакой попытки раскрыть их. Так, например, совершенно нерасшифрованными остаются его описания «ожидания» и «предчувствия», а также «вещих» сном».

Интересно сопоставить описание Марбе с описанием этого же явления, данным Рудановским в замечательной его статье.

«Весьма вероятно, пишет Рудановский, что смутно сознаваемая недостаточность в кожномышечных ощущениях имеет место в уяснении тех предчувствий, о которых я, как и мой товарищ Сосфенов, нередко слышали из рассказов рабочих, предчувствий, будто бы предшествовавших данному травматическому повреждению».

Все сказанное неизбежно приводит к выводу о необходимости отвергнуть теорию Марбе, как ненаучную, не дающую должного объяснения фактам повторной травмируемости некоторых лиц. Эти факты ждут еще своего научного объяснения.

7. СОВЕТСКИЕ РАБОТЫ

Первая советская работа о личном факторе в травматизме сделана в Московском Центральном Институте Охраны труда в 1928 г. Группа сотрудников Института (*Л. Бурлюк, С. Геллерштейн, Л. Красновская, Д.И. Рейтынбарг, Ю. Штигель*) поставила своей целью выяснить, отличаются ли чем-нибудь в медицинском и психологическом смысле повторные травмы от лиц, не имеющих несчастных случаев на производстве.

Для исследования были взяты две группы рабочих автозавода «АМО» (ныне им. Лихачёва), по 10 человек в каждой. Первая группа состояла из лиц, повергшихся в течение предшествовавших двух лет повторным травмам, в общей сложности вся группа имела за два года 35 несчастных случаев. Во вторую контрольную группу вошли рабочие, не имевшие за тот же период ни одной травмы. Половина испытуемых в каждой группе состояла из квалифицированных, половина из неквалифицированных рабочих. По возрасту и стажу испытуемые были подобраны примерно одинаковыми, не удалось только подобрать представителей совершенно одинаковых специальностей.

За два предшествовавших года на заводе произошло 962 несчастных случая с 710 рабочими (55% всего коллектива), 44% всех случаев падает на 33% рабочих распределение такое же, как в вышеприведенной Кливлендской работе.

Тщательный анализ медицинских данных испытуемых показал, что в соматическом отношении травмы ничем не отличаются от не-травматиков, но у травматиков явно преобладают признаки функциональной нервной неустойчивости. У них оказался плохой сон, раздражительность, тремор век и пальцев, повышенные рефлексy. Эти же явления у не-травматиков отмечены в меньшем числе случаев.

Одновременно обе группы подверглись 10 различным психологическим испытаниям. Из всех проб наиболее показательными, т.е. более других выявившими различия между травматиками и не-травматиками, оказалась проба, требовавшая сложной функции внимания (концентрация внимания при одновременном распределении его), и проба на тонкую координацию движений. По этим пробам не-травматики дали лучшие результаты, чем травматики. В процессе решения некоторых психологических задач травматики обнаружили сравнительно большую неуверенность, нетерпимость и эмоциональность, чем не-травматики. На этой работе, не сопровождаемой никакими выводами, явно сказалось влияние буржуазных исследований. Это впоследствии было признано самими авторами, в частности Геллерштейном, в специальной статье.

Ряд работ в этом направлении сделан сотрудниками Ленинградского Института гигиены труда и профессиональных заболеваний в течении 1932-34 гг.

П.Г. Бражников установил роль соматических моментов в этиологии повторного травматизма. Исследованные повторные травматики оказались в соматическом отношении менее полноценными, чем представитель контрольной группы. Частый травматизм у одних и тех же лиц в известной мере обусловлен теми или иными соматическими дефектами, нарушающими функции, важные для предотвращения возможных несчастных случаев. Для профилактики повторного травматизма автор считает важным предварительный рациональный подбор рабочей силы.

Ю.А. Самарин исследовал группу повторных травматиков в кузнечном цехе Кировского завода. Исследование показало, что существует известная зависимость между повторным травматизмом и состоянием психической сферы. Одними из факторов борьбы с травматизмом могут быть специальные упражнения для развития координации движений, умения быстро и четко действовать, способности распределять внимание между несколькими объектами.

Б.Н. Ласкин и С.С. Шалыт исследовали 43 рабочих, имевших в течении года не менее 3 несчастных случаев каждый, и одновременно контрольную группу в составе 56 человек. Сравнительное изучение привело авторов к выводу о том, что борьба с алкоголизмом и правильная расстановка рабочей силы с медицинской точки зрения могут служить радикальным средством предупреждения производственного травматизма вообще и повторного травматизма в частности.

Л.Н. Грацианская и Е.П. Розанова изучали влияние расстройства бинокулярного зрения на травматизм и производительность труда. Исследовано было 44 станочника механических цехов, страдающих расстройством бинокулярного зрения. У этих лиц оказался резко повышенный травматизм как общий, так и глазной, по сравнению с контрольной группой, причем у лиц с большим стажем травматизм был значительно ниже, чем у лиц малоопытных. Производительность труда у лиц с расстройством бинокулярного зрения в большинстве случаев понижена.

Д-р И.Л. Векслер (Ростовский Институт промышленной санитарии и гигиены труда, 1936) исследовал роль аномалий рефракции глаза в динамике промышленного травматизма. Данные массовых исследований показали, что аномалии рефракции глаза очень распространены среди рабочих. На одном из Ленинградских заводов из 900 человек с недостатками рефракции или аккомодации оказалось 522 (58%). Такая же примерно пропорция найдена среди рабочих Лондонской Государственной табачной фабрики в Ростове на Дону. Автор снабдил исследованных рабочих индивидуальными корректирующими стеклами (вместо стандартных защитных очков «консервов») в течение короткого срока добился повышения производительности труда и значительного снижения травматизма у рабочих ведущих профессий ДГТФ.

Кроме работ, непосредственно ставящих вопрос о связи свойств личности с травматизмом, огромное количество исследований, проведенных в СССР, имеет косвенное отношение к этой проблеме. Известным образом, например, можно считать родственными исследованиями, связанные с трудовой экспертизой и профессиональной патологией. Главной целью таких исследований является выработка трудовых показаний и противопоказаний для лиц, страдающих теми или иными соматическими или психическими расстройствами. Основанием для таких показаний и противопоказаний служит связь между расстройством, с одной стороны, и возможной производительностью труда и травматизмом в данной профессии с другой. Связь эта устанавливается в результате предварительных статистических и клинических исследований и непосредственных наблюдений на производстве.

Так, например, *И.Г. Липкович* (Ленинградский институт гигиены и профзаболеваний) исследовал связь между функциональными невротами и трудоспособностью. Изученные автором 90 невротиков были переведены на другую работу на основании противопоказаний со стороны нервного напряжения, опасности травматизма, действия токсических веществ и высокой температуры. Заключений института по большей части выполнялись, и это

оказало благоприятное влияние на производительность труда и здоровье исследованных лиц.

И.Г. Фридлянд, Я.З. Матусевич, Н.Б. Альперина, Р.И. Верховская и другие разработали в 1934 г. противопоказания к приему на работу в основные профессии металлообрабатывающей промышленности. В работе даны абсолютные медицинские противопоказания для 55 детальных профессий металлопромышленности. Противопоказания основаны на санитарных характеристиках соответствующих профессий, специально разработанных материалах о заболеваемости и травматизме и результатах всесторонних обследований отдельных рабочих групп, проведенных в Ленинградском Институте гигиены труда и профессиональных заболеваний.

Большое количество работ этого рода выпущено Институтами Экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов в Москве, Ленинграде, Горьком, Иванове и других городах.

Как видно из предложенного краткого обзора, советские работы отличаются, во-первых, конкретностью, во-вторых, действенностью.

Ни один советский автор не стоит на точке зрения фатальной обреченности повторных травматизмов и не один, или почти ни один не удовлетворяется одним только констатированием тех или иных дефектов, могущих привести несчастным случаем, а стремится найти способ так ли иначе исправить обнаруженные дефекты или же соответствующим образом изменить среду.

К такой постановке исследований советских авторов побуждает общий активный революционный характер марксистского мировоззрения и те частые данные смежных областей, в которых доказывается воспитуемость функций человеческого организма.

Огромный интерес в этом смысле представляет собой неисчерпаемый практический опыт, накопленный во время Великой Отечественной войны работниками лечебной физической культуры и восстановительной трудовой терапии.

ЛФК в настоящее время применяется и дает проверенные положительные результаты: при травмах опорно-двигательного аппарата, при повреждениях позвоночника, при повреждениях таза и нижних конечностей, при огнестрельных ранениях периферической нервной системы, при функциональных заболеваниях нервной системы, при травмах грудной клетки, при челюстно-лицевых ранениях, при заболеваниях внутренних органов.

ЛФК дает положительные результаты при серьезных расстройствах зрительного аппарата. Так, например, *А.Д. Рубцова* в статье «Тренировка

монокулярного зрения средствами физической культуры» (сборник «Санитарная служба в дни Отечественной войны», Свердловск, 1946 г.) предлагает создавать при глазных отделениях госпиталей тир-манежи для тренировки и обучения лиц, потерявших один глаз, и утративших вследствие этого боковое (на больной стороне) и глубинное зрение. Таких людей можно тренировать в стрельбе с левого плеча, в метании гранаты по цели, в преодолении препятствий на быстром движении, в ориентировке в пространстве на быстром движении, с лавированием между встречными предметами, в ловле предметов в воздухе. Опыты, проведенные автором в одном госпитале, дали положительные результаты.

Разумеется, огромный материал, прямо или косвенно касающийся борьбы с травматизмом, ждет еще своего теоретического обобщения, и это рано или поздно будет сделано. Но уже на нынешнем уровне наших знаний об этом предмете мы можем смело утверждать, что установка на активное воздействие на объект исследования, т.е. на человека и на производственную среду это единственно правильная научная установка.

«Личный фактор» в травматизме, на наш взгляд, имеет два основных аспекта. В первом из них человек выступает, как объект возможных несчастных случаев, во-втором как субъект воздействия на среду и самого себя (самовоспитание).

Как мы понимаем этот второй аспект, об этом речь в следующей главе.

II. ПРОПАГАНДА БЕЗОПАСНОСТИ

1. АКТИВНОСТЬ РАБОЧЕГО В БОРЬБЕ С ТРАВМАТИЗМОМ

(опыт стахановцев)

Рабочий социалистической промышленности сам активно воздействует на среду, и это ярче всего доказывается стахановским опытом реконструкции, реорганизации отдельных трудовых операций и технологических процессов, обеспечивающих высокую производительность труда.

Анализ методов работы стахановцев показывает, каким путем они добиваются повышенной выработки. В одних случаях успех достигается общей ритмичностью, точной последовательностью, размерностью, ускоренностью движений, слитностью (когда каждое движение служит импульсом для последующего). В других случаях рабочие прекрасно овладевают отдельными, наиболее трудными элементами работы. Ясное представление о кинематике станка, умение устранить на ходу возникающие неполадки также отличают

работу стахановцев. Наконец, отличительной способностью передовых рабочих является умение наиболее рационально организовать свою работу.

Эти наблюдения касаются методов высокой производительности. Возникает вопрос, в каком отношении находится эта высокая производительность к возможному травматизму. Довольно широко распространено мнение о том, что усиленные темпы работы влекут за собой рост несчастных случаев. Рассмотрим некоторые специальные исследования, проведенные еще в начале возникновения стахановского движения, когда вопрос о возможном росте травматизма в связи с усилением темпа производства вызвал особый интерес.

Проф. *С.Г. Шмерлинг* пишет, что по четырехмесячным наблюдениям Ленинградского Института охраны труда в цехе шмитцвальцовки завода «Красный выборжец», стахановцы в этом цехе составляли одну треть всех рабочих и (в разных профессиях) давали выработку от 200 до 350% нормы. Ни один стахановец не имел ни одной травмы из 28, происшедших в цехе за эти 4 месяца.

В посудодавальном цехе того же завода показатели травматизма у стахановцев за 6 месяцев были вдвое ниже, чем у прочих рабочих, а в прокатном цехе втрое.

В «стахановские сутки» организованные на заводе в целом, не было ни одного случая с потерей трудоспособности.

В первую стахановскую декаду, проведенную в 8 цехах Кировского завода, травматизм у стахановцев понизился на 30% против прочих рабочих, а во вторую стахановскую декаду вдвое против первой. Такое же явление, утверждает автор, наблюдалось и на других ленинградских предприятиях.

Психофизиологическое исследование, произведенное поликлиникой ленинградского металлзавода, показало, что лучшие стахановцы затрачивают меньше энергии и меньше устают чем не-стахановцы, что объясняется ритмичностью работы стахановцев, правильным чередованием труда и отдыха.

По свидетельству *С.С. Шалыта*, на упомянутом металлзаводе травматизм у стахановцев составлял в 1935-36 гг. против 1934-35 по количеству случаев 54%, по количеству потерянных дней 35%. По сравнению же со средними показателями по 4 цехам завода показатели травматизма стахановцев этих цехов были значительно ниже и в 1934-35, и в 1935-36 гг. Особенно разительно это соотношение оказалось в одном из цехов, где стахановские методы сочетались с хорошими санитарно-гигиеническими условиями труда: по количеству случаев стахановцы дали в 1935-36 16,5%, по количеству потерянных дней 7,4% (средние показатели цеха приняты за 100).

Пониженные показатели травматизма у стахановцев это результат не только обдуманной организации труда, предусматривающей возможные нарушения технологического процесса и создающей предпосылки для устранения неполадок на ходу, это также результат повышенной сознательности, повышенного чувства ответственности перед собой и перед коллективом.

Мастер высокой производительности Настюшенко, выступая на совещании стахановцев, заявил: «Мы работали большей частью без очков. В глаза часто попадал разный сор, и в связи с этим часто приходилось обращаться в поликлинику. Когда я решил работать по-стахановски, то прежде всего стал работать в очках. После этого мне пришлось за 4 месяца только раз обратиться к врачу».

2. ДВА ВИДА НАУЧЕНИЯ. УСТАНОВКА НА БЕЗОПАСНОСТЬ

Приведенные примеры убедительно показывают, что методы воздействия стахановцев на производственную среду, а также их дисциплинированность, самовоспитание возникают не стихийно и не случайно. В основе этих методов лежит, во-первых, вполне сознательное, преднамеренное, целеустремленное отношение к работе, во-вторых, знание дела. Передовой мастер московского завода «Калибр» *Николай Российский*, инициатор движения мастеров, пишет («Правда» от 26 июля 1947 г.): «Еще немногим больше года назад это участок считался одними из самых отстающих на заводе. Когда я был назначен сюда старшим мастером, я начал с наведения порядка и дисциплины.

Сменные задания стали составляться заранее для каждого рабочего. Старался предусмотреть все «мелочи»: подготовить инструмент, наряды, чертежи на завтрашнюю работу».

Вместе с тем приведенные примеры и цифры учат, что отличное знание своего дела и умелая его организация, обуславливающие высокую производительность, еще не полностью гарантируют от возможных травм. Если бы это было не так, то квалифицированные рабочие и особенно стахановцы вовсе не имели бы несчастных случаев. Между тем несчастные случаи происходят и с ними. Очевидно, что кроме владения своим делом, необходимо еще дополнительное знание и сознательное отношение тем факторам, которые могут предотвратить травматизм. Это могут быть как факторы, непосредственно связанные с производственным процессом, так и факторы внешние по отношению к работе, например, пользование спецодеждой, ношение очков и других защитных приспособлений правильное обращение с

ограждениями. Эти два рода факторов не всегда уживаются рядом, и понимание их неотрывной связи приобретает только со временем, в результате так называемого «горького» опыта.

Существует два способа научения, пишет член-корреспондент Академии Наук проф. *С.Л. Рубинштейн* в своих «Основах общей психологии». «Учение как особая деятельность, специально направленная на научение, как свою прямую цель, лишь один из них. Научение получается, наряду с этим, и в качестве результата, а не цели деятельности, непосредственно направленной на другую цель... При этом и далее, чем более жизненный характер имеют те или иные знания и умения, тем более овладение ими вплетено в жизненно мотивированную деятельность, непосредственно направленную на удовлетворение основных потребностей человека, а не специально на овладение этими знаниями и умениями» (стр. 156-157).

В процессе исторического развития формы труда, все совершенствуясь, вместе с тем и усложнялись. В силу этого все менее возможным становилось овладение необходимым для трудовой деятельности знаниями и навыками в процессе самой этой деятельности. Поэтому в целях подготовки к дальнейшей собственной производственной трудовой деятельности стало необходимым выделение в качестве особого вида деятельности учения, учебного труда по освоению обобщенных результатов предшествующего труда других людей» (стр. 593).

Наблюдается существенная разница между подготовкой число производственной и подготовкой в смысле усвоения правил безопасности. Молодой рабочий, прошедший курс предварительного производственного обучения, приходит в цех значительно лучше подготовленным к непосредственно своей работе, чем к встрече с возможными опасностями. Квалификация производственная приобретает скорее, чем специфическая квалификация по безопасности. Объясняется это тем, что в производственных школах развивают больше знания и технические навыки и умения, чем те особые свойства, которые требуются для успешного предупреждения несчастных случаев чувство ответственности, аккуратность, осмотрительность и осторожность.

В тех случаях, когда рабочий приходит прямо на производство без предварительной производственной подготовки, шансы этого рабочего на травму возрастают многократно.

У *А.М. Горького* есть очерк «Мальчики и девочки», в котором писатель приводит отрывки из дневника иркутских пионеров, впервые побывавших на большом металлургическом заводе. «Свистки паровозов, гул пробегавших

поездов, какие-то звонки, выкрики людей» настолько оглушили ребят, что девочка Галя тут же упала в яму с известью.

То, что произошло с Галей, часто происходит с рабочими новичками. Нередки случаи, когда рабочий, впервые поступивший на завод, подвергается серьезной травме уже первый день работы. Вообще же, согласно статистике травматизма, шансы рабочего со стажем до одного месяца на несчастный случай превышают шансы рабочего с 2-3 стажем в 4-12 раз. В свою очередь, рабочий со стажем в 2-3 года значительно более подвержен несчастным случаям чем рабочий со стажем в 10-15 лет, и так до известного предела, когда эта закономерность нарушается фактором возраста.

Эти данные, следовательно, коррелируют также с возрастом рабочих по той причине, что новый рабочий это чаще всего молодой рабочий. Согласно английским данным (вышеприведенная работа английского «Совета по медицинским исследованиям»), кривая травматизма круто падает в возрасте 14-23 лет и затем практически держится на одном уровне до 40-летнего возраста.

Понятно, в связи с этим, какая огромная ответственность ложится на нашу промышленность, поглощающую ежегодно сотни тысяч молодых рабочих.

Несчастные случаи с новыми рабочими происходят не столько от неосторожности и удальства, сколько от того, что новый рабочий не знает об опасности, не усвоил правильных приемов работы и колеблется всякий раз, когда ему надо обратиться за разъяснением.

Процесс приспособления к технически усложненным условиям труда (а таковы условия на всяком современном предприятии) довольно долог. Рабочий поработал несколько лет в цехе. Он приобрел уже навыки, достаточные для того, чтобы успешно справляться со своими профессиональными обязанностями, но не приобрел еще «иммунитета» против возможностей травмы. «Иммунитет» же этот приобретается вовсе не многократным повторением одних и тех же профессионально необходимых манипуляций это помогает только отчасти, поэтому несчастным случаем подвержены также квалифицированные рабочие и даже стахановцы, «иммунитет» против травм создается путем специально воспитанной прочной установки на предотвращение травматизма.

Вся техника безопасности, усовершенствованные ограждения и защитные приспособления приобретают свое настоящее значение лишь с тех пор, как рабочий начинает проникаться сознанием проблемы безопасности, начинает понимать действительные причины несчастных случаев и свою личную ответственность за предотвращение их.

Знаменитый фрезеровщик *И.И. Гудов*, выполняющий 50 норм за смену, создал на своем станке, наряду с приспособлениями для повышения производительности, такие особые приспособления для предотвращения возможного травматизма. По такому же принципу организовал свое рабочее место кузнец-рекордист Горьковского автозавода *Бусыгин*.

Разница в достижениях таких людей как Гудов и Бусыгин и достижениях многих тысяч других рабочих состоит в том, что первые сознательно, преднамеренно включают в организацию своего труда также специальные меры по устранению возможных опасностей, вторые же делают это ощурью, путем многократных проб и неизбежных ошибок.

Следовательно, специфический этот опыт поддается организации, и таким путем стихийный процесс приспособления может быть значительно сокращен с большой пользой для работы и для работника.

Если обобщить все, что мы знаем о травматизме, то можно утверждать, что основная его причина – это специально не организованное поведение пострадавших, не нацеленных заранее на предупреждение возможных опасностей.

Каждая ошибка взывает к необходимости сознательной тренировки. Программа же такой тренировки может быть построена на обнаруженных недостатках поведения людей, достигших всего того, что может дать опыт неосознанный.

Природа человека может быть изменена. Человек есть, главным образом, результат воспитания. Наши навыки, знания и идеалы есть, главным образом, результат нашего обучения.

Мы упоминали уже о том, что «иммунитет» против несчастных случаев создается установкой на предотвращение возможных опасностей. Что такое «установка»?

Над проблемой установки работает много лет проф. *Д.Н. Узнадзе* и его школа (Грузия). Установка, по определению этой школы, это «целостная модификация личности в смысле её готовности к выполнению известных действий» (*З. Ходжава*).

Когда мы говорим о двигательной установке, то имеем в виду рабочую позу, выражающую готовность двигательного аппарата к совершению определенных движений. Под сенсорной установкой следует понимать приспособительную позу органа, обеспечивающую наилучшее восприятие. Но установку личности можно понимать в широком, обобщённом значении.

В этом смысле «всякая установка» это установка на какую-то линию поведения, и этой линией поведения она и определяется... Образование

установки предполагает вхождение субъекта в определенную ситуацию и принятие им задач, которые в ней возникают; она зависит, значит, от определенного распределения того, что субъективно значимо для индивида».

«Смена установки означает перестройку всего психического строя индивида, связанную с перераспределением того, что для него значимо»

«Установка... играет очень значительную роль во всей деятельности личности. Наличие той или иной установки соответственно изменяет и перспективу, в которой воспринимается субъектом любое предметное содержание: перераспределяется значимость различных моментов, по-иному как бы расставляются ударения, акценты и интонации, иное выделяется в качестве существенного и все представляется по-иному в иной перспективе и в ином свете». (Проф. С.Л. Рубинштейн. «Основы общей психологии», стр.625).

Действие навыка определяется не автоматической связью между стимулом и реакцией и не частотой повторения этой связи, а установкой субъекта, готовностью цельной личности к определенному восприятию. Точно так же процесс упражнения и степень упражняемости личности зависит от создания соответствующих фиксированных установок (Ходжава).

Что входит в содержание «установки на безопасность»? Прежде всего воля и постоянная готовность к устранению опасностей, воспитанная на отличном знании своего дела, понимании причин несчастных случаев и убеждении в том, что причины эти вполне устранимы; это чувство ответственности перед собой и коллективом; любовь к порядку и аккуратности и постоянное желание осуществлять их в повседневной деятельности; это предвидение последствий собственных поступков; навыки осмотрительности и осторожности.

Средства развития установки на безопасность – это средства воспитательные, и в первую очередь пропаганда безопасности.

Не касаясь в этой работе вопроса о производственном обучении и связанного с ним вопроса о специальном обучении правилам безопасности, укажем, однако, что предварительное обучение правилам безопасности предусмотрено рядом обязательных государственных постановлений.

Так, например, в «Правилах внутреннего распорядка», утвержденных постановлением *НКТ СССР 17.II-1930 г.* за № 368, указано, что всякий вновь поступающий в предприятие или учреждение работник должен быть ознакомлен администрацией с правилами безопасности работ, со всеми опасными частями, а также с порядком обращения с порученными ему машинами и станками.

В номенклатуре мероприятий по охране труда, подлежащих включению в особый раздел промфинпланов (приложение к постановлению *НКТ СССР* от 14.II-1933 г., № 22), предусмотрено проведение курсового обучения рабочих безопасным методам работы.

В постановлении *СТО* от 30.VI-1932 г. об обязательном обучении рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки или механизмы, указано (пункт 3), что технический минимум должен обязательно включать все необходимые знания техники безопасности. К работе в качестве кочегара могут допускаться только лица, сдавшие требуемый законом экзамен на звание кочегара и имеющие соответствующие удостоверения (из Правил эксплуатации котельных установок, утвержденных Президиумом ЦК Союза рабочих электростанций 20.II-1937 г. Главэнерго *НКТИ СССР*, п.29).

По Правилам технической эксплуатации электрических станций и сетей (утверждены Народным Комиссаром электростанций и электропромышленности *СССР* 8.VI-1940 г.) каждый эксплуатационный работник до назначения его на самостоятельную работу при переводе на другую работу обязан пройти производственное обучение на рабочем месте и подвергнуться проверке знаний правил технической эксплуатации, правил безопасности. Проверка знаний должна производиться также периодически не реже одного раза в год. При этом проверка технической подготовленности работников производится квалификационными комиссиями, а результаты проверки знаний фиксируются в специальных документах (§1279, а) и в), §1280, §1282).

В этой работе мы касаемся только пропаганды безопасности как системы, направленной к тому, чтобы постоянно привлекать внимание к вопросам безопасности, постоянно о них напоминать, поддерживать к ним интерес и превращать усвоенные правила в постоянное руководство к действию.

С понятием пропаганды связывается прежде всего политическая деятельность. Именно в политической деятельности были разработаны принципиальные основы пропаганды и агитации. Для того, чтобы понять глубже сущность пропаганды, необходимо обратиться к учению основоположников марксизма.

3. УЧЕНИЕ О ПРОПАГАНДЕ В РАБОТАХ ПЛЕХАНОВА И ЛЕНИНА

Тема эта настолько интересна и обширна, что могла бы стать предметом специального исследования. Мы поставили своей целью изучить некоторые высказывания основоположников русского марксизма об интересующем нас вопросе с тем, чтобы углубить собственное понимание этого вопроса применительно к пропаганде безопасности.

Определение пропаганды и агитации.

«Вообще пишет *Г.В. Плеханов* не легко провести границу между агитацией и тем, что обыкновенно называется пропагандой. Агитация – это та же пропаганда, но пропаганда, имеющая место при особых условиях, именно, при условиях, заставляющих прислушиваться к словам пропагандиста даже таких людей, которые не обратили бы на них внимания в обычное время. Пропаганда – это агитация, совершающаяся при обыкновенном будничном течении жизни данной страны. Агитация – это пропаганда, поводом для которой служат не совсем обыкновенные события, вызывающие некоторый подъем в общественном настроении» (Собр. сочин. II. стр. 395).

И далее: «Если бы надо было еще выяснить взаимное отношение агитации и пропаганды, я прибавил бы, что пропагандист дает *много* идей одному лицу или несколькими лицами, а агитатор дает *только одну* или *только несколько* идей, зато он дает их целой *массе* лиц, иногда чуть ли не целому населению данной местности. Но история делается массой. Следовательно, агитация есть цель пропаганды: я веду пропаганду зачем, чтобы иметь возможность перейти к агитации» (т. III, стр. 396-397).

Резко отстаивая это определение против ошибочной «поправки», предложенной Мартыновым, Ленин в «Что делать» (Собр. сочин. т. IV, стр. 412-413) развивает его на примере о пропаганде вопроса о безработице. Пропагандист, беря этот вопрос, «должен разъяснить капиталистическую природу кризисов», показать их неизбежность в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т.д.» Агитатор же в это м случае «возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т.п. и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею*: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постараемся *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого

противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому *печатным*, а агитатор живым словом. От пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора».

Классическое определение политической агитации и пропаганды приложимо также к пропаганде безопасности. Оно помогает ориентироваться в многообразной пропагандистской деятельности и многообразных материалах. Оно позволяет уяснить особенности подхода к руководителям (мастерам, бригадирам, начальникам работ и цехов) и рабочей массе; в обычное время и при каком-нибудь происшествии. Оно диктует необходимость выделять из среды актива охраны труда на предприятиях пропагандистов и агитаторов в зависимости от способностей отдельных лиц. Оно учит, что между пропагандой и агитацией безопасности не может быть резкой непроходимой границей.

В дальнейшем мы приводим только ленинские высказывания об агитации и пропаганде, обращая внимание, главным образом, на те требования, которые Владимир Ильич предъявлял к этого рода работе.

Пропаганда и агитация должна быть ясной и правдивой.

Пропагандист (или агитатор) не должен бояться ни резкости, ни возможных конфликтов, если они принципиально неизбежны.

В статье «примечание к статье *М.Н. Покровского* «Профессиональная интеллигенция и социал-демократы» *Ленин* пишет: «Спору нет, что агитатору в народных собраниях полезно принимать во внимание кроме «политической» и «педагогическую» точку зрения, ставить себя в положение своих слушателей, больше «разъяснять», чем говорить и т.п. Крайности ни в чем нехороши, но, если бы пришлось выбирать, - мы предпочли бы узкую и нетерпимую определенность мягкой и уступчивой расплывчатости» (т.VIII, стр.150).

Это основное требование к пропаганде, неуклонно повторяемое Лениным также в других произведениях (в частности, в докладе ЦК девятому съезду РКП(б), т.XXV, стр.105), приложимо к пропаганде в любой области и несомненно также к пропаганде безопасности, в практике которой нередко возникает необходимость действовать «невзирая на лица» и вопреки установившимся взглядам.

Пропаганда и агитация должна быть гибкой и многосторонней.

Пропагандист (или агитатор) должен пользоваться всяким случаем для выступления, и вместе с тем в каждом явлении видеть многочисленные его связи с другими явлениями жизни.

«Недостаточно объяснять политические угнетения рабочих... Необходимо агитировать по «поводу конкретного проявления этого угнетения» ... («Что делать?», т.IV, стр.404-405).

«Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так. И эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самым различными способами и т.п.» («о значении воинствующего материализма» т. XXVII, *стр.184*).

«...одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация всесторонних политических обличений» («Что делать?», т. IV, *стр.414*).

В приложении к пропаганде безопасности – это ленинское указание о необходимости многосторонних связей может и должно дать особенно плодотворные результаты. Эффективность пропаганды безопасности возросла бы в значительной степени, если бы мы смогли показать свои проблемы безопасности с другими жизненными явлениями на живых примерах, в частности, в наглядных агитационно-пропагандистских средствах на плакате, кинофильме и т.п.).

Пропаганда и агитация должна быть непрерывной и рассчитывать не только на ближайшие, но и на отдаленные результаты.

«Именно в этот период, с 1905 по 1907 гг., в России распространена такая масса серьёзной, теоретической с.-д. литературы, которая еще *принесет* плоды. Не будем маловеерами, не будем своего личного нетерпения навязывать массам. Такие количества теоретического литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти не затронутые социалистической книжкой массы, не переваривают их сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. Она посеяна. Она работает. И она дает плоды может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже, мы не в силах изменить объективных условий нарастания нового кризиса, – но она даст плоды» («По поводу двух систем», т. XII, *стр.391-392*).

Вопрос об «отдаленных результатах» имеет в пропаганде безопасности первостепенное значение, и не только теоретическое. Именно исходя из расчета на отдаленные результаты, необходимо начать воспитывать установку на безопасность в раннем детстве. Установку на безопасность можно воспитывать у детей на примерах бытового травматизма, и тем самым осуществить одну из основных связей, о важности которых речь шла выше.

Пропаганда и агитация должны быть конкретной и действенной.

«Вся пропаганда, – пишет Ленин, – должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства. Это наша главная задача...

... надо воспитывать массы, а перевоспитывать их может только агитация и пропаганда, надо связывать массы с строительством общей хозяйственной жизни, в первую очередь» (Речь ев Всероссийском совещании политсоветов, т. XXV, *стр.* 454-456).

Излишне, конечно, доказывать, что пропаганду безопасности надо строить на живых примерах производственной практики.

Пропаганда и агитация должна быть яркой, наглядной, впечатляющей и общедоступной.

«Пропаганда и агитация за социальную революцию должны вестись более конкретно, наглядно, непосредственно практически, так чтобы быть понятным не только для организованных рабочих, но и для большинства эксплуатируемых» («Задача левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии», т. XIX, *стр.* 338).

«Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» («О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы», т. XV, *стр.* 288).

Яркость, наглядность и популярность важнейшие требования к пропаганде безопасности. Недаром плакат занимает такое видное место в системе пропаганды безопасности.

Пропаганда должна быть дифференцированной в зависимости от аудитории.

«Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различий условий быта, различия культуры... Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках применительно ко всем этим различиям. Партия в целом, её центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т.п. различиям» («Положение Бунда в партии», т. VI, *стр.* 80).

В этом отрывке выражено требование, которому необходимо должно удовлетворять всякое воспитательное мероприятие. В пропаганде безопасности надо учитывать возрастные, половые, профессиональные особенности аудитории в первую очередь, иначе пропаганда может стать обезличенной и малоэффективной.

Вопрос о средствах пропаганды и агитации наиболее освещен Лениным в его «Тезисах о производственной пропаганде черновой набросок» (т. XXV, стр. 478-480).

«Единым руководящим органом производственной пропаганды считает Ленин, – должна быть редакция популярной массовой газеты с тиражом ½–1 милл. экземпляров» (тезис 5).

«Производственная газета должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье» (тезис 7).

«Печатаемый в газете, поступающий в газету, а равно другой материал должен систематически переиздаваться брошюрами и листовками периодически, для обязательного снабжения библиотек, затем всех фабрик и предприятий данного производства...» (тезис 8).

«Организация лекций, бесед, отчетов и пр...» (тезис 9).

«Более широкое и систематическое использование фильм для производственной пропаганды. Совместная работа с киноотделом. Советская пластинка. Выставка диаграмм и картограмм в клубах, избах-читальнях, на улицах и пр. Расклейка афиш и плакатов около фабрик, мастерских, технических школ и т.д.» (тезис 10).

В цитированной уже статье о задачах левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии (т. XIX, стр. 338) Ленин предлагает для воздействия на более широкие массы «перейти к более систематическому изданию раздаваемых даром летучих листков...» организовать «открытое соревнование всех секций партий и особенно организаций молодёжи в деле распространения таких листов», агитировать «по улицам, домам и квартирам».

В этих выдержках перечислен весь возможный арсенал агитационно-пропагандистских средств. За исключением. Разве, радио, которое в то время не получило еще достаточного развития.

Производственная пропаганда и агитация, по Ленину, должна быть общегосударственной, организованной, систематической, разнообразной, распределенной периодически во времени и сопровождаться учетом достигнутых результатов.

Несомненно, такой же должна быть советская пропаганда безопасности.

О том же учете результатов, но не производственной, а политической агитации и пропаганды, об анализе пропагандистской и агитационной работы Ленин пишет в IV разделе («Характер, содержание и широта местной работы») статьи «К вопросу о докладах комитетов и групп Росс.соц.-дем.раб.партии общепартийному съезду» (т. V, стр. 216-217).

Ленин требует от докладчиков самого точного изучения содержания, методов размножения и распространения литературы, интересов аудитории, реакций аудитории на пропаганду, обстановки, в которой происходит пропагандистская работа.

«16) Пропаганда, состав (кружков пропагандистов, число их, образ действия? ... Обычные программы лекций, их видоизменения во времени? Отзывчивость рабочих и запросы их на те или иные предметы? ...Состав и число, частота и обстановка собраний для чтения?»

«17) Экономическая агитация. С какого времени начался выпуск листков? Можно ли посчитать количество всех выпущенных листков и экземпляров (приблизительно)? Какие работы, заводы и отрасли труда захвачены этой агитацией? Порядок составления и утверждения листков? Участие рабочих в этом. Техника издания и распространения? ...»

«19) Какие нелегальные издания распространяются? Перечислить их, указать степень их распространения, отношение к каждому изданию (брошюрам и проч.). Время распространения, спрос, в каких слоях, преимущественно на какую литературу? Раздача, разбрасывание? Совместное чтение в кружках? Какие вещи требовали разъяснения читателей? Широко ли практикуется чтение, истолкование? Каких именно произведений?»

В этой статье изложена, по существу, **целая программа научного исследования эффективности пропаганды и агитации.**

III. ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

1. П.Г. Бражников. Роль соматических моментов в этиологии повторного травматизма. Ленинградский Институт гигиены труда и профзаболеваний. Сборник трудов, том восьмой. Л., 1934.
2. Л.Бурлюк, С.Геллерштейн, Л.Красновская, Д.Рейтынбарг, Ю.Шпигель. Статья о «личном факторе» в травматизме. Труды и материалы Гос.Научн.инстиута охраны труда, т.III, выпуск 2. Промышленный травматизм и борьба с ним. М.,1930.
3. Д-р И.Л.Векслер. Роль аномалий рефракции глаза в динамике промышленного травматизма. Азово-Черноморский Краевой институт промсанитарии и гигиены труда Аз.Черн.Крайздрава. Сборник трудов, том I. Азово-Черноморское Краевое книгоиздательство, Ростов н/Дону, 1935, стр.61-74.

4. Всероссийское совещание по борьбе с травматизмом и его последствиями. Тезисы докладов 1-4 июля 1947 года. Министерство здравоохранения РСФСР. М., 1947, 84 стр.
5. «Гигиена труда и техника безопасности». Ежемесячный журнал.
6. Проф. С.Г. Геллерштейн. Восстановительная трудовая терапия в системе работы эвакогоспиталей. Медгиа, 1943.
7. С.Г. Геллерштейн. Проблемы психотехники на пороге второй пятилетки. Журнал «Советская психотехника», 1932, №1-2.
8. С.Г. Геллерштейн и Ю.И.Шпигель. Реорганизация комплектовки шрифта. «Полиграфическое производство», 1925, №1.
9. А.М. Горький. Мальчики и девочки. Очерк. «Правда», 1934 г.
10. «Госпитальное дело», журнал, орган министерства здравоохранения Союза ССР.
11. Л.Н. Грацианская и Е.П. Розанова. Влияние расстройства бинокулярного зрения на травматизм и производительность труда станочников. Библиотека Ленинградского института гигиены труда и профзаболеваний, вып.17, Л., 1934.
12. В.М. Давыдович, К.М.Караульник и Ю.И.Шпигель. Опыт изучения стахановских методов работы. Журнал «Гигиена труда и техники безопасности», 1936 г., №5
13. З.И. Израэльсон, С.И. Каплун, А.А. Летавет, Ц.Д. Пик, З.Б. Смелянский. Курс гигиены труда, под редакцией проф. А.А. Летавета. Медгиа, Свердловск, 1946.
14. Проф.С.И.Каплун. Общая гигиена труда. Медгиа. М.-Л., 1940.
15. Конституция Союза Советских Социалистических Республик.
16. В.И.Ленин. Сочинения, т.т. IV, V, VI, VII, XII, XV, XIX, XX, XXVII (2-е издание).
17. Лечебная физическая культура. Сборник под ред.доцента И.Л.Крячко. Изд. «Физкультура и спорт», М., 1946.
18. И.Г. Липкович. Функциональные нервозы и трудоспособность. Ленинградский институт гигиены труда и профзаболеваний. Сборник трудов, том восьмой, Л., 1934.
19. К. Маркс. Капитал, том I, изд.1931 г.
20. К. Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, том XI, часть 1.
21. В. Марфенин, А. Мещатунян, Н. Муромский, Л. Фрадкин. Техника безопасности и производственная санитария. Сборник важнейших правил и постановлений. «Профиздат». М., 1935.
22. Г.Мюнстерберг. Основы психотехники. Первая общая часть. М., 1923 г.

23. Гюго Мюнстерберг. Психология и экономическая жизнь. Изд. «Современные проблемы», 2-е издание, М., 1924 г.
24. Г.В.Плеханов. О задачах социалистов в борьбе с голодом в России. Письмо третье. Собр. сочинений, том III.
25. Российский Николай. Как мой участок стал стахановским. «Правда», 26 июля 1947 г.
26. А.Рочестер. Труд и уголь в Америке. Соцэкгиз. М.-Л., 1932.
27. С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Институт философии Академии Наук СССР. Второе издание. Москва, 1946.
28. А.Д. Рубцова. Тренировка монокулярного зрения средствами физической культуры. В сборнике «Санитарная служба в дни Отечественной войны». Свердловск, 1946.
29. Д-р П. Рудановский. Заметка об эпидемии травматических повреждений. Извлечение из 1-го выпуска записок Уральского Общества любителей естествознания за 1872 г. Екатеринбург, 1873. 7 стр. с приложенными образцами карт для записи несчастных случаев.
30. Ю.А. Самарин. Опыт психологического анализа причин травматизма в кузнечном цехе Кировского завода. Библиотека Ленинградского института гигиены труда и профзаболеваний, вып.17. Л., 1934.
31. Справочник по технике безопасности и промышленной санитарии. Два тома. «Профиздат». М., 1940.
32. Д.Н. Узнадзе. К вопросу об основном законе смены установки. Журнал «Психология», вып.3, том 3, М. 1930 г.
33. И.Г. Фридлянд, Я.З. Матусевич (руководители работы), Н.Б. Альперина, Р.И. Верховская и друг. Медицинские противопоказания к приему на работу в основные профессии металлообрабатывающей промышленности. Библиотека Ленинградского института гигиены труда и профзаболеваний, вып.7, Л., 1934.
34. З. Ходжава. Роль установки в действии навыка (резюме на русск.яз.). Академия Наук Грузинской ССР. Психология, I, Тбилиси, 1942 г. (на грузинск.яз.).
35. З. Ходжава. Установка и упражнение (резюме на англ.яз.). Академия Наук Грузинской ССР. Психология, I, Тбилиси, 1942 г. (на грузинск.яз.).
36. Центральный институт экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов. Труды за ряд лет до 1947 включительно.
37. С.С. Шалыт. Влияние стахановских методов работы на снижение травматизма. Журнал «Гигиена и санитария», 1937, №7.

38. С.С. Шалыт и Б.Н. Ласкин. Результаты наблюдений над повторными травматизмами. Библиотека Ленинградского института гигиены труда и профзаболеваний, вып.17, Л., 1934.
39. Проф.С.Г. Шмерлинг. Стахановское движение путь к здоровью. Журнал «Гигиена труд и техника безопасности», 1936 г., №2.
40. Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том III.
41. Проф. С.А. Якобсон. Вопросы травматизма по русским историческим материалам. «Хирургия», 1947, №7.

На иностранных языках

1. The Accident-Prone Employee. A study of electric railway operation undertaken by the Cleveland Railway Co. with the cooperation of Policyholders Service Bureau Metropolitan Life Insurance Co., 1931.
2. Bixler Harold R. Educations methods and control of accidents in industry. *В книге:* Health education on the industrial front. New York, 1943.
3. Cumming Donald E. Industrial accidents, their cause and prevention. *В книге:* The principles and practice of industrial medicine. Edited by Fred J.Wampler. Baltimore, 1943.
4. Farmer Erich and Chambers E.G. A psychological study of individual differences in accident rates. Report No. 38.
5. Greenwood Major M. and Woods Hilda M. The incidence of industrial accidents with special reference to multiple accidents. Report No. 4.
6. Heller O. Eignungsprüfung und Unfallverbeugung in Holzindustrie. „Industrielle Psychotechnik“, 1924, No. 4.
7. Kalez Marion M., Commander, and Hovde Bieber C., Lieutenant Commander. Fatal aviation accidents. «The Journal of Aviation Medicine», No. 3, June 1946, pp. 234-243, a. 264.
8. Kunkle Major Charles. The psychological background of “pilot error” in aircraft accidents. «The Journal of Aviation Medicine», No. 6, December 1946, pp. 533-564.
9. Dr. Lippmann Otto. Unfallursachen und Unfallbekämpfung. Sammlung und psychologische Discussion der Forschungsergebnisse. Mit einem Vorwort: Über den Inhalt der Arbeitswissenschaft. *В книге:* Veröffentlichungen aus dem Gebiete der Medizinalverwaltung. Bd.20, H. 3. Berlin, R.Schortz, 1925.
10. Marbe Karl. Dr. Praktische Psychologie der Unfälle und Betriebsschäden. Verlag R.Oldenbonrg, Hiinchen u. Berlin, 1926.

11. Medical Research Council. Industrial Health Research Board. The personal factor in accidents. London, 1942.
12. Newbold E.M. A contribution to the study of the human factor in the causation of accidents. Report No. 34.
13. Osborne. Ethel E., Vernon H.M., Muscio B. Contributions to the study of accident causation. Report No, 19.
14. Rehabilitation of the War Injured. Symposium. Англо-американский сборник, 1943. Часть, касающаяся восстановления трудоспособности и трудоустройства инвалидов /23 статья/, в переводе Д.И.Рейтынбарга /рукопись/.
15. Vernon H.M. Accidents and their prevention. Cambridge, 1936.
16. Vernon H.M. An investigation of the factors concerned in the causation of industrial accidents. Ministry of Munitions. Health of Munition Workers Committee. Memorandum No. 21, London, 1918.
17. «Zentralblatt für Gewerbehygiene und Unfallverhütung» (журнал), 1925, Band 11.

Хроника

Первый Всероссийский форум историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы»

Богданчиков Сергей Александрович

ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», Россия,

e-mail: bogdanch4@yandex.ru

Ракитина Ольга Вячеславовна

ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», Россия

e-mail: soratnic@yandex.ru

Аннотация. Данная публикация представляет собой отчет о первом Всероссийском форуме историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы» (г. Москва, 10-11 апреля 2018 г.).

Ключевые слова: история психологии, советская психология, Форум историков психологии.

First all-Russian forum of historians of psychology “History of Soviet psychology: research problems, achievements, prospects”

Bogdanchikov Sergey Aleksandrovich

Moscow Region Academy of Social Administration, Russia

e-mail: bogdanch4@yandex.ru

Rakitina Olga Vyacheslavovna

Moscow Region Academy of Social Administration, Russia

e-mail: soratnic@yandex.ru

Abstract. This publication is a report on the first all-Russian forum of historians of psychology "History of Soviet psychology: research problems, achievements, prospects" (Moscow, April 10-11, 2018).

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, forum of historians of psychology.

10-11 апреля 2018 г. в Москве на базе факультета психологии и педагогики ГБОУ ВО МО «Академия социального управления» (АСОУ) прошел первый Всероссийский форум историков психологии «История советской психологии: проблемы исследования, достижения, перспективы».

Работа по подготовке и проведению Форума осуществлялась при поддержке проректора по научной работе и информационным технологиям, доктора педагогических наук, профессора Л.Н. Горбуновой (председатель оргкомитета Форума), зав. кафедрой практической психологии личности и индивидуального консультирования, кандидата психологических наук, доцента О.В. Ракитиной (зам. председателя оргкомитета), в тесном сотрудничестве со специалистами отдела координации научно-исследовательской деятельности Академии.

Данное мероприятие, предложенное доцентом кафедры практической психологии личности и индивидуального консультирования, кандидатом психологических наук, историком психологии С.А. Богданчиковым, было изначально задумано как инициативная академическая площадка для обмена опытом и координации исследований в области изучения истории советской психологии. В работе Форума в очной и заочной форме приняло участие свыше двадцати российских исследователей истории психологии преподавателей высшей школы, психологов-теоретиков, практиков, методологов из Дубны, Иркутска, Москвы, Нижнего Новгорода, Черногорска и Ярославля.

Была организована онлайн-трансляция работы Форума, в том числе в чате.

В ходе Форума обсуждались актуальные проблемы исследования истории и историографии советской психологии:

- советская психология в контексте истории отечественной и мировой психологии: современные проблемы реконструкции и интерпретации;
- проблемы периодизации истории советской психологии;
- научные школы, концепции и теории в истории советской психологии (современные проблемы, результаты и перспективы исследований);
- проблемы и достижения в изучении отраслевой истории советской психологии;
- история советской психологии в лицах: современный взгляд на судьбы советских ученых-психологов.

Шесть участников выступили с очными докладами:

«О проблемах изучения истории советской психологии»
С.А. Богданчиков, кандидат психологических наук, доцент кафедры

практической психологии личности и индивидуального консультирования (ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», г. Москва);

«Миграция психологических идей: Е.М. Ганфман как заочная русско-американская ученица Л.С. Выготского» А.А. Костригин, старший преподаватель кафедры психологии (ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина», г. Москва);

«Параллелограмм развития как принцип и как факт» Б.Г. Мещеряков, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии (ГБОУ ВО МО «Университет “Дубна”», г. Дубна Московской области);

«Психотехники в 1936 г.: новые факты» Н.Ю. Стоюхина, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления (ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород);

«Проблема кризиса в истории советской психологии: от Л.С. Выготского к Э.В. Ильенкову» А.В. Сурмава, кандидат психологических наук (г. Москва);

«Экзистенциальная проблематика в творчестве раннего Л.С. Выготского» М.Г. Чеснокова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва).

С видеозаписью докладов, прозвучавших на Форуме, в настоящее время можно ознакомиться по ссылкам:

1. <https://youtu.be/dwQo8Vyp3k8>
2. <https://youtu.be/gz3b0EBOzw8>
3. <https://youtu.be/IZHN2bVmflg>

Для публикации в сборнике материалов Форума 14 участников предоставили следующие доклады:

«Советская психология: опыт самоорганизации в изоляции» О.А. Артемьева, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии (ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск);

«Вопросы истории советской психологии в работах советских исследователей 1960-1980-х годов» С.А. Богданчиков, кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии личности и индивидуального консультирования (ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», г. Москва);

«Поршнева Борис Федорович: психолог и историк» В.В. Колосова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления

(ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород);

«Евгения Моисеевна Ганфман (1905-1973): последовательница Л.С. Выготского» А.А. Костригин, старший преподаватель кафедры психологии (ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина», г. Москва);

«Ярославская психологическая школа: замысел создания, возникновение, развитие» доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии В.А. Мазилев (ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль);

«Елена Антипова (1892-1974) и Александр Нечаев (1870-1948): из истории русской педологии начала XX в.» Н.Ю. Масоликова, ведущий научный сотрудник Отдела истории Российского Зарубежья (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва); М.Ю. Сорокина, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом истории Российского Зарубежья (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, г. Москва);

«Рождение отечественной постнеклассической нейропсихологии» Я.Р. Паникратова, аспирантка кафедры нейро- и патопсихологии; Т.В. Ахутина, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва).

«О стилях научного руководства (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, Г.И. Челпанов, М.М. Бахтин)» О.В. Ракитина, кандидат психологических наук, зав. кафедрой практической психологии личности и индивидуального консультирования (ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», г. Москва);

«Московский Психологический институт и советизация отечественной психологии» И.Е. Сироткина, кандидат психологических наук, доктор философии, ведущий научный сотрудник (ФГБУН «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук» (ИИЕТ РАН), г. Москва);

«Психотехники в 1936 г.: новые факты» Н.Ю. Стоюхина, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления (ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород);

«Экзистенциальная проблематика в творчестве раннего Л.С. Выготского» М.Г. Чеснокова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры общей психологии факультета психологии (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва).

«Научная школа педологии (дефектологии) трудного детства: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, М.С. Певзнер, В.И. Лубовский» Л.Ф. Чупров, кандидат психологических наук, главный редактор журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири», г. Черногорск, Хакасия).

Данные доклады в ближайшее время планируется издать в электронном сборнике научных трудов и материалов научно-практических конференций «Конференциум АСОУ» (2018, выпуск 2). Сборник будет выложен в открытом доступе на сайте АСОУ:

<http://new.asou-mo.ru/index.php/izdaniya-asou>.

Подводя на «круглом столе» итоги работы Форума, С.А. Богданчиков сформулировал три главные задачи, стоящие на повестке дня перед российскими историками психологии:

1) создание профессионального сообщества историков психологии «Российской ассоциации историков психологии»;

2) подготовка коллективной научной монографии по истории советской психологии;

3) создание современного учебного комплекса по истории советской психологии, включающего в себя учебники, учебные пособия и другие материалы для бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и научно-педагогических работников системы высшего образования и учреждений науки России.

Состоявшийся Форум можно рассматривать как первый шаг на пути решения этих задач.

С информацией о Форуме можно ознакомиться на сайте Академии социального управления:

<http://new.asou-mo.ru/index.php/ru/konferents-kholl/konferentsii/item/4524-i-vserossijskij-forum-istorikov-psikhologii-istoriya-sovetskoj-psikhologii-problemy-issledovaniya-dostizheniya-perspektivy>

В 2019 г. планируется проведение второго Форума историков психологии. Организаторы Форума приглашают принять активное участие в его работе отечественных и зарубежных исследователей.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3

Сведения об авторах:

Богданчиков Сергей Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии личности и индивидуального консультирования ГБОУ ВО МО «Академия социального управления» (Москва, Россия)

Ракитина Ольга Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой практической психологии личности и индивидуального консультирования ГБОУ ВО МО «Академия социального управления» (Москва, Россия)

Электронный научный журнал
История российской психологии в лицах: Дайджест
2018
№ 1
157 с.
7,8 п.л.

ISSN 2415-7953